

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NY Times и USA TODAY

ДЖЕССИКА СОРЕНСЕН

Правила
буффета
и
застенчивой
девушки

Самый первый поцелуй...

Глава 1

Виллоу

Тринадцать лет...

Новый парень моей матери снова кричит: он либо орет на нее, либо просто орет потому, что пьян. Я хочу выйти из комнаты и проверить обстановку, но боюсь того, что творится по ту сторону моей двери. Пока дверь закрыта, у меня есть барьер от этого безумия. Пока дверь закрыта, я могу притвориться, что он играет в игру, и что это глупое поведение, вызванное волнением. Как только сделаю шаг из своей комнаты, реальность шлепнет меня по лицу. Сильно. Поэтому вместо того, чтобы выйти отсюда, я сижу на кровати, прижимая ноги к груди, и смотрю на дверь.

Я уже следовала по этому пути со многими, многими парнями моей мамы. Она накопила их так много за эти годы, что иногда я задаюсь вопросом, — ей нравится их коллекционировать, как другим матерям собирать статуэтки, книги или туфли?

Она не всегда была такой. Вплоть до того, пока мне не исполнилось шесть, моя жизнь была обычной, благопристойной. Конечно, у мамы были взлеты и падения, но когда еще рядом был мой отец, она не казалась такой жалкой. Она была стабильной. Она занималась со мной всякой ерундой: брала в парк и в кино, когда могла это позволить. У нас не было кучи денег, но я никогда не ощущала того, что многое упускаю. Я была счастлива, что под одной крышей со мной живут мать и отец, в отличие от некоторых других детей, с которыми ходила в школу.

Но затем отец решил, что больше не хочет быть отцом и мужем, и мою жизнь пнули ногой, как футбольный мяч, выводя ее из — под контроля. Семь лет спустя это мяч все еще выбивает мою жизнь — моего отца нет, а мать больше времени проводит в баре или со своими парнями, чем со мной.

— Просто оставь ее, Билл, — голос матери доносится с другой стороны двери моей спальни. — Она ни кому не мешает.

Дверная ручка трясется и дверь грохочет.

— Я не хочу, чтобы она была тут, Пола, — огрызается Билл с намеком на пренебрежение. — Дети повторяют все, что видят и слышат. Ты знаешь, что может случиться, если она пойдет в школу и расскажет одному из своих друзей, что я тут был? Что если узнает моя дочь и расскажет моей жене?

— Она не будет ничего говорить, — моя мать старается переубедить его. — Виллоу знает правила.

— Плевал я на то, что она знает правила. Дети никогда не следуют правилам.

Тяжелый объект ударяется об дверь, и я подпрыгиваю, прижимаясь спиной к изголовью кровати, жаль, что не могу проскользнуть наружу через стены. Затем я бы бежала, бежала и бежала, пока не нашла бы отца, и не умоляла бы его вернуться и все исправить.

— Билл, просто успокойся, — убеждает моя мать. — Я снова с ней поговорю и удостоверюсь, что она понимает. Я сделаю это прямо сейчас.

— Я не хочу, чтобы ты с ней разговаривала, — мямлит он. — Я хочу, чтобы ты ее выпроводила отсюда на следующие несколько дней. Тогда мы сможем чуток повеселиться, не волнуясь о том, что она откроет свой рот. Я пришел сюда не для того, чтобы волноваться из — за детей. Я пришел сюда, чтобы повеселиться. Если бы я хотел волноваться из — за этого, то остался бы дома со своей семьей.

— Я знаю, милый. И я так рада, что ты здесь. Правда. Я люблю тебя. Ты это знаешь.

— Ну, если любишь меня, тогда выпроводи ее отсюда.

Задерживаю дыхание, ожидая ответа матери. До недавнего времени она оставалась довольно паршивой матерью: много пила и таскала домой случайных парней из бара; но не думаю, что она выкинет меня из дома.

Правда?

Это не станет первым разом.

Дом погружается в тишину, и я задаюсь вопросом — надеюсь, что, возможно, они решили отвалить и заняться, чем бы ни собирались, когда исчезают на несколько часов в середине ночи. Затем следует мягкий стук в мою дверь.

— Виллоу, пожалуйста, ты можешь открыть дверь? — мама использует свой милый, мягкий тон голоса, чтобы попытаться меня убедить. — Мне надо, с тобой поговорить.

Я сильнее обхватываю свои ноги, прижимая их к груди, и не отвечаю, боясь, что она попросит меня уйти. Может, если притворюсь невидимкой, она забудет, что я здесь, как и Билл. По правде говоря, такое уже бывало ранее.

Однажды, когда мне было десять лет, моя мать сваливала в бар с какими — то своими друзьями. Она не приходила три дня. Когда, наконец, вернулась, то извинилась, что ее так долго не было, объявив мне, что это не ее вина. Она сказала, что узнала об изменах своего парня, и друзья уговорили ее поехать в Вегас, чтобы успокоить разбитое сердце. Я чувствовала себя плохо из — за нее, вспоминая, как мой отец разбил ее сердце, поэтому сказала, что все в порядке, что я знала, как позаботиться о себе, — это правда. Я занималась этим годами.

Казалось, она успокоилась от моих слов и, после этого стала чаще отсутствовать дома. А я осталась с тем, что проклинала мою жалость к ней с самого начала.

— Виллоу, пожалуйста, просто открой дверь, или я взломаю замок. Тогда я буду расстроена, а я ненавижу расстраиваться из — за тебя, — ее голос спокойный, но твердый, несущий предупреждение.

Втянув воздух, я скатываюсь от изголовья кровати и скольжу к краю кровати. Пол, покрытый линолеумом, холодный под моими босыми ступнями, когда я встаю и иду к двери, возможно потому, что моя мать выключила отопление, чтобы сберечь деньги.

— Билл там? — тихо спрашиваю я, когда достигаю двери.

— Нет, он пошел ко мне в комнату, — говорит она. — Но он может выйти, так что поторопись.

Мои пальцы трясутся, когда я кладу руку на дверную ручку и приоткрываю дверь.

Моя мать незамедлительно протискивается внутрь, закрывает дверь и поворачивается лицом ко мне, ее стеклянные глаза сканируют мой организованный стол, застеленную кровать и книги, расставленные по алфавиту на угловой полке.

— Ты всегда такая организованная, — подмечает она, полностью отвлекаясь от своей цели, в этом она хороша. — Определенно, это у тебя от отца.

Не люблю, когда она сравнивает меня с отцом, частично из — за того, что он мне не

нравится, и частично из — за того, что он не нравится ей, так что ее сравнение не является комплиментом.

— Мам, мне ведь не надо уходить из дома, да? — спрашиваю я, жуя ноготь на большом пальце.

Она не смотрит мне в глаза, когда направляется к окну и отодвигает штору, чтобы посмотреть наружу в ночное небо. — Помнишь, какой грустной я была, когда ушел твой отец?

Я начинаю отвечать, но она меня перебивает.

— Я была по — настоящему расстроена. Он не просто разбил мое сердце, он расщепил его на маленькие куски, — она отпускает штору и разворачивается. — Он и тебя бросил, знаешь ли.

— Да, я знаю, — хмурюсь я, не уверенная, почему она подняла болезненную тему. Ненавижу думать о своем отце, как он бросил меня и разрушил мою веселую, любящую маму.

— Все в порядке, конфетка, — она пересекает комнату и заключает меня в объятия. От нее воняет сигаретным дымом, виски и какой — то специей, от чего горят мои ноздри, а глаза слезятся. — Я подняла эту тему не для того, чтобы тебя расстроить. Я лишь хотела дать тебе знать, что никогда не брошу, не смотря ни на что. Обещаю, я буду здесь с тобой, вне зависимости от того, что произойдет. Я не стану твоим отцом.

Я обвиваю ее руками и крепко обнимаю, когда облегчение затапливает меня. *Она не заставит меня уйти.*

— Но, — начинает она, и мои мышцы сплетаются в крепкие узлы. — Чтобы я сдержала свое обещание, ты должна пойти со мной на компромисс.

— Окей... Как я это сделаю?

— Давай мне чуточку пространства, когда оно мне понадобится.

Слезы обжигают мои глаза, когда я поднимаю вверх свой подбородок и встречаюсь с ней глазами.

— Это означает — уйти из дома прямо сейчас, да?

Она вздыхает, когда слезы текут ручьями из моих глаз:

— Не такое уж и большое дело. Ты можешь вернуться домой в понедельник, когда дома не будет Билла.

Я вытираю слезы моих щек:

— Но куда мне пойти?

Она проводит беглым взглядом от окна к двери, затем обратно:

— Ты можешь позависать в машине. Это может быть весело. Можешь взять отсюда свой спальник и притвориться, что отправилась в поход.

— Я не люблю походы, — бессмысленно говорю я. — И последний раз, когда я спала в машине, какие — то парни начали стучать в окно, пытаясь убедить меня, чтобы я ихпустила.

— Ах, да, я об этом забыла, — стучит пальцем по своей нижней губе. — Может, ты проведешь выходные у каких —нибудь своих друзей, — волнение освещает ее глаза. — Это будет весело, правда?

Бросаю взгляд на часы на своем комод.

— Сомневаюсь, что кто — то из моих друзей еще не спит.

Она отходит назад, роется в кармане своих джинс и достает телефон:

— Ну, ты не узнаешь, пока не попробуешь, правильно?

Я с опаской посматриваю на телефон:

— Их родители могут рассердиться, если я так поздно позвоню.

— Уверена, нет, — она принуждает меня взять телефон. Когда я не шевелюсь, она кривится. — Виллоу, эти штучки с обещаниями не сработают, если ты не будешь сотрудничать. Я не могу придерживаться своей части сделки, если ты не будешь придерживаться своей.

Я открываю рот, чтобы сказать ей, что не хочу давать обещания, но потом все случается, когда моя мама на несколько дней подряд исчезала, вспыхнули в моей памяти. В те дни я часто беспокоилась, что она не вернется, и я останусь совсем одна.

Пока я стараюсь действовать жестко и притворяться, что могу справиться с самостоятельной жизнью, иногда становится страшно, как в те ночи, когда у наших соседей вечеринки, или когда кто — то стучит в дверь, пытаюсь заставить меня пустить их в дом.

— Замечательно, я позвоню одному из своих друзей, — беру телефон из ее рук. — Но, если он не ответит, ты все равно сдержишь обещание.

Она протягивает мне телефон:

— Если они не ответят, я найду, куда тебе еще пойти.

Кривясь, беру телефон, открываю и рассуждаю, кому позвонить. Родители моей подруги Луны — супер строгие, так что она бесполезна. Винтер и Ари могут разрешить мне остаться, но тогда мне надо объяснять, почему мать выставляет меня из дома, а я еще не готова рассказать им о своей жизни дома.

Есть только один человек, который знает, что происходит в моем доме, и это — Беккет. Он один из моих близких друзей с начальной школы. Я рассказала ему о своей матери несколько лет назад, когда он пришел ко мне домой, чтобы поработать над школьным проектом, а моей матери не было дома к тому времени, когда он уходил.

— Ты уверена, что с тобой будет все хорошо, если ты останешься здесь одна? — спросил он, неохотно уходя, даже с учетом того, что его мама сигналила уже пять раз.

Я кивнула, съёживаясь от криков соседей, доносящихся из — за стен.

— Я буду в порядке. Вообще — то, я много времени провожу дома одна.

С беспокойством в глазах он забросил свой рюкзак на плечи.

— Правда? Это не кажется нормальным. Я имею в виду, что мои родители не великолепные, но они не оставляют меня одного дома так поздно, пока со мной нет горничной или Тео.

— Все в порядке, — я чувствовала себя тупой, глупой, и смущенной, не только потому, что защищаю свою маму, а из — за того, как громко кричат соседи. Было достаточно плохо привести Бека в мой крошечный, разрушенный дом, расположенный на хреновой стороне города, когда его дом такой фантастический и большой. Но нам нужно было несколько камней из моей коллекции, чтобы сделать проект, так что у меня не было большого выбора.

— Я могу о себе позаботиться.

— Но ты не должна, — он легонько дотронулся до моего носа, — то, что он делал, чтобы подбодрить меня. — Почему бы тебе не пойти ко мне домой и не позависать там, пока не придет домой твоя мама?

Мои плечи опустились еще ниже:

— Она может не прийти домой до утра, — или может даже несколько дней, но я не хотела этого ему говорить.

Он моргнул от шока, а я ждала, когда он назовет мою мать отмороженной или чудачкой, как другие дети, но то, что он сказал было:

— Все в порядке. Ты сможешь провести у меня ночь.

Я едва улыбнулась. Мне следовало знать, что Бек никогда не назовет меня чудачкой.

— Думаешь, твоя мама мне разрешит?

Он пожал плечами:

— Я лишь скажу ей, что нам надо доделать проект, а твоя мать подберет тебя через несколько часов. К тому времени она будет спать, так что не заметит.

— А что насчет утра, когда я все еще буду там?

— У нее тренировка по теннису примерно в восемь, и она не вернется до полудня.

Я кивнула и упаковала вещи, довольная, что мне не надо снова спать одной в доме, и благодарная Беку, моему лучшему другу.

Я бросаю быстрый взгляд на маму, интересуясь, как бы она чувствовала себя из — за того, что я провела ночь в доме мальчика, или если бы она узнала, что за годы я уже несколько раз так делала. Честно говоря, не думаю, что ей бы было до этого дело.

Я набираю номер Бека, скрещивая пальцы, чтобы его отец не разозлился, что я звоню. Иногда он может быть сварливым.

Четыре гудка, прежде чем Бек берет трубку.

— С каких пор ты так поздно не ложишься? — спрашивает он дразнящим тоном. — Думал, у тебя режим, чтобы освободить максимальное количество часов для учебы, или что — то типа того.

— У меня режим, — я отворачиваюсь спиной к маме, когда она меня пытливо изучает. — Но режим прервали.

Он вздыхает:

— Дай угадаю. С парнем номер двадцать семь покончено, или он громкий и надоедливый.

Он слишком хорошо меня знает.

— Да, на последнюю часть, — я искоса смотрю на маму. — Нет, на первую... Я не сомневаюсь, что она уже перевалила за число двадцать семь.

Морщинка формируется между бровей мамы:

— О чем ты ему говоришь?

Качаю головой:

— Ни о чем.

— Окей, — ее пристальный взгляд блуждает по дверному проему. — Я собираюсь проверить Билла. Скоро вернусь.

После того, как она выходит, я бреду к окну и закрываю глаза, меня омывает стыд. Хотя я и не сомневаюсь, что Бек меня не осудит, это не означает, что просить о помощи становится легче.

— Мне нужна услуга.

— Конечно, — с легкостью отвечает он. — Что случилось?

Я упираюсь головой в замерзшее окно.

— Мне нужно место, где я могу переночевать несколько дней.

— Зачем? Что случилось? — в его интонацию подкрадывается нервозность. — Этот приятель — бойфренд не пытался же забраться в твою комнату, как делал последний, да?

— Нет... Ну, он пытался, но только для того, чтобы выпроводить меня из дома, — тихо

говорю я. — Вот почему мне нужно место, чтобы переночевать.

— Твоя мама позволяет ему выгонять тебя из дома? — он не кажется таким уж шокированным.

— Они не совсем меня выкидывают... — мои щеки горят от смущения. — Моя мама лишь спросила, могу ли я переночевать в машине, или переночевать у кого —нибудь из своих друзей несколько дней. На самом деле, мне не нравится спать в машине... поэтому я позвонила тебе, — я пожимаю плечами, даже если он не видит меня. Чувствую себя такой жалкой.

— Ну, я рад, что ты позвонила мне. Не хочу, чтобы ты спала в машине, особенно потому что твои соседи такие сумасшедшие. Мне просто жаль, что твоя мать обращается с тобой подобным образом. Ты заслуживаешь намного лучшего, Вилс, — он делает паузу. — Может тебе надо кому — то рассказать, что она выставляет тебя все время. Это не правильно.

— Все в порядке... я в порядке, — говорю я, на самом деле, не зная, что еще сказать. Конечно же, я знаю, что моя жизнь дома не нормальная, но может быть еще хуже. Она могла бы бросить меня к этому времени. — Итак, ты не против, если я останусь у тебя?

— Ты всегда можешь оставаться у меня. По правде, я хочу, чтобы ты мне пообещала, что больше никогда не будешь спать в машине. Всегда звони, если понадобится помощь.

— Это я могу, — я издаю напряженный вздох, вес на моих плечах ощущается чуть — чуть меньшим. — Спасибо. Ты самый лучший друг во всем мире.

— Ну, еще бы! — шутит он. — Когда ты выдвигаешься? Я организую пиццу или что —нибудь еще. Что думаешь?

Словно отвечая, мой желудок урчит, напоминая, что шкафы и холодильник пусты, из — за этого я снова пропустила ужин.

— Ты не обязан этого делать.

— Знаю, но я хочу. Кроме того, бьюсь об заклад, что ты пропустила ужин.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Это потому, что я — твой лучший друг. Если бы я тебя не знал, то был бы самым плохим другом во всем мире.

Крошечная улыбка формируется на моих губах, но удовольствие резко снижается, когда моя мама просовывает голову в мою дверь.

— Твой друг разрешил остаться? — спрашивает она, ее глаза ещё более воспалены, чем были ранее.

Я киваю, прикрывая телефон своей рукой:

— Да.

— Хорошо, — она заходит в мою комнату, чуть — чуть покачиваясь. — Ему стоит забрать тебя. Я сейчас не могу ехать за рулем.

Я хочу возразить, но абсолютно уверена, что она либо пьяна, либо под кайфом.

— Мои друзья не достаточно взрослые, чтобы водить.

— У них же есть родители, да? — спрашивает она, когда хватается за дверной косяк, чтобы сохранить равновесие. — Узнай, может они приедут, чтобы забрать тебя.

Я колеблюсь, не желая просить Бека о таком большом одолжении. Но оставаться в машине, тоже не кажется таким фантастическим.

— Пожалуйста, не усложняй, — ее затуманенные глаза умоляют меня понять. — Билл думает, что ты уже ушла, поэтому тебе надо уйти отсюда до того, как он узнает, что я ему соврала.

Слезы обиды жгут мне глаза, когда я прикладываю телефон к своему уху:

— Бек?

— Я слышал, — глухо произносит он. — Я уже еду с Тео на машине.

Дрожащий вздох срывается с моих губ, пока борюсь с потоком слез.

— У твоего брата есть водительские права?

— Технически.

— Что это значит?

— Это значит, что у него есть ученические водительские права. Но не волнуйся. Он действительно хороший водитель.

— Что если узнают твои родители? — вина терзает мой желудок. — Вы, парни, не попадете в неприятности?

— Они не узнают, — обещает он. — А сейчас выше нос, принцесса. Мы будем у тебя примерно через двадцать минут.

К тому времени, как я вешаю трубку, слезы катятся по моим щекам. Я быстро вытираю их тыльной стороной своей руки.

— Все хорошо? — спрашивает мама, когда я передаю ей телефон.

Я киваю, хотя совсем не чувствую себя хорошо. Вообще. В действительности, вся ситуация заставляет меня чувствовать себя ужасно, ужасно плохо.

Измощенная улыбка формируется на ее губах, когда она кладет телефон в карман своих штанов:

— Тогда тебе, наверное, стоит собраться и ждать его на ступеньках. Не хочу, чтобы Билл снова начал на тебя кричать. Уверена, это, наверное, пугает тебя, — она обвивает вокруг меня свои руки. — Спасибо тебе большое за это, конфетка. Ты — такая хорошая дочь. Как мне так повезло?

Хотелось бы мне ей верить, но если ее слова были правдой, тогда почему она всегда вышвыривает меня из дома и постоянно оставляет? Хотя, я не спрашиваю, слишком боюсь ее ответа.

Она обнимает меня прежде, чем выйти из моей комнаты. Я спешу, собираюсь, проскальзываю в куртку и кроссовки, и жду снаружи на крыльце, но быстро попадаюсь, двум парням на несколько лет старше меня, которые пытаются убедить меня поймать с ними кайф.

Когда наконец — то останавливается Бек, я стою в темноте на краю парковки, прячась около знака въезда в одноэтажный жилой комплекс, где я живу.

— Что ты здесь делаешь! — спрашивает Бек, когда выпрыгивает из модного, спортивного автомобиля, который принадлежит его старшему брату Тео.

Я спешу к нему, шаркая кроссовками по грязи.

— Какие — то парни пытались заставить меня принять наркотики, поэтому подумала, что здесь буду в большей безопасности.

Он качает головой, хватая мою руку. В ту секунду, как его кожа касается меня, успокаивающее тепло распространяется по мне.

— В следующий раз жди внутри, — говорит он, рассматривая парней, слоняющихся около двери в мой дом. Их внимание сосредоточено на нас, дым клубится в воздухе, и когда один парень что — то говорит другим, мои ноги превращаются в желе.

Бек, должно быть, чувствует мою нервозность, потому что притягивает меня ближе и направляет нас к машине.

— Я бы подождала в доме, но мать сказала, что я должна подождать на крыльце, — я сжимаю его руку, мечтая, чтобы мне никогда не пришлось его отпускать.

Я не могу видеть его лица, но он сжимает свои пальцы вокруг моей руки, когда открывает заднюю дверцу и проскальзывает на заднее сидение, втягивая меня за собой. Как только дверь закрывается, Тео выруливает на улицу.

— Ты в порядке? — спрашивает Тео, мельком посмотрев в зеркало заднего вида.

Обычно Тео дразнит нас с Бекон, делая целующие рожицы и рассказывая шутки о любви друг к другу, так что его любезность сбивает меня с толку.

— Я в порядке, — но меня трясет, что не может обозначать, что я в порядке, правильно?

Бек это замечает, скидывает свою толстовку и накидывает ее мне на плечи.

— Все будет хорошо, — он обхватывает рукой мои плечи и целует в голову. — Я никогда не позволю чему — нибуду случиться с тобой. Обещаю.

Я знаю, это глупо, но никогда раньше меня не целовал парень, даже в щечку. Моя кожа горит на том месте, где касались его губы, и все, о чем могу думать, — *я чувствую себя такой защищенной.*

В безопасности.

Я склоняюсь к нему, прислоняясь своей головой к его плечу, веря в его обещание больше, чем в обещание своей матери.

— Спасибо тебе, Бек, — шепчу я. — За все.

— Всегда пожалуйста, — обнимает меня сбоку. — Я всегда буду здесь для тебя, Виллс.

Надеюсь, что он прав. Не знаю, что мне без него делать.

Временное Правило #1 — из самого первого списка — вступает в силу...

Глава 2

Виллоу

Пять лет спустя...

Иногда мне интересно, есть ли у удачи ко мне кровная месть. Наверное, я по незнанию обидела ее, и сейчас она взбесилась и полна решимости сломать меня. Это объяснило бы многое в моей жизни.

Знаю, насколько сумасшедшей кажусь. Но не верю в то, что существует удача в настоящей жизни, по крайней мере, в физическом смысле. Но кажется, что она с легкостью создает такие ситуации, как эта. Тогда мне нет нужды разбираться с правдой: моя жизнь просто реальная, реально дерьмовая и что в последнее время я делаю ее еще дерьмовее из — за своих хреновых решений.

— Черт возьми, не сейчас, — ругаюсь я, пока направляю свою машинку к краю дороги.

Дым валит из — под капота, а двигатель грохочет, как умирающий гремлин, когда я толкаю рычаг для парковки и глушу двигатель. Оставляя включенными фары, я отстегиваю ремень безопасности и накидываю толстовку поверх своей рабочей униформы, пытаюсь скрыть одно из большинства своих плохих решений, принятых сегодня: не переоделась, прежде чем уйти с работы. В свою защиту должна сказать, что спешила добраться домой и проверить маму, которая не писала мне сообщений более шести часов. И это было еще

одним неудачным решением: оставить мать одну дома после того, как она провела всю ночь, рыдая и заливая свое разбитое сердце, разыскивая его осколки на дне бутылки.

Мне, действительно, следовало позвонить и назваться больной.

Но как бы ты тогда платила за аренду?

Я отправляю матери еще одно сообщение, но она не отвечает. Запихиваю свое беспокойство о том, что на этот раз могло произойти что — то на самом деле нехорошее, и вылезая из машины, чтобы проверить повреждения. Холодный ноябрьский воздух обжигает мои голые ноги и жалит щеки, пока я иду к багажнику и хватаю фонарик, который туда положила, после последней поломки своей машины. Затем иду к передней части машины и с треском открываю капот.

Дым валит в мое лицо, двигатель шипит, что, вероятно, сообщает о перегреве, а это случается периодически в течение месяца. Мне надо доставить ее в мастерскую, чтобы починить, но моя мать не может удержаться на постоянной работе с тех пор, как парень номер сорок пять свалил от нее ради кого — то в два раза моложе. А учитывая меня, поступившую в колледж, наша финансовая ситуация из дерьмовой превратилась в жизнь на грани выживания, что привело меня к моему третьему плохому решению: моей новой работе.

Я наглухо застегиваю на себе куртку, пока разглядываю обе стороны темной, пустынной трассы, которая растягивается между Риджфилдом и Фэйрс Холлоу. Фэйрс Холлоу — место, куда меня приняли в колледж и на работу, но я остаюсь дома в Риджфилде, потому что не могу сразу платить и за свою и за мамину квартиры. К тому же, мне действительно надо присматривать за мамой, после недавнего ухода ее парня. Может это и звучит не так плохо, но моя мать не может нормально справиться с расставаниями. Нет, вычеркните это. Моя мать вообще *не справляется* с расставаниями. Она заливает свою боль алкоголем, пока не подворачивается следующий парень. Потом она также ловит с ним кайф или кайфует от отношений, и столько, сколько они длятся, — она счастлива. Но когда они расстаются, она погружается в яму отчаяния. Это происходит годами, а я провожу много ночей, пытаюсь удостовериться, что она не умерла во сне, после дней кутежа, выпивки и наркотиков, — того, чем она занималась, перед тем, как я уехала на работу.

Беспокойство сдавливают мою грудь, и я достаю телефон из кармана своих шорт, чтобы послать ей еще одно сообщение. Затем забираюсь в машину и посылаю Луне, Винтер и Ари, трем своим лучшим друзьям, умоляющие сообщения о том, что я застряла на трассе и нуждаюсь в помощи.

Пока дожидаясь их ответа, я блокирую дворцы и выключаю фары, скрещивая пальцы в надежде, что никто не остановится. Это может звучать безумно, но последний раз, когда сломалась моя машина, остановился какой — то малый и предложил мне двадцать баксов, если я ему отсосу на заднем сидении. Ему было около сорока, у него был ужасный зачес над лысиной, и он щеголял блестящим обручальным кольцом. Так что он был не только ползучим гадом, но и изменяющим ублюдком, как и множество парней, с которыми встречается моя мать.

Когда я ему об этом сказала, то он выглядел так, словно хочет меня ударить. Спасибо Господи, показалась Винтер, или кто знает, что бы могло произойти?

Я вздрагиваю от этой мысли, тошнота накатывает в глубине моего желудка. Болезненное чувство возрастает, когда мозг переключается на мою работу и на то, как много гадов я там встретила за последние пару месяцев. Это моя чертова ошибка. Я выбрала работу

в дыре, хоть и знала, что у места дерьмовая репутация. Я выбрала такое положение, чтобы оплачивать наши с мамой счета, и еще позволить себе ходить на занятия, которые, надеюсь, помогут мне преуспеть в жизни, вместо того, чтобы влечить существование за гранью, как все свое детство.

Я выбираю, выбираю и выбираю свою удачу.

Я склоняю голову к рулю:

— Господи, чтобы я только не отдала за один единственный момент, когда не будет ощущения, будто слон сидит на моей груди. Я слишком о многом прошу? Чтобы у меня был лишь один счастливый день, когда мои карты выстроятся в ряд?

Я даже не знаю, с кем разговариваю, но они определенно отвечают большим жирным нет, когда мой телефон жужжит, принимая сообщения сразу от Луны и Винтер.

Винтер: Вообще — то я в аэропорту, собираюсь лететь в Нью Йорк повидаться с бабушкой, так что не могу. □ Хотя, стоит попытаться с Луной. Я думаю, на этой неделе она в Риджфилде.

Когда я открываю другое полученное сообщение, то вскоре обнаруживаю, что Винтер не права насчет Луны.

Луна: О Боже! Это хреново! Жаль, что у меня нет возможности приехать и забрать тебя, мы с Греем уже на пути в Вирджинию. Мы выехали около трех часов назад, но можем развернуться и приехать обратно, если ты в нас нуждаешься.

Несмотря на панику, выжимающую воздух из моих легких, ничего не могу поделать с улыбкой. Луна — одна из самых милых людей, которых я знаю, и если попрошу ее развернуться, она так и сделает. Но я не собираюсь заставлять ее забивать на поездку со своим парнем, чтобы приехать и подобрать мою жалкую задницу.

Я ей отписываюсь и говорю, что все в порядке. Затем с крошечным завистливым огоньком, тлеющим в моей груди, отправляю сообщение Винтер, чтобы она повеселилась в Нью — Йорке.

Это выходные Дня Благодарения. Я должна была отправиться в поездку, чтобы провести праздник с семьей, или, по крайней мере, заняться чем — то еще, а не застрять на обочине дороги, уехав с работы, которая оставляет после себя чувство отвращения внутри.

Закрываю глаза и делаю несколько размеренных вдохов, но воспоминания о том, что было несколько часов назад вспыхивает в моей голове, и моя грудь сжимается.

Музыка гремит, огни мелькают, а воздух воняет алкоголем и грязными деньгами.

Когда я прохожу мимо бара, мужчина просовывает в мой карман двадцатку.

— Разреши мне купить тебе напиток, красотка, — говорит он с зубастой ухмылкой, его рука покоится на моем бедре.

Я с трудом сдерживаю желание врезать своим кулаком по его лицу за то, что он положил на меня свою руку, а вместо этого мило улыбаюсь.

— Извини, но я не могу пить на работе.

Другая его рука находит мою талию, и он притягивает меня к стулу, на котором сидит. От него пахнет несвежим арахисом, а его лысая голова отражает неоновые потолочные лампы.

— А как насчет попозже, — он наклоняется, прислоняя свои губы к моему уху. — Когда закончишь свою смену, встретимся у черного входа, — его руки блуждают по моей заднице. — Обещаю, ты не пожалеешь, если сделаешь это.

Я инстинктивно поднимаю руку, чтобы ударить его по лицу, но Гас, управляющий, стреляет в меня предупреждающим взглядом из бара. Исправляясь, я напяливаю фальшивую улыбку, которая начинает казаться все более настоящей с каждым проходящим днем.

Телефон жужжит в моей руке, сильно меня пугая. Мои пальцы дрожат, когда я открываю сообщение, надеясь на то, что оно от Ари, который отвечает «да», он придет и заберет меня. Но на экране высветилось имя Луны.

Луна: Я написала Беку, и он сказал, что остался дома вместо того, чтобы отправиться с семьей в Вейл [горнолыжный курорт в штате Колорадо, США], поэтому придет тебя забрать. Просто сообщи ему, где ты находишься. И обязательно напиши мне, когда доберешься домой, чтобы я знала, — ты добралась благополучно □

Ее сообщение милое, но упоминание Бека заставляет мой желудок связаться в узел. Бек все еще один из моих лучших друзей в целой вселенной, возможно больше, чем даже Винтер, Луна и Ари вместе взятые. Но, хоть я и рассказываю ему практически обо всем, никогда не упоминала и не планирую упоминать о своей новой работе. А когда он увидит меня в моей униформе, противно воняющую потом и пивом, он поймет, что что — то случилось.

Я шлепаюсь головой назад, на подголовник, и пялюсь вверх на дыру в обивке потолка. Черт, что мне ему сказать? Я всегда вожу с собой дополнительную сменную одежду, но полночи не ложилась спать, пытаюсь выследить свою мать в местном баре, и закончила тем, что спала дольше, чем обычно. Я спешила, когда уезжала из дома, и забыла взять свою обычную одежду.

Прежде чем у меня поучается прийти к решению, звонит мой телефон, и экран освещает темную машину.

— Легок на помине, — вздохнув, отвечаю я. — Привет.

— Привет, — отвечает он легким тоном. — Слышал, что ты попала в небольшую беду.

— Ага, моя машина снова сломалась, но следует отметить, что ты, кажется, доволен этим фактом.

— Я лишь счастлив, что снова могу приехать и разыграть из себя рыцаря в сияющих доспехах для тебя.

— Разве ты не достаточно этого делал? Я думала, что ты, должно быть, уже устал.

— Это поэтому ты мне сама не написала? Потому что думала, я ленивый рыцарь в сияющих доспехах? — шутит он, но капля обиды присутствует в его интонации.

— Нет, я думала, что ты в Вейле, — отвечаю я, наблюдая за проезжающей машиной.

Правда в том, что я не была уверена, — в Вейле он, или нет. Я просто не позвонила ему, потому что:

1) Бек уже сделал для меня слишком много. И это казалось нормальным, пока мы были моложе, я чувствую себя жалкой из — за того, что мне постоянно нужна его помощь, а я уже взрослая.

2) В целом, что он увидит меня в этом барахле, моей рабочей униформе.

3) Бек из очень богатой семьи, и иногда ему тяжело понять финансовую борьбу, например, почему я до сих пор не отремонтировала свою дерьмовую машину. А ответ

«потому что не могу себе это позволить» приводит к предложению дать мне денег, которые я никогда не приму, не смотря на настойчивость.

Есть еще номер четыре, но я ненавижу о нем думать, в большей степени потому, что ненавижу сам факт его существования. Но он должен быть. Другими словами, Бек и наша дружба как — то стала слишком сложной. Середина года в старшей школе была прекрасным примером именно этого.

Мы были на вечеринке, и после слишком большого количества напитков и грязных танцев, мы оказались в спальне Бека, что не было странным, мы много раз это делали, но та ночь чувствовалась по — другому. В ту ночь его прикосновения и улыбки были причиной того, что мой живот трепетал.

— Ты кажешься нервной, — сказал он, когда мы сидели на его кровати лицом друг к другу со скрещенными ногами. Музыка вибрировала через пол, а мягкий свет просачивался через комнату.

— Я всегда нервная, — призналась я. Из — за Бека, единственного человека, который на самом деле понимал глубину моей тревожности. — Ты это знаешь.

— Я знаю это, — он заправил прядь волос мне за ухо. — Но это не значит, что я хочу знать меньше, так что выкладывай.

— Просто сегодня вечером ты заставляешь меня слегка нервничать, — я не знала, что еще ему сказать, если не правду, даже если это связано с ним.

Он в шоке прижал руку к своей груди:

— Я?

Я кивнула, уставившись вниз на стеганое одеяло.

— Хотя, я не знаю почему, — или я, возможно, знала, но просто не хотела этого упоминать.

Он обхватил рукой мой подбородок и поднял мою голову вверх.

— Я не хочу, чтобы ты когда — нибудь нервничала рядом со мной. Что я могу сделать, чтобы стало лучше?

Я потрясла головой, и по какой — то дикой странной причине мой пристальный взгляд блуждал по его губам. Я делала так всю ночь, задаваясь вопросом, каково будет целоваться с ним? Я знала, что он перецеловал кучу девочек, и знала о слухах, что он великолепно целуется. Мне было любопытно узнать не только, как целоваться с Беком, а вообще узнать о поцелуях. У меня насчет этого были правила. Правила оберегали меня от того, чтобы я не превратилась в свою мать. Конечно, с алкоголем в моей системе, кажется легко нарушать правила.

— Я на самом деле не знаю, — прошептала я, не в силах оторвать взгляд от его губ.

Наступила тишина, за исключением гроыхающей музыки, играющей внизу. Мне было интересно, что делают прямо сейчас остальные, что делали мои друзья. Им было веселее, чем мне? Сомнительно, поскольку мои самые веселые моменты связаны с Беком. Плюс, он заставлял меня чувствовать себя такой защищенной, особенно когда обнимал меня. Иногда мне хотелось навечно остаться в его руках. Жизнь была бы намного проще в этом случае.

— Виллс, — его голос был низким и хриплым.

Я оторвала свои глаза от его рта и встретилась с его пристальным взглядом. Его глаза горели не поддающимся расшифровке голодом. Я не могла понять, что стало причиной взгляда, пока он не нагнулся и не притронулся своими губами к моим губам.

Я сильно зажмурилась, раскрыла свои губы и на остаивающийся — сердце, сжигающий — душу, возбуждающий — момент жизнь была прекрасна. Затем я отделилась от своей глупости и вспомнила, что жизнь не идеальна. Я жила в несовершенстве с тех пор, как мне исполнилось шесть.

Внутри меня поднялась паника, и я сбежала, как трусиха.

В течение нескольких недель после этого, я едва ли могла смотреть Беку в глаза. То были самые одинокие дни за всю мою жизнь. Единственной причиной, по которой мы с ним могли снова быть друзьями, было правило. Простое правило. По крайней мере, казалось таким на бумаге.

Абсолютно никакого контакта губ.

Да, это было мое правило. Я отдала Беку копию, а оригинал держала в своем бардачке. Наличие этой написанной на бумаге границы, казалось, сработало для нас.

Вроде...

— Ты кажешься напряженной. Что происходит? — тревожный голос Бека выманивает меня из воспоминаний.

Страх промчался сквозь меня, когда рядом загудела машина, а я опустилась еще ниже на сидении.

— Я всегда напряжена. Это приходит, когда ты беспокойный человек, — говорю ему. — Но то место, где я сломалась, также не помогает моей тревожности.

— Где именно ты находишься?

— На трассе между Риджфилдом и Фэйрс Холлоу.

— Бля, это на середине в никуда.

— Да, я знаю. Я... — *я что? Еду домой с работы? Ведь он думает, что ты работаешь в библиотеке, которая далеко — далеко отсюда.* — Мне пришлось съездить по нескольким поручениям своей матери, а моя тупая машина решила, что стоит снова перегреться. — *Боже, я ненавижу ему врать. От этого болит мое сердце.*

— Тебе действительно нужно, чтобы твою машину посмотрели, — говорит сквозь болтовню и фортепианную музыку, которая усиливается на заднем фоне.

— Я так и сделаю, — лгу я. Я подчеркивала это ранее, пытаясь объяснить отсутствие денег, но с Бекком это не работает. — Где ты? Я слышу сильный шум.

— Я у сестры. Она закатывает вечеринки за неделю до дня Благодарения.

— В чем смысл?

— Точно. По крайней мере, для нее. Но ты же знаешь, какая Эммалин. Она устраивает вечеринки за неделю до всех праздников. Помнишь, что она сделала на Пасху, несколько лет назад?

Я улыбаюсь.

— Да, помню. Ты заставил меня пойти с тобой и рассказал всем детям за детским столом, что мы ели кролика. Они посходили с ума и начали плакать, а твой отец так разозлился.

— Мой отец всегда злится, — напоминает он с оттенком горечи. Единственное время, когда Бек кажется ожесточенным, это когда говорит о своем отце, холодном, неэмоциональном мужчине, который больше любит работать, чем быть отцом и мужем. — Но в тот раз, это того стоило, хотя бы чтобы посмотреть на лица тех детей.

— Иногда ты можешь быть таким злым.

— Как и ты. Поэтому вместе мы такие классные. На самом деле, думаю, что мы можем создать воплощение совершенства.

В глубине души я знаю, что он не имеет в виду, что мы были бы классной парой, но мои губы все равно тянутся вниз. Не из — за того, что Бек был бы плохим парнем; я просто предпочитаю не думать о парнях: о том, чтобы иметь одного и разрушить свою жизнь, иметь одного и быть поглощенной им, закончить как моя мать, потому, что буду так зациклена на нем. А Бек, он определенно сможет меня поглотить. Я чувствую магнитное притяжение, ошеломляющее чувство погружения каждый раз, когда я рядом с ним.

Я бросаю взгляд на бардачок, думаю о правиле. Понимая, что от его существования мне легче дышать.

— Может, мне попытаться снова написать Ари, — меняю я тему. — Не хочу, заставлять тебя уезжать с вечеринки твоей сестры.

— Слишком поздно для этого. Я уже в машине.

Если бы мне давали пенни за каждый раз, когда он это говорит, начнем с того, что я бы не была в этой грязи.

— Кроме того, — продолжает он. — Я не собираюсь упустить свой шанс стать твоим рыцарем в сияющих доспехах, только для того чтобы остаться здесь и послушать болтовню друзей моей сестры о фондовом рынке.

— Именно об этом вы, богачи, теперь разговариваете? — дразнюсь я, затаившись на своем сидении, когда свет фар проходит через заднее стекло моей машины.

— О, Боже, ты и понятия не имеешь, — ворчит он. — Клянусь, если бы я еще послушал о биржах, объемах и доходности, мне бы пришлось начать петь песню Linkin Park's «One Step Closer» во все горло.

Я хихикаю:

— Боже, я бы с удовольствием посмотрела на это.

— Однажды я сделаю это ради тебя.

— Я буду настаивать на этом, — дразнюсь я, затем резко вздыхаю, когда фары приближаются.

Я оборачиваюсь, чтобы мельком посмотреть в окно, но не могу сказать, машина едет до смешного медленно, или же она остановилась. Я проверяю еще раз, чтобы убедиться, что двери закрыты, затем опускаюсь ниже на сидении.

— Хотя это должно быть на одной из твоих вечеринок. Такая фигня точно соответствовала бы тупым вечеринкам, которые постоянно устраивает моя мать. Кто — то постоянно о чем — то кричит, — я прикусываю язык, как только это произношу. Пока Бек знает, каким человеком является моя мать, он не нуждается в моем нытье о своей жалкой жизни. — Извини. Не хочу наговаривать на свою мать. Она просто добавила мне головной боли за последнее время.

— Полагаю, Клод «ковыряльщик в носу» порвал с ней?

— Разве он «ковыряльщик в носу»? Я думала, это был Валли.

— Нет, я абсолютно уверен, Клод — «ковыряльщик в носу». А Валли — «брови — гусеницы».

— Знаешь, что? Думаю, ты прав, — я на грани того, чтобы улыбнуться, только Бек может заставить меня сделать это, когда мы разговариваем о куче бывших моей матери.

Вообще — то, это была его идея, давать им клички, после того, как я сообщила, что мне тяжело запоминать их имена. Мы начали давать им причудливые прозвища, основываясь на

их привычках и странных характеристиках, таких, как Клод «ковыряльщик в носу», Валли «брови — гусеницы», Эд «застрявшие трусы».

Фары осветили мою машину, когда автомобиль остановился позади меня.

Черт, кто — то остановился.

Когда я сжимаюсь на сидении, кто — то стучит в мое окно. Повернувшись, я чуть не ударяюсь головой о потолок.

— Тебе нужна помощь? — парень за двадцать улыбается мне через окно. — Я не очень хорош с машинами, но и могу тебя куда —нибудь подвезти.

Я проглатываю судорожный вдох:

— Я в порядке. Вообще — то мой друг уже в дороге, чтобы забрать меня. Он будет здесь через несколько минут, — вру я. Беку понадобится, по крайней мере, двадцать минут, чтобы сюда добраться.

— Ты уверена? — спрашивает он, шурясь, чтобы получше меня рассмотреть через окно.

Я сглатываю:

— Я в порядке. Обещаю.

Его внимательный взгляд путешествует по моим выставленным на показ ногам, и я ерзаю на сидении, одергивая ниже край куртки.

— Ну, тогда хорошо, — он пялится на меня еще одно шумное биение сердца, прежде чем отправиться назад к своей машине.

— Виллоу, что, к чертям, происходит? — спрашивает Бек через сжимаемый мной телефон.

Выпуская неравномерный вдох, я обратно прикладываю телефон к уху.

— Какой — то парень просто остановился, чтобы посмотреть, не нужно ли меня куда —нибудь подвезти, — я бросаю тревожный взгляд в зеркало заднего вида на неподвижную машину. — Как далеко ты находишься?

— Я буду на месте где — то через десять минут, — говорит он. — Тот парень уехал?

— Нет. Он сейчас просто сидит в машине... хотя уверена, что он скоро уедет, — я надеюсь.

— Твои двери закрыты?

— Да.

— У тебя все еще есть тот перечный спрей, который я тебе купил?

— Да, он в бардачке, — я наклоняюсь через консоль, чтобы его достать. — Надеюсь, что он еще работает. Ты мне его дал вечность назад, — около года назад после того, как мне пришлось подбирать маму из какого — то подозрительного бара, и я подверглась нападению группы каких — то пьяных парней. Когда рассказала Беку о том, что произошло и как была напугана, он пошел и купил мне баллончик перечного спрея, и заставил пройти курсы самообороны.

Это Бек делает для меня, всегда присматривает за мной. Он был таким с тех пор, как мы были детьми, и пообещал мне в машине, что всегда будет рядом для меня.

В то время я верила, что он никогда не нарушит того обещания. Сейчас, когда я старше, то понимаю, что однажды, когда он влюбится, то станет рыцарем в сияющих доспехах для кого —нибудь другого. Кем бы она ни была, она будет очень счастливой, потому что Бек — замечательный. Идеальный. Но не для меня.

Ни один парень идеально мне не подходит. И я не идеальна для любого парня.

Ничто никогда не идеально.

Мне действительно стоит научиться тому, как прекратить полагаться на него так часто. Прекратить проводить так много времени с ним.

От последней мыли мне плохо.

Я сжимаю баллон перечного спрея в своей руке.

— Интересно, когда заканчивается срок годности перечного спрея.

— Не уверен, — он, кажется, встревоженно — взволнованным, редкий случай для Бека, и мое беспокойство стремительно возрастает. — Он все еще там?

— Ага, — мне даже не нужно смотреть, чтобы знать. Ослепляющие фары говорят о его присутствии.

— Если он снова выберется из машины, клади трубку и звони в полицию.

Скорость моего сердца увеличивается так быстро, что я беспокоюсь о том, что могу получить сердечный приступ.

— Бек, я думаю...

Парень стучит в окно со стороны пассажирского сидения, а я испуганно бросаю телефон.

— Твою мать.

— Эй, я тут подумал, может, я могу посидеть с тобой, пока не появится твой друг, — его губы кривятся в ухмылке. — Кстати, я — Дэйн.

Типа то, что он назвал свое имя, как — то заставит меня больше желать его проникновения в машину.

Удерживая взгляд на нем, я наклоняюсь и ощупываю вокруг в поисках телефона.

— Ну же, — продолжает Дэйн, ухмыляясь мне. — Я не кусаюсь. Клянусь.

— С — слушай, Дэйн, спасибо за предложение, — *глубоко вдыхай, Виллоу. Глубоко вдыхай. Найди свой телефон и позвони в полицию.* — Н — но, как я и сказала, мой друг будет тут в любую минуту.

Он бросает быстрый взгляд в обе стороны пустой дороги, затем снова на меня.

— Ты точно в этом уверена? Потому что я не вижу ни одной приближающейся машины.

— Д — да, я уверена, — *успокойся. Стабилизируй свой голос. Прекрати паниковать.*

Его глаза жадно впитывают мою униформу.

— Твоя одежда выглядит, как у одной из тех девочек из «Crazy», «Crazy Morellisin's» Ты там работаешь? [название переводится как «грех сумасшедшего Морелли»].

Я тяжело сглатываю. «Crazy Morellisin's» — так называют постоянные клиенты клуб, где я работаю. Постоянные клиенты — самые ужасные. Иногда они ждут у задней двери, чтобы сделать незаконные предложения танцовщицам и официанткам, когда мы уходим с работы. Некоторые девушки соглашаются. Хотя я никогда не нуждалась в деньгах настолько отчаянно. По крайней мере, это — то, что я говорю себе. Но иногда, я спрашиваю себя, насколько сильно похожа на свою мать. Наверное, я живу в отрицании, когда говорю, что никогда не буду, как она. В конечном итоге, это именно тот вид работы, которым занималась моя мать, чтобы заработать наличку.

— Нет, — я вру парню. Мои пальцы касаются телефона, и я неуверенно выдыхаю, когда сажусь обратно и прикладываю к уху трубку.

— Эй, Бек, ты все еще тут? — говорю я достаточно громко, чтобы слышал парень. Я пытаюсь не дать дрогнуть выражению лица, когда понимаю, что линия разъединена. — Пару минут? Да, хорошо. Звучит здорово.

Парень осматривает меня, словно сомневаясь, лгу я или нет. Ну, или это, или он

просчитывает возможность, как пробраться в мою машину и не попасть под распыление перечного спрея, который я держу в руке.

— Ты уверена, что твой друг едет? — спрашивает он. — Кажется, словно дорога сюда занимает у него ужасно много времени.

Я начинаю отодвигать телефон, чтобы позвонить в полицию, когда BMW выскакивает на обочину дороги, паркуясь прямо впереди меня. Дверца со стороны водителя открывается, и выскакивает Бек.

Спасибо Господи. Спасибо Господи. Спасибо Господи!

Я бросаю взгляд на чувака.

— Видишь? Мой друг...

Он уже трусит обратно к своей машине.

Бек направляется вниз по обочине дороги, проходит мою машину, и направляется прямо к парню с выражением на лице, которое кричит я — собираюсь — надрать — чью — то — задницу. Бек не любитель подраться, поэтому несмотря на тот факт, что я с удовольствием посмотрела бы, как надерут задницу гадкому чуваку, я поспешно выбираюсь из машины, чтобы его остановить.

— Просто дай ему уйти, — говорю я Беку, следуя за ним.

— Ни хрена, — он продолжает двигаться вперед, когда парень запрыгивает в свою машину.

Я хватаюсь за рукав Бека.

— Я не хочу, чтобы ты ввязывался в драку на обочине дороги, где — то на середине в никуда, с каким — то странным, гадким чуваком. Это того не стоит.

Он пытается вырвать руку из моего захвата, но я держу из последних сил, не давая ему освободиться до тех пор, пока парень не выезжает резко на дорогу.

Бек ругается, когда машина увеличивает скорость, оставляя позади облако пыли.

Освобождая его рукав, я быстро двигаюсь по обочине дороги и шурю в темноте, пытаюсь разобрать модель транспортного средства. Мне удастся распознать металлическую лошадь сзади на багажнике и приходит мысль присматривать за Мустангами на парковке у клуба. По крайней мере, тогда я буду предупреждена, что он там.

Мой желудок скручивается от тошноты из — за мысли, что я снова увижу гадкого Дэйна.

— Тебе стоило позволить мне надрать его задницу, — ворчит Бек, быстро несясь ко мне.

— Нет, я не должна была, — я скрепчиваю руки на своей груди. — Ты не ввязываешься в драки. И я не собираюсь позволять тебе превращаться в такого человека из — за меня.

— Это не было бы твоей виной. Он заслуживает того, чтобы ему надрали задницу, — тон его голоса неожиданно резкий, и очень не похож на спокойного, собранного Бека, которого я знаю. Он медленно двигается ко мне, и пусть я и высокая, мне приходится поднимать подбородок, чтобы встретиться с его пылающим, внимательным взглядом. — Я слышал каждую хрень, которую он тебе говорил. Пытаясь принудить тебя впустить его в машину... — он трясет головой, сжимая и разжимая свои ладони. — Мы должны сообщить о нем в полицию.

— У меня есть только марка его машины, нет номерного знака. Так что они, возможно, не смогут выследить его, — мое тело дрожит либо от шока, либо от того, каким расстроенным кажется Бек. — Кроме того, что я им скажу? Что какой — то парень стоял

около моей машины и разговаривал со мной? Технически, он не сделал ничего плохого.

— Ага, потому что появился я и напугал его, — он грубо проводит своими пальцами по своим светлым волосам. — Бля, Господь знает, что он сделал бы, если бы я не ... — он в который раз трясет своей головой, гневно смотря на мою машину. — Я бы хотел, чтобы ты просто разрешила мне купить чертову новую машину.

И вот началось.

— Ты не будешь покупать мне машину, так что не будь занудой.

Он подходит ко мне и заправляет прядь волос за мое ухо, буря в его глазах превратилась во что — то нечитаемое, но это заставляет мое сердце пропустить удар.

— Тогда дай мне заплатить за ремонт твоей машины.

Я трясую головой, говоря бабочкам в моей груди заткнуться. Бабочки, которые не покидают меня с нашего поцелуя. Хотя это не значит, что я должна их слушать. Они просто такие глупые и неважные. Из — за того, как я веду себя с ними, позволяя им контролировать меня, — от этого у меня настоящие проблемы.

— Заботиться обо мне — это не твоя обязанность.

— Почему не моя? Я обещал тебе, что буду.

— Да, но... Это было много лет назад. Мы были детьми. Ты даже не знаешь во что ввязываешься.

— Я не чувствую себя обязанным, если это то, что ты подразумеваешь, — он дотрагивается кончиком пальца до кончика моего носа, его губы дергаются в полу — улыбке. Клянусь, мое сердце ощущает приятную теплоту. — Заботиться о тебе — самое любимое занятие, поэтому прекрати спорить и дай сделать то, что я люблю.

— Бек... — я напрягают свой мозг, чтобы сказать что — то правильное. — Ты — мой лучший друг, и предполагается, что лучшие друзья не платят за ремонт машины друг друга. Это не правильно, не важно, как сильно ты любишь это делать.

Он выгибает бровь.

— Кто говорит, что это не правильно?

— Я, — я провожу ладонями вверх и вниз по своим рукам, когда холодный ночной воздух проходит через ткань моей куртки. — Мне надо начать больше заботиться о себе самой и прекратить так часто на тебя полагаться. Я слишком взрослая, что бы ты все еще меня спасал, — вот, я сказала то, что нужно было сказать. Я должна чувствовать себя лучше, правильно?

Тогда почему я так хреново себя чувствую?

Он коснулся моей щеки, заглядывая в мои глаза.

— Я не пытаюсь тебя спасти. Мне просто не нравится, что ты катаешься на небезопасной машине, особенно, когда допоздна работаешь и направляешься по дороге, которая ведет в чертово никуда, — его брови резко опускаются, когда его внимательный взгляд направляется к шортам, которые на мне и едва прикрывают мою задницу. Несколько мгновений он моргает, затем его глаза снова встречаются с моими. — Подожди... Где ты сегодня была? Я думал, что ты работала.

Паникуя, я придумываю, какую ложь рассказать ему. Была на вечеринке? Танцевала в клубе? Ха! Типа это когда —нибудь сработает. Я редко выбираюсь на вечеринки и еще реже одеваю такие короткие шорты.

Невозможно придумать хорошую ложь, я решаю, что вечеринка — мой лучший выбор.

— Я была на той вечеринке с девчонками из своего класса по химии. Это была

вечеринка у бассейна, но ты же знаешь, как сильно я ненавижу плавать, так что просто пошла в шортах.

Боже, я ненавижу ему врать.

Но будет хуже, если рассказать правду.

Его внимательный взгляд снова падает на мои ноги. Кусая свою губу, он тянется и проводит своими костяшками по внешней стороне моего бедра.

— Как так происходит, что ты никогда не одеваешь такие вещи на мои вечеринки у бассейна?

Я дрожу от неожиданного прикосновения, и Господи боже, эти глупые бабочки практически лишаются своих чертовых рассудков.

— Я, ммм... — я прочитаю свое горло, пытаюсь очистить свою систему от дрожащей интонации. *Не то, чтобы он никогда раньше не трогал твою ногу. Иисус, возьми себя в руки.* — Я не знаю... потому что я знаю тебя и знаю, что ты не рассердишься на меня за то, что не следую дресс — коду вечеринки.

Сжимая вместе свои губы, он медленно бредет взглядом по моему телу к моему лицу. Я изучаю его глаза, пытаюсь интуитивно его почувствовать, смотрю, купился ли он на мою ложь. Если кто и может распознать мое вранье, так это Бек. Хотя, я вообще не могу понять его настроение. Я всегда могла это делать, но в последнее время что — то изменилось. Так, что я потеряла возможность читать своего лучшего друга, или он стал сильнее закрыт?

Его губы кривятся в хитрой ухмылке.

— Ну, больше нет.

— Хм?

— С этого момента, я буду выходить из себя, если ты не будешь следовать дресс — коду моей вечеринки, — он скрещивает руки и кажется очень довольным собой. — Поэтому в пятницу, тебе лучше показаться на моей вечеринке, одетой в сексуальное черное платье.

Я морщу нос.

— У тебя вечеринка на следующий день после Дня Благодарения, что требует от людей одеваться в сексуальные черные платья? Какая у нее тема?

— Сделаю — такую — черт — возьми — какую — захочу тему, — его глаза сверкают в свете моих сигнальных огней. — А так как ты такая любительница вечеринок, теперь мне не надо умолять тебя прийти.

Дерьмо. Я не очень хорошо продумала это.

Почему меня не отпускает чувство, что он знает, где я сегодня была, и просто пытается заставить меня сознаться?

Он дает мне секунду признать, что я лгунья, но будучи большой трусихой, все, что делаю, — киваю.

Разочарованно вздыхая, он прогуливается мимо меня.

— Поехали, давай доставим тебя домой. Я бы спросил — хочешь ли ты, чтобы я заказал эвакуатор, который забрал бы твою машину, но уже знаю ответ, — он останавливается перед моей машиной, где я оставила фонарик, балансирующий на бампере, и нагибается, чтобы осмотреть двигатель. — Итак, еще я могу завтра забрать тебя, и мы вместе приедем сюда и починим это, или можем одолжить грузовик Ари и отбуксировать машину к дому твоей матери.

— Возможно, отбуксировать будет лучше, учитывая, что я на сто процентов уверена, что с ней не так, — я отхожу за него, чувствуя себя взволнованно из — за того, что произошло, и

от желания этой утешительной близости.

Он внимательно смотрит на двигатель, нагнув свою голову, его рот сжимается в тонкую линию. Я не знаю, что творится у него в голове, но мне не нравится, каким расстроенным он выглядит, и я ненавижу то, что я приложила к этому руку.

— Спасибо за спасение моей задницы, — я чувствую необходимость сказать, так как вина шевелится в моей груди. — А также за то, что снова был моим рыцарем в сияющих доспехах.

Он глубоко вздыхает, прежде чем поднять на меня внимательный взгляд, улыбка играет на его губах.

— В любое время, принцесса.

Я сдерживаю вздох.

— Бек... я думала, что у нас было соглашение о том, что ты больше не будешь использовать это прозвище. Я стала для него слишком взрослой.

— Я никогда ни на что не соглашался. Ты просто мне сказала, чтобы я остановился, а я сделал это на некоторое время, — он плавно обвивает рукой мои плечи, и все, о чем я могу думать, — безопасность, безопасность, *безопасность*. — Но считаю, раз я сегодня вечером твой рыцарь в сияющих доспехах, то ты должна быть моей принцессой. Это часть правил, а ты не можешь спорить с правилами.

Я качаю головой, позволяя ему выиграть в этот раз, даже учитывая, что это прозвище заставляет меня чувствовать себя ребенком или девицей в беде.

— Ладно, но этой принцессе нужно добраться домой, — сквозь зевоту говорю ему я. — Она действительно хочет спать.

— Хорошо, миледи. Ваша колесница ожидает, — он кланяется, и смешок срывается с моих губ, звук, которого я не ожидала услышать в такой отвратительный вечер.

Он с гордостью смеется, а я начинаю думать, — может, в его намерениях заставить меня все время смеяться. Он действительно самый лучший друг на свете. Я никогда не буду способна его отблагодарить достаточно. Я все еще хочу попытаться, поэтому, может быть, я не сломаюсь, когда он найдет любовь своей жизни.

Я обвиваю руки вокруг него и с благодарностью его обнимаю.

— Спасибо тебе. Я действительно ценю все, что ты для меня делаешь, даже если это не всегда заметно, — я вдыхаю его запах. Спокойствие. *Я чувствую такое спокойствие.*

Он обнимает в ответ, скользя вокруг меня своей рукой, потом придвигает ближе наши тела.

— Ты же знаешь, что я всегда буду рядом, Виллс. Даже если нам будет семьдесят лет, и я едва смогу ходить, я использую трость, чтобы держать плохих парней подальше от тебя.

Я улыбаюсь, но грусть отягощает мое сердце. Сейчас он может и имеет это в виду, но однажды у него появятся другие люди, о которых он захочет позаботиться больше, чем обо мне. Или хуже, он узнает, какая я большая врунья, и решит, что я больше не стою спасения.

Глава 3

Бек

Виллоу. Виллоу. Виллоу. Она — самая удивительная, смелая, сильная, красивая девушка, которую я знаю, даже если она так не думает. И еще она попадает в самые неприятные ситуации. Хотя опять же, большинство из них — не ее вина.

У нее тяжелая жизнь, начавшаяся с того, что отец ушел, когда ей было шесть. Я повстречал ее вскоре после этого. Тогда она была такой тихой, грустной и сгорбившейся. Иногда она все еще так выглядит, ее большие глаза настолько переполнены болью, печалью и напряжением от тяжелой жизни. Все, что мне хочется сделать, — это обнять ее, что я стараюсь делать так часто, как она мне позволяет.

Но все эти дела с прикосновениями становятся настоящей проблемой в последнее время. Во всяком случае, для меня.

Где — то на пути нашей дружбы я начал видеть в ней больше, чем друга. Намного — намного больше.

После того, как мы забираемся в мою машину, я везу её домой, неувовимо вдыхая, чтобы, твою мать, успокоиться. Обычно я довольно спокойный парень и предпочитаю разговоры вместо того, чтобы наносить удары. Но когда я услышал, что тот парень пытался уговорить Виллоу открыть дверь, во мне вскипела неконтролируемая ярость. Затем я примчался и увидел его, бегущего к своей машине, и растерял любые капли спокойствия, которые остались. Если бы Виллоу меня не остановила, я не представляю, что бы сделал. Возможно, вколачивал бы свой кулак в его лицо, пока не разбил бы свои костяшки. Я должен был почувствовать себя смущенным из — за этого, но мысль о том, что этот малый хотел с ней сделать...

Я разжимаю и сжимаю свои пальцы, судорожно вдыхая.

— Ты в порядке? — Виллоу смотрит своими большими глазами на мои руки. — Почему твои руки трясутся?

— Просто спазм, — вру я, усиливая свой захват на руле. — Думаю из — за того, что слишком много напечатал домашнего задания.

Она смотрит на меня подозрительно.

— С каких это пор ты делаешь домашнее задание?

Я прижимаю ладонь к груди в притворной обиде.

— Ты говоришь, что я — лодырь?

— Нет... но ты обходился тем, что просто сдавал тесты в течение нашего выпускного года.

— Эй, не моя вина, что тесты были такими чертовски простыми. И если я могу сделать их в лучшем виде без того, чтобы выполнять домашнюю работу, тогда зачем её делать!

Она пожимает плечами.

— Не знаю... думаю, я вроде как понимаю твою точку зрения. Хотя я бы никогда не справилась, поступая также.

Я нагибаюсь и легонько дергаю прядь ее волос.

— Конечно же, ты могла бы. Ты самый умный человек, которого я знаю, — я дарю ей косую улыбку. — Просто ты — трудяга.

Ее лицо кривится.

— Хотя иногда мне хочется, чтобы не была ею.

— С каких это пор? — я слежу за ее глазами, интересуясь, что беспокоит ее сегодня вечером.

— Не знаю... полагаю, всегда, — она пожимает плечами, теребя свои ногти. — Я лишь думаю, что жизнь была бы намного легче, если бы я постоянно не старалось так сильно и просто не беспокоилась бы ни о чем.

— Это не так, — говорю я ей. — Поверь мне, я знаю.

Она дарит мне *взгляд*, тот, который говорит, что она практически защищает мое поведение бездельника и поглаживает мое эго.

— Ты — не лодырь. Ты просто не любишь тратить свое время, занимаясь тем, что не нравится. Но ты так усердно трудишься и всегда делаешь то, что любишь, — она вздыхает, прислоняясь головой к окну, витая в своем маленьком мире. — Жаль, что я не могу

проводить свою жизнь, больше развлекаясь и меньше нервничая.

— Ты можешь, — я тянусь и кладу свою ладонь поверх ее. — Тебе лишь надо прекратить так сильно обо всем волноваться.

— Ага, но у меня не только я, о ком стоит волноваться, — бубнит она, ее рука подергивается под моей, но она не убирает ее.

Нас окутывает тишина, Виллоу пристально вглядывается в окно, потерянная в мыслях, возможно, напряженная из — за своей машины, ее мамы, школы, счетов. В восемнадцать лет у нее больше ответственности, чем у большинства людей за всю жизнь. Мне бы хотелось, чтобы я мог снять с нее чуть — чуть груза, но она редко принимает мои предложения о помощи. Я люблю ей помогать. Я бы хотел, чтобы она прекратила быть такой упрямой и разрешила мне починить ее машину, чтобы я перестал волноваться о том, что она может попасть в другую ситуацию, похожую на сегодняшнюю. До тех пор пока она не починит свою машину, я проведу ночи, беспокоясь о ее безопасности.

С другой стороны, к этой стороне своей жизни мне стоило бы привыкнуть.

Даже с момента в младшей школе, когда мы только стали друзьями, я чувствовал необходимость защищать Виллоу, тогда, как другие дети дразнили ее из — за того, что на ней старая одежда и очки, которые были слишком большими. Плюс ко всему, она была такой застенчивой и редко могла постоять за себя. Это быстро стало моей работой, и я проводил свои школьные перемены, удерживая на расстоянии любого, кто посмел пройти мимо нее на детской площадке. Хотя в течение средней школы дни моей охраны уменьшились, в большей степени потому, что Виллоу изменилась.

Также изменилось то, как я на нее смотрел.

Я чётко помню тот момент. Моя мать потащила меня с собой во Францию на целое лето, и я не видел Виллоу три месяца подряд. К тому времени, как вернулся, я был взволнован тем, что снова пойду в школу, вернусь к повседневности, к возможности съесть чизбургер и увидеть своих друзей, особенно Виллоу. Частично из — за того, что я хотел проверить ее состояние, и частично из — за того, что просто по ней скучал.

У меня не было возможности увидеть ее до первого дня в школе, но несколько наших друзей, я и она, — все договорились по телефону встретиться перед входом, чтобы вместе зайти.

Первой показалась Винтер. Она выглядела практически также как и в начале лета. Ее светлые волосы были чуть длиннее, и на ней, как и всегда, было платье.

— Привет Беккет. Давно не виделись, — она шлепнулась рядом со мной на низкую стенку, которая шла вдоль лестницы, ведущей в школу.

— Я бы хотел, чтобы ты прекратила меня так называть, — мои губы дернулись. Я ненавидел, когда она звала меня Беккетом. Отец использовал мое полное имя, когда кричал на меня, сообщая о том, как сильно я напортачил. Винтер знала, что я ненавидел это имя, но ей нравилось меня раздражать.

— Почему? — ее глаза злорадно сияли на солнце. — Это твое имя, не правда ли?

— Ага, но ты знаешь, что я его ненавижу.

— Что делает его еще привлекательнее.

Я сердито выдохнул, держа свои губы плотно закрытыми. Было слишком рано, чтобы с ней спорить, чем мы часто занимались. Некоторые друзья говорили, что мы вели себя так потому, что были слишком похожи. Возможно, это было правдой. Винтер, как и я, была из богатой семьи, и наши родители иногда могли быть невнимательными. Но они возмещали

свое отсутствие, засыпая нас подарками. И всё — таки я думал, что Винтер вела себя более испорчено, чем я.

Она скрестила ноги, играя своим бриллиантовым браслетом.

— Ну, так как, в Париже было весело? Бьюсь об заклад, что было. Я бы хотела, чтобы родители взяли меня туда. Хотя они ненавидят брать меня с собой в путешествия. Ты такой счастливый, что твоя мама иногда берет тебя.

— Ага, думаю так, — я не хотел казаться раздраженным, но ездить с мамой в путешествия значит сидеть в норме отеля, пока она ходит за покупками. Единственной причиной, по которой моя мать взяла меня с собой, было то, что отец не хотел отвечать за меня.

Я сидел, сложа руки, и пялился на людей, идущих перед нами вверх вниз по ступенькам.

— Хотя еда отстойная.

— Какая разница. Спорим что это не так. Спорим, что ты просто был... ну, собой.

Я стрельнул в нее злым взглядом.

— Что это должно означать?

Она слегка пожала плечами.

— Что иногда ты не ценишь прекрасные вещи в жизни.

Я бросил многозначительный взгляд на браслет на ее запястье.

— Кто бы говорил.

Она накрыла браслет ладонью.

— Это другое. Я благодарна своим родителям, что они подарили мне это.

— Я тоже благодарен маме, что взяла меня в Париж. Но это не означает, что я должен врать и говорить, что мне понравилась еда, или говорить, что оттянулся по полной, если этого не было.

— Боже, ты такой испорченный.

Я закатил глаза, прикусив свой язык. Опять же, было очень раннее утро для этого говна.

— Ты знаешь в какое время Виллоу и Луна предположительно будут здесь? — я бросил быстрый взгляд на место у подножия лестницы, где родители оставляли своих детей. — На самом деле, я хочу пойти посмотреть, где находится мой шкафчик до того, как прозвенит звонок. Ох, да, и я встретил этого парня, Ари, на днях, пока болтался на площадке для скейтборда. Он недавно сюда приехал. Казался довольно клевым. Я сказал ему, что он может позависать с нами.

— Какой он? Симпатичный?

— Что я похож на девчонку?

— Иногда ты ведешь себя так.

Боже, мне действительно нужно больше друзей парней.

— И ты иногда бываешь таким ребенком, но разве ты заметила, чтобы я указывал на это каждые две секунды? — я помахал Леви и Джеку, еще двум своим друзьям, игнорируя уничтожающий, пристальный взгляд Винтер.

Леви приложил руку ко рту:

— Здорова, Бек, идешь?

— Чуть позже, — ответил я. — Я жду появления Луны и Виллоу.

— Ну, так с кем из них ты сейчас встречаешься? — пошутил Леви, а Джек засмеялся.

Я показал им средний палец, и они завyli от смеха перед тем, как протолкнуться через входную дверь.

— Я не могу поверить, что люди до сих пор говорят тебе херню из — за того, что ты зависаешь с девчонками, — хмуро сказала Винтер. — Им действительно надо заканчивать с этим.

— В смысле, как только что сделала ты? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Это другое.

— С чего ты взяла?

— Потому что я — твой друг.

Я даже не заморачивался, чтобы понять ее логику. Вместо этого я спросил у нее, какие курсы обучения она выбрала, что, казалось, безопасной темой.

Мы с Винтер болтали, пока не заметили фургон матери Луны, останавливающийся у зоны высадки. Боковая дверь отъехала, и выскочила Луна. Она была одета в ужасную желтую водолазку и широкие джинсы. Бедная девочка. Не знаю, почему она одевается в такую отвратительную одежду. Я считал, что ее заставляла мать. Хотя точно не знал. Другие дети много над ней смеялись, а я за нее заступался, когда мог, но казалось, что этого никогда не было достаточно.

Одевая свой рюкзак на плечи, Луна двинулась к открытому пассажирскому окну, чтобы поговорить с мамой, пока выпрыгивала Виллоу. Ну, по крайней мере, я подумал, что высокая девочка без очков была Виллоу. Я не был уверен.

Она выглядела по — другому. Ее длинные каштановые волосы были распущены и вились, она была одета в плотные черные джинсы, пару толстых сапог, зашнурованных до колен, и в рубашке в клетку, поверх майки на лямках.

Я оценивал ее, пока она ждала, когда Луна закончит говорить с матерью. Ее одежда не была кричащей, но обычно Виллоу надевала джинсы свободного покроя, обвисшие футболки, очки, а ее волосы были завязаны в конский хвост. Она выглядела настолько по — другому, что я обалдел.

Пока они обе поднимались вверх по лестнице, я оттолкнулся от стены, чтобы встретить их на полпути. Чем ближе я подходил, тем больше я замечал, что Виллоу стала выше, и что одежда лучше на ней сидела. Она выглядела хорошо. Действительно, действительно хорошо.

Я быстро оттолкнул подальше эту мысль. Ни хрена, я этого не сделаю. Увлечься моим лучшим другом было бы глупо. И вокруг было много других девушек, тех, кто не разрушит мою жизнь, если мы разбежимся. А именно это произойдет, если я приглашу Виллоу на свидание, и мы разойдемся. Я бы потерял единственного человека, который знал большинство моих секретов, кто знал, как хреново я себя чувствовал, когда отец мне говорил, что я напортачил, кто знал, что я иногда тайно плакал во время грустных фильмов, кто знал, что я очень одинок. Кто также сильно сломается, если потеряет меня. Потому что Виллоу нуждалась во мне так же, как и я в ней.

Прочищая голову от неожиданно «сексуальной» Виллоу, я спустился вниз по лестнице прямо к ней. Когда Виллоу увидела меня, ее глаза осветились, она подпрыгнула и обвила меня своими руками.

— Я так рада, что ты вернулся, — своими объятиями она выдавила из меня эту хрень. — Я скучала по тебе.

Я обнял её в ответ, кружа ее вокруг, пока она не засмеялась.

— Я тоже по тебе скучал, — *и я так за тебя беспокоился, когда меня не было.*

Винтер сердито посмотрела на меня, когда я поставил Виллоу на ноги.

— Почему я не получила такого приветствия?

Я пожал плечами, и ее глаза сузились еще сильнее. У меня не было для нее ответа, не тот, которым я мог бы поделиться.

Правда была в том, что с тех пор, как Виллоу доверила мне то, как она живет дома, я чувствовал с ней какую — то непреодолимую связь, достаточную для того, чтобы я ей тоже рассказал некоторые свои секреты.

— Ну, так как там Париж? — возбужденно спросила Виллоу. — Такой же клевый, как кажется? Потому что кажется он действительно клевым.

— Он в порядке, — я засунул руки в задние карманы. — Он был бы более веселым, если бы ты была там.

— Видишь? И опять, он более милый с Виллоу, — Винтер пожаловалась Луне. — Почему мы не получаем такое же обращение?

— Бек мил с нами, — сказала Луна, теребя воротник своей водолазки.

Игнорируя их, я достал из заднего кармана маленькую коробочку.

— У меня есть кое — что для тебя, — я передал Виллоу коробку. — Я увидел это в аэропорту, и это напомнило мне о тебе.

— Тебе не стоило мне что — то привозить, — но она улыбнулась и открыла коробку. — Ох! Клёво! — она достала миниатюрный снежный шар и встряхнула его. Затем ее глаза встретилась с моими, ее улыбка практически сияла, что заставило меня почувствовать, что и я сам сияю. — Спасибо, Бек. Ты — лучший. Seriously, ты очень сильно меня балуешь.

Я пожал плечами, делая вид, что мне все равно, но на самом деле я чувствовал себя супер гордым, что заставил ее улыбнуться.

— Я представил себе, что ты можешь добавить его к той коллекции, что подарил тебе отец.

Счастье в ее глазах сменилось грустью, пока ее глаза путешествовали по снежному шару.

— Ага, могу.

Черт. Я не очень хорошо продумал это.

— Извини. Я не хотел напоминать тебе об отце, — я потянулся к снежному шару. — Я могу избавиться от него, если хочешь.

Она спрятала его за спину, качая головой.

— Ни за что. Мне он очень сильно нравится. К тому же, он из Парижа.

Я расслабился, задумываясь из — за чего волновался.

— Хорошо. Я рад, что он тебе понравился. Моя мать пыталась уговорить меня купить тебе браслет, но я сказал ей, что ты не та девушка, которая любит браслеты.

— Нет, определенно нет, — Виллоу пошла со мной, когда мы направились вверх по лестнице, уставившись на снежный шар в своей руке. Луна и Винтер следовали за нами, занятые своей собственной беседой.

— Ну, так как прошло твоё лето! — спросил я, надеясь отвлечь ее от мыслей о ее придурке отце, который бросил их с матерью. — У тебя ведь не было проблем, правильно? Я имею в виду с твоей мамой?.

— Думаю, нет... Ее новый бойфренд жил с нами около месяца... у него кот... — она вздохнула, вращая снежный шар в своих руках. — Думаю, у меня аллергия на кошек. Я каждый день просыпалась с чиханием, а мои глаза всегда были красными.

— Ох, Виллс, мне так жаль, — я обвил ее рукой и направил в сторону, когда

маневрировал с открытием двери. — Что мне сделать, чтобы ты почувствовала себя лучше?

— Не думаю, что есть что — то, что ты можешь сделать, — она сильнее нахмурилась, пока мы шли по забитому коридору с Луной и Винтер, все еще плетущимися позади нас. — Ты знаешь, какой моя мама становится... А это всего лишь кошка, — еще один нервный вздох. — Просто это хреново, потому что её тупой бойфренд даже не любит детей. Когда он въехал, то сказал мне, что ненавидит детей, и что мне следует удостовериться, что я не стою у него на пути, или он может отослать меня в интернат, — она покачала головой, сжимая пальцами снежный шар. — Будто он действительно мог это сделать. У него даже не было работы.

Я ненавидел то, что ее мать ставила своих парней выше Виллоу, и то, что она приводила в дом таких поверхностных типов. Однажды я предложил Виллоу жить в одной из пяти наших гостевых комнат, чтобы она могла убраться подальше от гадких парней своей матери. Я сомневался, что мои родители заметят, что она с нами живет, учитывая, что они едва ли бывают дома. Но Виллоу отказалась, как делала всегда, когда я пытался помочь ей. Даже когда ей нужна была помощь, ей трудно было просить.

Я сжал ее плечо.

— Мне следует подарить тебе собаку, которая будет хорошо натренирована и будет держать подальше от тебя парней и котов.

— Возможно, моя мама избавится от нее, — она сунула снежный шар в боковой карман своего рюкзака, затем посмотрела на меня, заставив себя улыбнуться. — Расскажи мне побольше о Париже. Ты видел Эйфелеву башню? Ох, пожалуйста, скажи, что ты ходил в катакомбы.

Заметив отчаянную попытку сменить тему, я начал рассказывать ей о своем путешествии, хотя и не хотел о нем говорить.

К тому времени, как мы достигли моего шкафчика, я заметил, что несколько человек, в частности парней, смотрели в нашем направлении. Я предположил, что они смотрят на Винтер, потому что так часто случалось. А иногда парни подходили и спрашивали меня о ней, чтобы узнать, есть ли у нее парень. Позже, когда черкал что — то на математике, я осознал, что пялились вовсе не на Винтер.

— Эй, Бек, могу я кое — что спросить? — Леви шлепнулся на парту передо мной. — Это о той девчонке, Виллоу, с которой ты постоянно тусуешься.

Я оторвался от своего рисования, находясь в замешательстве.

— Давай.

Он поёрзал на своем сидении и прислонил руки к моей парте.

— У нее есть парень?

Этот вопрос застал меня врасплох.

У Виллоу?

У моей Виллоу?

Я не был уверен в том, как ответить. Обычно о Винтер я честно отвечал. Сейчас мне отчаянно хотелось соврать, сказать, что у нее есть парень, а у нее Леви не спросит. Не то чтобы мне не нравился Леви, мне просто не хотелось, чтобы у Виллоу был парень.

— Вообще — то есть, — я откинулся на своем стуле. — Думаю, старше нас.

— Правда? — Леви нахмурился, барабанил пальцами по моей парте. — Ну, это хреново. Она кажется действительно клевой. К тому же, она сексуальная.

Я пожал плечами, чувствуя себя чуточку виновным за ложь. Что сделает Виллоу, если

узнает, что сделал я? Она всегда мне доверяла. А я только что предал ее доверие?

Что если она хотела пойти на свидание с Леви? Тогда бы я меньше ее видел, и вряд ли смог бы пережить лето без нее.

Она так сильно мне доверяла, а она с трудом верила кому — то вообще.

Я вздохнул и решил рассказать ей об этом во время ланча, даже если не хотел этого.

— Я нравлюсь Леви? Правда? — спросила она после того, как я сел за стол для ланча и неохотно рассказал ей о том, что случилось на математике.

— Ага, он так сказал, — я набил полный рот чипсов, смотря на нее. — Ты не кажешься довольной из — за этого.

— Это потому что Леви — не ее тип, — Винтер протиснулась между мной и Виллоу, пока Луна занимала место напротив.

— У тебя есть тип? — спросил я Виллоу.

Она покачала головой, но румянец залил ее щеки.

— Нет.

— Да, есть, — Винтер открыла банку содовой. — Ты мне сказала этим летом, что тебе нравится....

Виллоу кинула в Винтер морковку, попадая ей прямо в лицо.

— Цыц. Ты обещала, что не расскажешь.

Я нахмурился. Виллоу рассказала Винтер секрет, который не сказала мне?

— Эй, — заныла Винтер, бросая морковь обратно в Виллоу. — Это было не очень — то мило.

Виллоу быстро отодвинулось с траектории, и морковь упала на пол.

— Ну, ты обещала, что никому не расскажешь.

— Что в этом такого? — спросила Винтер, открывая пакет с чипсами. — Ну и что с того, что тебе понравился парень? Когда —нибудь это должно было случиться.

Виллоу свирепо посмотрела на Винтер.

— Прекрати говорить об этом пред всеми.

Мой хмурый взгляд усилился. Окей, теперь я часть *всех*.

Затем самая бредовая мысль пришла мне в голову. Что если Виллоу втрескалась в меня, и поэтому так злилась на Винтер? Эта идея должна была принести мне неудобства, но честно говоря, мне она вроде как понравилась.

Хотя, несколько мгновений спустя Винтер разболтала, что Винтер влюбилась в Доминика, парня, который был на год старше нас, и который был усыпан браслетами, и я точно уверен, подводил глаза карандашом. Именно в тот день я понял, что у Виллоу был тип, и я под него не подходил.

Еще я понял, что влюбился в своего лучшего друга

Моя любовь длилась всю среднюю школу и до младшего года старшей школы. В тот год все изменилось. Я пришел от мыслей о Виллоу, как о сексуальном лучшем друге, к мыслям о том, что она была красивой, доброй, умной, заботливой девушкой, которую я постоянно хотел поцеловать.

И я имею в виду, все чертово время.

Я помню первый раз, когда, действительно, рассмотрел такую возможность. Мы зависали в моем доме, смотрели какую — то тупую мыльную оперу, которая была чертовски скучной, но больше ничего не было. Виллоу приглушила звук и начала пародировать персонажей. Я присоединился, и к тому времени, как шоу закончилось, мы надорвали свои

животы.

В тот момент зашел мой отец и разрушил момент, будучи придурком.

— Что, черт возьми, вы делаете? — он выхватил из моей руки пульт и выключил телевизор. Он был одет в серый костюм и красный галстук, готовый пойти на работу, в воскресенье, то, что он делал каждую неделю, никогда не брал выходные, всегда волновался о работе, работе, работе. — Поднимай свою задницу и займись чем —нибудь. Хватит попусту тратить свою жизнь.

Он не был ужасным парнем, лишь абсолютно верил в то, что каждый должен проводить свое время, надрывая задницу на работе. Проблема в том, что мне нравилось бездельничать, веселиться, устраивать вечеринки и заниматься спортом. У меня не было больших целей или настоящих планов, отличных от того, чтобы сдать алгебру и надрать задницы на футбольном поле. Я знал много людей своего возраста, у кого все еще не было крупных жизненных целей.

— Мы просто смотрели телик, — я нахмурился из — за разочарования на его лице. — Сейчас утро воскресенья. Больше нечего делать.

Он скрестил свои руки и уставился на меня сверху вниз.

— Ну, если бы у тебя была работа, тогда это не было бы проблемой.

— У меня есть работа, — возразил я, опуская лицо в пол.

Он засмеялся, и этот шум заставил мои мышцы сжаться.

— Продавать дерьмо и одалживать мои деньги — не работа.

— Почему? — спросил я, выгибая свою бровь. — Делать деньги. Не это разве называется работой?

— Следи за своим языком, — предупредил он. — И нет, это не работа... пока что ты хочешь заниматься продажами. Разве этим ты хочешь заниматься до конца своей жизни? Проводить часы в магазине, пытаясь вешать лапшу на уши людям, покупающим хлам? И делать это за дерьмовую зарплату? — его интонация источала сарказм. — Кажется стоящим, не правда ли?

— Некоторые люди должны работать продавцами. Нет ничего неправильного в этом. И я уверен, что это такая же трудная работа, как и то, что делаешь ты, — я хотел добавить, что его работа так же не такая стоящая, что его карьера адвоката превратила его в лжеца, придурка и сноба. Пофиг. Только так я мог задеть своего отца, чтобы это не привело к экстремальным последствиям.

— Поднимай свою задницу и приходи помочь в моем офисе, — резко оборвал он. — Я собираюсь научить тебя кое — чему на тяжелой работе.

Его внимательный взгляд переместился к Виллоу, и у меня появилось сильнейшее желание встать перед ней и защитить ее, хоть я и знал, что мой отец не навредит ей. Мне даже не нравилось то, что она тут сидит и является очевидцем его дерьма.

— Тебе тоже следует принять мой совет, юная леди. Можно заняться чем — то получше, чем сидеть тут, попусту растрачивая свое время, и время моего сына, — он осмотрел ее обрезанные и потертые джинсы, ее расшнурованные ботинки и заношенную футболку, в которой она была, и отвращение вспыхнуло в его глазах. — А еще я бы предложил чуть — чуть привести себя в порядок, прежде чем ты попытаешься подать заявление при устройстве на работу. Большинство компаний не наймут людей, которые выглядят так, словно провели ночи, проспав в картонной коробке.

Мои руки сжались в кулаки, и я начал вставать. Я редко кричал на своего отца, но когда

мои губы открылись, я знал, что собирался наорать на него, чтобы он, блядь, заткнулся.

Однако, прежде чем крик смог покинуть мой рот, Виллоу опередила меня.

— Прежде всего, я не думаю, что проводить время с вашим сыном является тратой времени, — Виллоу высоко подняла свой подбородок, ее голос немного колебался. — Я многому научилась, проводя время с вашим сыном. И второе, у меня есть работа. Вообще — то две. Так что мне не нужен ваш совет.

Мой отец моргнул, когда его отшили. Его взгляд посуровел.

— Чему ты могла научиться у моего сына? — его глаза охватили комнату, замусоренную обертками от конфет и банками от содовой. — Кроме того, как целый день сидеть на своей заднице и быть абсолютно бесполезной?

Боже, я ненавижу своего отца. Все, чтобы я ни делал, не было достаточно хорошо. И я ненавидел то, что Виллоу была здесь и пострадала от этого. Конечно, она знала, что мой отец был хером, из тех историй, которые я ей рассказывал, и из — за того, что была свидетелем, как он меня иногда пилил, но он никогда ранее не направлял на нее свое мудачества.

— На днях он научил меня играть в футбол, для которого, стоит отметить, необходимо много терпения, — она загибала свои пальцы, ее глаза яростно горели. — Он научил меня водить, помог мне открыть сберегательный счет, показал, как на нем заработать проценты. Вообще — то он очень умный, когда дело касается чисел, но вы наверно уже знаете об этом, учитывая, что вы — его отец, — ее губы расширились в улыбку. — Ох, да, и он научил меня, как можно сразу есть печенье и пить молоко, что не кажется серьезным, но когда вы участвуете в соревновании по поеданию печенья, это на самом деле пригодится. А выиграть соревнование по поеданию печенья действительно важно для меня. В действительности, я думаю о том, чтобы стать профессионалом. Но точно в этом не уверена. Хотя, может, вы знаете, учитывая, что вы такой умный.

Я не был уверен, прыгнуть ли мне перед ней, засмеяться или поцелуями избавить ее от чертова дерьма.

Из ушей отца практически валил пар, когда его внимательный взгляд стрельнул в меня.

— Беккет, у тебя есть пять минут, чтобы попрощаться со своей маленькой подружкой и подготовиться, чтобы пойти со мной в офис. И убедись, что соответственно одет, — затем он повернулся и унесся из комнаты.

Как только он ушел, я выдохнул, даже не заметил, что задержал дыхание, и повернулся к Виллоу.

— Я так чертовски сожалею об этом, Виллс. Seriously, я не могу поверить, что он это сделал.

— Тебе не стоит извиняться, — настаивала она. — Я уже знала, что твой отец — мудака.

— И все же... Мне следовало сказать ему, чтобы шел в задницу, когда он сказал тебе все то дерьмо. Я планировал это, клянусь. Просто ты меня перебила, — я ухмыльнулся. — Когда захочешь, ты становишься крутой.

Она улыбнулась мне в ответ:

— Я посчитала, что могу вернуть должок за все те годы, что ты за меня заступался, когда дети называли меня четырехглазой уродкой. Просто хреново, что он заставляет тебя идти с ним. Я знаю, как сильно ты не хочешь работать в его офисе.

— Я буду в порядке, — я попытался казаться убедительным и эпически не облажаться. — Несколько дней не навредят мне.

— Однако, если тебе понадобится, чтобы я тебя спасла, звони мне, — она подползла на кушетке ближе ко мне, и когда наши колени соприкоснулись, мой внимательный взгляд упал на ее ноги.

Она надела штормы, что делала редко, и что я определенно заметил, когда она появилась в моем доме. Ее ноги были такими длинными, а кожа выглядела такой мягкой. Она была великолепна. Клянусь Богом, когда — нибудь это сведет меня с ума. Я все время думал о том, чтобы коснуться ее, пробежаться своими пальцами вверх по внешней стороне ее ног, может даже по внутренней стороне ее бедер. Мне всегда было интересно, если бы я так сделал, она бы задрожала? Я представлял, что да. Конечно, возможно, это было из — за того, что я ужасно хотел ее.

— И все — таки, ты в порядке, а? — ее голос был полон беспокойства, когда она положила свою руку на мою ногу, отвлекая мое внимание от ее ног. — Ты знаешь, то, что он сказал, не правда, да?

Я старался сморгнуть желание, понимая, что она, возможно, убежит к чертям отсюда, если узнает мои мысли. Ну или так, или надерет мне задницу.

— Ага... я уже привык к его дерьму, — мой печальный голос предполагал другое. Я не был точно уверен, была ли моя печаль из — за отца или из — за того, как сильно хотел ее, не волнуясь о своих действиях.

Она ударила меня кулаком в бок, и я вздрогнул, но засмеялся.

— Не давай ему превратить себя в утопленника. Ты не такой. Не позволяй ему забрать у тебя то, кем ты являешься.

— Может, будет лучше, если он так и сделает. Я имею в виду, все, что он говорил, было похоже на правду. У меня на самом деле нет никакого направления или целей или чего — то такого, — я был чересчур драматичным. И в то же время, мне вроде как нравилось слушать, что она меня защищает. От этого я чувствовал себя хорошо внутри. Мне хотелось ее обнять... поцеловать... пробежать своими пальцами по внутренней стороне ее бедра..

Видите? Опять я пришел к этому.

— У тебя есть направление и цели — сказала она. — Они просто отличаются от его.

Я заставил себя сконцентрироваться на беседе, выдерживая ее взгляд.

— И от твоих.

— Ага, ну? Мои цели скучны. Ты намного веселее, чем я. Иногда мне хочется, чтобы я могла быть большее похожей на тебя, — она накрутила прядь волос на свой палец и прикусила верхнюю губу, привлекая все мое внимание к ее рту.

Больше не способный контролировать себя, я начал наклоняться, чтобы просто это сделать.

Ее глаза быстро расширились.

— Ты что делаешь? — зашипела она, отклоняясь назад.

Вот же блядь, это выходит из — под контроля.

Я попытался, черт возьми, успокоиться.

Отгоняя проклятье, практически убившее меня. Это пошло против всего, что я хотел.

В тот момент я понял, как сильно она мне нравится. И не только потому, что она сексуальная. Мне она нравилась за все, что из себя представляла, за все, что сделала для меня, за все, чем мы были. Несколько из любимых моментов моей жизни были пережиты с ней.

Она заставляла меня смеяться. Она говорила мне вещи, в которых, я убеждал себя, что

мне не нужно их слушать. У нее был я. А у меня была она, и я знал, что никогда не буду потакать своим чувствам, потому что это нарушит ее правило никогда ни с кем не встречаться, по крайней мере, до тех пор, пока она не закончит колледж. Она создала это правило из — за веры в то, что это поможет ей не стать такой, как ее мать. Я знаю, она такой никогда не будет. Но если Виллоу в чем — то уверена, она приложит к этому все усилия, что означает — нет ни малейшего шанса, что все хорошо закончится, если я стану потакать своим чувствам.

И так начались последние три года моего самобичевания, ожидания того, чего я не могу иметь. Того, что всегда было передо мной, напоминая мне о том, какой прекрасной может быть жизнь.

И некоторое время мое самобичевание работало.

Пока не настал тот день, когда я сломался.

Мы были наедине наверху в моей комнате, на моей кровати, во время вечеринки, чуть — чуть пьяные. Я представлял себе, как кладу ее на спину, целую, пока изучаю ее тело. Я знал, что не смогу воплотить свои желания. По крайней мере, пока она не сказала мне, что я заставляю ее нервничать, уставившись на мой рот, словно хотела попробовать меня также сильно, как и я.

Надежда выросла внутри меня, и я приступил к поцелую.

На микросекунду все было идеально, когда наши губы первый раз соединились.

А затем она прервала поцелуй и сбежала, забирая с собой эту идеальность.

Она до сих пор продолжает придерживаться этого, и я задаюсь вопросом — смогу ли получить это обратно, даже после того, как она дала мне кусок бумаги, который очень четко проинформировал меня, что мы больше не целуемся.

Тупой кусок бумаги с тупым правилом: абсолютно никакого контакта губ.

Я не очень — то следую правилам. Никогда не следовал. Но за последний год, я пытался...для нее.

Всегда для нее.

Глава 4

Бек

Не уверен, как долго отгораживаюсь, думая обо всех тех ситуациях, когда я практически поцеловал Виллоу и разрушил нашу дружбу. Хотя, возможно слишком долго, учитывая то, что когда возвращаюсь в реальность, мы оказываемся недалеко от ее дома. Мне ненавистно то, что был настолько поглощён ожиданием ее, и жалею, что не нашел способ поговорить с ней и рассказать о том, как я схожу с ума без нее.

— Бек, ты в порядке? — спрашивает Виллоу.

Мой внимательный взгляд перемещается от узкой улицы к ней.

— Ага. Я просто задумался о разных вещах.

Она ерзает на сидении, поднимая вверх свое колено. Я пытаюсь не пялиться на ее длинные ноги, которые не могу не представлять обвитыми вокруг себя, но она редко одевает шорты, хотя на самом деле должна, и я не могу не посмотреть украдкой раз, или два. Или три. Или четыре. Или двадцать. И все же, я ничего не могу поделать и задаюсь вопросом — почему она так одета? Она сказала, что для вечеринки, но я знаю, когда она врет.

— О каких вещах? — она кладет подбородок на свое колено. — У тебя было то

выражение на лице.

— Какое выражение? — *то выражение, когда я думаю о том, как сильно тебя хочу, и как ты никогда не захочешь меня в ответ? По крайней мере, не так, как мне хочется. Я этого жду с нетерпением?*

— То выражение, когда твой отец становится шилом в заднице, — уголки ее губ опускаются. — Он опять пристает к тебе с работой в фирме?

Не об этом были мои мысли, но я лучше поговорю об отце вместо того, чтобы говорить правду.

— Принцесса, он никогда не отстанет. Ему слишком сильно нравится орать на меня, — говорю я. — И я точно уверен, что он никогда не остановится до тех пор, пока я не соглашусь делать то, что он хочет.

— Пожалуйста, не позволяй ему заставлять тебя что — либо делать, — умоляет она. — Ты заслуживаешь заниматься тем, чем захочешь. И ты будешь ужасен в качестве адвоката. Я знаю, что будешь.

— Ох, поверь мне, я тоже об этом знаю, — я включаю поворотник, чтобы повернуть на боковую дорогу, которая проходит около домов ее немногочисленных соседей. — И я пытаюсь это ему объяснить. Я говорил ему, что буду самым отстойным адвокатом, который когда — либо существовал. Но ты знаешь моего отца... Его путь — единственный верный.

— Почему он вообще решил, что тебе нужно работать с законом? — спрашивает она, наматывая прядь волос на свой палец. — Просто потому, что этим занимается он?

— Понятия не имею, — я напряженно пожимаю плечами. — Я прекратил выяснять, что к чертям происходит в его голове, когда мне исполнилось двенадцать, и понял, что он любит свою работу больше, чем семью.

— Я уверена, что он не любит работу больше, — она пытается меня переубедить. — Он просто трудоголик.

— Виллс, мне нравится, что ты пытаешься заставить меня почувствовать себя лучше, но я уже давно принял то, что мой отец никогда не будет любить меня настолько сильно, насколько он любит своих клиентов...и деньги, что похоже равнозначно.

Ее губы приоткрываются, затем смыкаются. Настал момент жалобной тишины, и я начинаю хреново себя чувствовать. Затем она ухмыляется.

— Ну, он идиот. Ты намного лучше, чем деньги. По правде, если бы я выбирала между тобой и всеми деньгами в мире, я бы выбрала тебя.

— Правда? — мои губы изгибаются. — Всеми деньгам в мире, ага? Боже, должно быть я ужасно ценный.

Она преувеличенно качает головой.

— Ты на вершине списка. В самом — самом верху, где больше никого нет, — фонари отражаются в ее глазах, ярко освещая намек на грусть. — Ты всегда там будешь.

Моя грудь сжимается самым прекрасно — мучительным способом. Боже, что бы я ни отдал, чтобы только поцеловать ее снова. *Все деньги на свете, и еще чуть — чуть.*

— Что насчет Тео? — спрашивает она, уже переходя от этого мгновения. А я, мне интересно, застряну ли я здесь навечно, поглощенный ожиданием ее, но понимая, что никогда не заплачу ее. — Он поступил в юридическую школу только для того, чтобы обрадовать отца?

Я пожимаю плечами.

— Возможно. Я никогда по — настоящему не говорил с ним об этом. Тео всегда был

похож на того, кому потребуется адвокат, а не он сам им станет.

Она смеется, и от этого звука мне хочется проводить все вечера, рассказывая шутку за шуткой. Она выглядит такой красивой, особенно, когда смеется. Я бы хотел, чтобы она чаще это делала. Хочу, чтобы она не была постоянно такой напряженной, и ей удавалось смеяться.

— Тео попадал во множество неприятностей, — она соглашается, ее улыбка увядает. — Но в любом случае. Все, что я хочу сказать, что если вы с Тео одинаково думаете, вам стоит вместе поговорить с отцом и попытаться убедить его в своем выборе.

Предоставлю Виллоу возможность попытаться решить мою проблему.

— Мне нравится это предложение, но сомневаюсь, что оно сработает, — когда она хмурится, я добавляю. — Ты знаешь моего отца. Он никогда ничего не слушает, пока не захочет. Я даже не знаю сколько раз пытался поговорить с ним, а он полностью меня игнорировал и просто выходил из комнаты, — я направляюсь прямо по узкой дороге вдоль маленьких старых домов. — У этого парня серьезный случай выборочного восприятия. Клянусь, это чертов подарок или что — то в этом роде.

— Может его научили этому в юридической школе? — шутит она, маленькая красивая улыбка появляется на ее губах.

— Может быть. Или может быть, он просто придурок.

— Не являются ли оба этих предположения верными и одинаковыми?

— Вообще — то да. В действительности, слышал, что в юридической школе заставляют ходить на занятия, которые обучают навыкам придурка. Думаю, это называется *«обучение тому, как направить своего внутреннего придурка к запугиванию людей, заставляя их делать все по — твоему, и стать настоящим мудаком»*.

— Видишь? Все больше причин для тебя, чтобы туда не идти. Ты никогда не сдашь этот предмет, — она тянется и обхватывает своими руками мое лицо. — Посмотри правде в глаза. Ты слишком милый, Беккет.

Мне понадобилась каждая частичка силы воли, чтобы не наклониться от ее касания и не закрыть глаза.

— *Беккет?* С каких это пор ты называешь меня Беккетом?

— Я просто попробовала, — дьявольский огонек зажегся в ее глазах. — Я поняла, что ты в итоге станешь адвокатом, «Бек» больше не будет тебе подходить. Даже не знаю, будет ли «Беккет» подходить. Ты можешь сменить свое имя на Грег или Чед, или что —нибудь такое же дебильное.

— Имена Грег и Чед дебильные? — я выгибаю бровь. — С каких это пор?

Она убирает свою руку от моего лица, оставляя на моей коже, на всем моем теле, холод.

— В моем Женском Литературном классе есть Грег и Чед, и каждые раз, когда они приходят на занятие, то считают своим долгом, проходить мимо моей парты и, — она делает кавычки в воздухе. — «случайно» пихают мои книги на пол. Начну с того, что я даже не знаю, зачем они выбрали этот предмет. Не думаю, что они когда —нибудь делали домашнее задание.

Я стучу пальцами по рулю, чуть раздраженный из — за Грегга и Чеда, хотя я ни разу их не встречал.

— Ага, я понимаю, почему они это делают.

— Правда...? Подожди... Почему они ходят на этот предмет, или почему они скидывают мои книги с парты?

— Оба вопроса.

— Хорошо, — она смотрит на меня в ожидании. — Ты собираешься мне рассказать?

Честно говоря, не уверен, что хочу этого. Насколько это неправильно, настолько мне нравится, что Виллоу невежественна в вопросах того, насколько она привлекательна, и что даже не замечает, когда парни пристают к ней. Хотя я волнуюсь из — за того, что однажды она узнает, и тогда встретит парня и решит, что он достоин того, чтобы она сдалась и избавилась от правила про свидание.

Когда она смотрит на меня, выпятив пухлые губки, я сдаюсь.

— Они делают это потому, что могут заценить твою задницу, когда ты нагибаешься за своими книгами, — объясняю я. — И, вероятно, они выбрали этот предмет, потому что решили, что на нем будет много девушек.

Ее нос морщится.

— Действительно? Это не похоже на правду.

— Поверь мне, я прав.

— Но это не имеет смысла. Я имею в виду, что они скидывают мои книги каждое занятие. И для чего? Чтобы просто посмотреть на мою задницу? Это не круто, — она смотрит прямо, качая головой. — Нет, я точно уверена, что они придурки. И они постоянно смеются, когда делают это.

— Доверься мне в этом. Я — парень. Я знаю, как думают парни, и я тебя уверяю, что парни постоянно оценивают твою задницу... Это по — настоящему великолепная задница, — мой внимательный взгляд следует по ее ногам, и она их скрещивает. — И если бы ты была одета в эти шорты, то Грег и Чед, возможно, скидывали бы твои книги и до и после занятий, может даже, взяли бы несколько перерывов в ванной комнате, — я заставляю свои глаза оторваться от ее ног и замечая, что она в изумлении смотрит на меня. — Что? — невинно спрашиваю я. — Ты говоришь Винтер, когда парни оценивают ее. Почему я не могу это же сказать тебе?

Она застенчиво тянет вниз края шортов.

— Потому что я не говорю Винтер, что у нее великолепная задница.

— Ну, может, ты не настолько хороший друг, как я, — сообщаю я, замедляясь, чтобы повернуть на парковку у жилого комплекса. — И К СВЕДЕНИЮ, ты тоже никогда не говорила мне, что у меня классная задница.

Она выглядит абсолютно не впечатленной.

— Я не говорила Винтер, что у нее классная задница, потому что об этом друзья не говорят.

— Кто такое сказал?

— Так говорят все.

— Ну, я думаю, что все не правы, а я прав. Говорить своим друзьям, что у них классная задница нужно каждый день, чтобы поднять их самооценку. Вот из чего состоит жизнь, правильно? Делать так, чтобы другие люди чувствовали себя лучше, — я ослепляю ее своей самой лучшей обворожительной улыбкой. — А когда люди чувствуют себя лучше, мир становится лучшим местом.

Она драматично закатывает глаза.

— Окей, может тебе и стоит стать адвокатом, мистер Сверхдраматичный.

— Эй, — я болезненно тыкаю ее в бок, и она взвизгивает сквозь смех. — Не переходи на темную сторону, — я собираюсь посмеяться с ней, когда ее улыбка внезапно исчезает. — Что не так?

Она сжимает свои губы.

— Ничего. Я просто кое о чем подумала.

— О чем? — я спрашиваю, пока паркуюсь около ее дома. Глухой звук музыки и вид пустых бутылок из — под выпивки на ступенях приводят к тому, что я сразу же хмурюсь. — Хочешь, чтобы я на некоторое время зашел внутрь? — *так я смогу выяснить, что тяготит тебя, и так ты не будешь одна во время одной из вечеринок своей матери.*

Она внимательно изучает дым, который вьется из открытых окон ее дома.

— Нет... Я в порядке. Я просто не знала, что у нее вечеринка. Она снова поигрывает низом своих шорт. — Я целый день пыталась связаться с ней. Я думала, что она отключилась пьяная, но полагаю, что мы уже на стадии отвержения, — вздыхая, она отстегивает своей ремень безопасности. — Спасибо, что подвез. Увидимся завтра, — она тянется к двери и останавливается. — Только если у тебя не будет других дел. Я всегда могу попросить Ари приехать и забрать меня отсюда, и мы сможем отбуксировать мою машину.

— Ни за что. Ари не отберет то, что мне больше всего нравится делать, — я ловлю ее запястье. — Что за подавленное настроение?

Она опускает голову вниз, ее длинные каштановые волосы закрывают ее лицо.

— Ничего. Просто я действительно устала. Из — за работы, школы и разных вещей, не очень хорошо спала.

— Виллоу, — я призываю свою самую лучшую предупреждающую интонацию. — Сознайся в правде, либо плати за последствия.

Она оглядывает меня, сдерживая улыбку.

— Знаешь, это всегда срабатывало со мной, пока я не узнала, какими были твои, — она делает воздушные кавычки своей свободной рукой. — «Последствия».

— Эй, щекотка может быть хорошей формой наказания, особенно, когда *кто — то* практически писает в свои штаны.

— Я это сделала один раз, — возражает она, поднимая палец вверх. — И это было после того, как ты щекотал меня пять минут. Любой бы потерял контроль над мочевым пузырем в этой ситуации.

Дерзкая ухмылка расплывается на моих губах.

— Только не я. И хочешь узнать почему?

— Нет, — отвечает, она проходила все это раньше.

Я хвастаюсь любым способом пытаюсь заставить ее смеяться.

— Потому что я нечувствительный к щекотке.

— Это ты так говоришь, — ее взгляд путешествует по моим рукам, груди, ногам, и она прикусывает зубами свою нижнюю губу. — Но это никогда не было доказано, по крайней мере, так, чтобы видела я.

Бля, что бы я только не отдал за то, чтобы она постоянно так на меня смотрела.

— Вот что я тебе скажу. Если ты поедешь со мной домой и проведешь ночь у меня, я разрешу тебе выяснить правильный ответ.

— Не слишком ли мы староваты для ночевок?

— Ты провела ночь в моем доме в прошлом месяце.

Беспокойство наполняет ее глаза.

— Ага, но только из — за того, что сломалась моя машина, и я не хотела вынуждать тебя везти меня домой.

— Ты всегда оставалась в моем доме, чтобы держаться подальше от этого дерьма, —

я напоминаю ей, кивая на дом. — В чем разница сейчас?

Она делает небольшой вдох.

— Разница есть, я начинаю понимать, что это все — часть моей жизни, и я не могу избежать этого, сбегаю на ночь.

И с этим, она выбирается из моей машины, захлопывает дверь и идет к своему дому.

Мои губы приоткрываются от шока. Никогда Виллоу не сбежала от меня таким образом. Ну, за исключением того раза, когда мы поцеловались. Никогда не думала сбежать *в свой дом*. Обычно наоборот.

Я вспоминаю все, что сказал, пытаюсь понять, где был не прав. Все, к чему я прихожу — возможно, что я слишком далеко зашел с флиртом. Я не часто упоминал о ее заднице, но серьезно, это невероятно сексуальная попка.

Мне надо убедиться, что она в порядке, что она не бесится. Затем мне надо врать, врать, врать, врать и притворяться, что она не нравится мне так сильно, что от этого даже больно.

Я выбираюсь из машины, поднимаюсь по ступеням и стучу в дверь. Никто не отвечает.

Предполагая, что музыка слишком громкая, я решаю войти, но дверь закрыта. Внутри люди смеются, и музыка становится еще громче, когда переднее окно медленно закрывается.

Через тонкие стены я слышу, как мать Виллоу заходится в громком смехе.

— Офигеть! Все, посмотрите на мою дочь! — за предложением следует: — Она становится маленькой шлюшкой!

— Прямо как ее мать! — говорит мужской голос.

Черт возьми! Я ненавижу это место. Я ненавижу то, что Виллоу внутри.

Борясь с желанием выломать дверь, я возвращаюсь в свою машину и посылаю Виллоу сообщение.

Я: Просто хочу убедиться, что ты в порядке, прежде чем уеду. Кажется, что внутри довольно напряженно...

Проходит несколько минут, пока я жду ее ответ. Несколько парней несут пиво и проходят вход в ее дом на несколько дверей дальше, кричат друг на друга, и женщина пытается продать себя каждому, кто проходит мимо. Все, что касается этого района, поверхностно, поэтому, когда новый сияющий Мерседес врывается на парковку, мне становится интересно, принадлежит ли он торговцу наркотиками. И еще, я тоже сижу в своем БМВ. Возможно, водитель здесь, чтобы спасти того, о ком заботиться.

Я продолжаю бросать взгляды на машину, интересуясь тем, кто оттуда выберется, пока не пикает мой телефон, отвлекая меня.

Виллс: Ага, я в порядке. В моей комнате не шумно. И я заперла дверь, так что никто меня не побеспокоит. Спасибо, что подвез, Бек. Я, правда, благодарна за все, что ты делаешь.

Она чего — то не договаривает, клянусь, это написано между строк, может она чувствует вину за то, что я ей помогаю. Она не хочет находиться здесь и одновременно чувствует ответственность за то, что ее мать вдрызг напилась.

Но однажды я увезу ее от этой жизни, не важно, что для этого потребуется. До тех пор я продолжу делать то, что смогу, помогая ей так часто, как она мне позволит, и надеюсь, ради всего святого, что с ней никогда не случится ничего плохого.

Я боюсь, что однажды высажу ее здесь, или она сломается на обочине дороги, и я больше никогда ее не увижу.

Глава 5

Виллоу

Ужасная ночь стала нормальной даже после того, как Бек сделал замечание о моей заднице. Затем он пошутил, что я перехожу на темную сторону, и зловещие слова глубоко поразили мою нервную систему.

Боже, если бы он только знал, насколько прав, его бы здесь не было.

Вина из — за моей новой работы возросла в моей голове, затапливая меня стыдом, и я выскочила из машины. Хотя, как только сделала шаг в квартиру, мне захотелось, чтобы я никогда не оставляла Бека.

Я хотела бы, чтобы никогда не приходилось этого делать.

— Твою мать! Все, посмотрите на мою дочь! — моя мать затыкается на секунду, пока смотрит на меня, стоя в захлавленной кухне. Ее глаза воспалены, и пока она стоит, крутясь, в середине комнаты, на ней ничего не надето, кроме кожаной мини юбки и красного кружевного лифчика. — Она становится маленькой шлюшкой!

Я смотрю вниз на свою одежду и вздрагиваю. Я забыла, что на мне рабочая одежда.

Я тяну нижнюю часть своей толстовки, когда взгляды сосредотачиваются на мне. Большинство людей в комнате — мужчины, которые старше меня в два раза, но разница в возрасте не останавливает их от того, чтобы смотреть на меня с вождением в воспаленных глазах.

— Прямо как ее мать! — орет высокий мужик с невероятно волосатыми руками, качая кулаком в воздухе.

Они все смеются, даже моя мать.

Она продолжает смеяться, пока кружится и кружится в центре грязной кухни. Пустые бутылки из — под виски и пива покрывают коричневый стол, линолеум засорен сигаретными окурками, а куски разбитого стекла разбросаны по столу, из чего я делаю вывод, что была использована трубка для курения крека. Прежде чем поехать на работу, я безупречно вычистила это место. Десять часов спустя оно выглядит, как притон, а может оно им и является. Я, на самом деле, больше не знаю.

Мне хочется убежать, вернуться обратно к Беку и позволить ему увезти к себе домой, уложить меня в его постель, и заснуть в мирном блаженстве комфорта и тишины. Но меня останавливают две вещи: Первая — это данное обещание, не полагаться так сильно на него. И вторая — я не чувствую себя спокойно, оставляя мать одну в подобном состоянии. Когда была младше, я привыкла так поступать, но сейчас я повзрослела и лучше понимаю серьезность ситуации.

Размеренно вдыхая, я протискиваюсь сквозь людей, шлепая по рукам, которые трутся о мою задницу, и направляюсь к своей матери.

— Как много ты выпила сегодня вечером? — спрашиваю ее, перекрикивая музыку.

Она прекращает вращение, пьяно раскачиваясь из стороны в сторону.

— Ох, я ничего не пила сегодня вечером.

Я обеспокоенно смотрю на нее, когда она зигзагом направляется к холодильнику.

— Тогда что ты приняла?

Она пожимает плечами, дергая за дверцу, чтобы открыть.

— Кое — что... Хотя, не беспокойся. Я чувствую себя абсолютно нормально. Вообще — то великолепно, — она улыбается мне, чтобы подтвердить свое заявление. Проблема в том, что ее заявление теряется в изможденности ее глаз и в том, как расширены ее зрачки.

— Может, нам стоит попросить всех разойтись по домам, — предлагаю я. — Seriously, уже поздно, и соседи могут снова пожаловаться.

Она отмахивается от меня, ныряя головой в холодильник.

— Те соседи съехали, кажется, месяц назад. И на это я могу сказать, — тем лучше. Они нарушали неписанные правила этого дома.

Волосы на задней части моей шеи встают дыбом, когда кто — то становится позади меня.

— Какие правила?

— Правила держать свой рот закрытым, — она хватается за пиво из упаковки с шестью банками из холодильника, что по большей части единственное, что там есть. — Куда, к чертям, подевалась вся еда? Я думала, что ты ходила в магазин?

— Да, несколько дней назад, — я продвигаюсь вперед, потому что мое личное пространство нарушают. — И там было достаточно еды, когда я уезжала на работу.

— Ну, наверно, тебе стоит сходить снова, потому что, по правде говоря, осталось не очень — то и много, — она закрывает холодильник и смотрит на меня, откручивая крышку на бутылке. — Кстати, где ты работаешь? И почему ты так одета?

— Ты имеешь в виду, как шлюха? — с горечью спрашиваю я, обвивая себя руками.

Капля раскаяния появляется в полубессознательных глазах.

— Извини за это, конфетка. Я воспользовалась моментом. Я иногда так делаю.

Когда я была моложе, то хваталась за ее извинения и те редкие моменты, когда она походила на ту мать, которой была до того, как ушел мой отец. Теперь я понимаю, что

большую часть времени она пытается грубо мне льстить из — за того, что чего — то от меня хочет или сходит с ума.

— Все нормально, — вру я, пихнув локтем парня позади меня. Он ругается и называет меня не — такими — приятными именами, но, к счастью, отступает. И все равно, противостояние заставляет меня чувствовать, что я теряю контроль и не могу дышать, и не в самом лучшем смысле, как бывает, когда я смотрю Беку в глаза и чувствую, что теряю контроль. — Но я все равно считаю, что тебе стоит попросить всех уйти.

— Неа, веселье только началось, — она делает глоток пива, затем идет ко мне. — Не беспокойся. Мы, наверняка, не будем зависать здесь слишком долго. Тут предположили, что в баре на углу будет живая музыка. Наверное, мы пойдем заценим ее.

— Пожалуйста, не садись за руль, — умоляю я. — Сядь на автобус или иди пешком, ладно?

— Конечно, — ее пренебрежительная интонация заставляет меня поверить в то, что она врет. И ее уже лишили прав из — за множества случаев вождения в нетрезвом виде.

Как только она выходит из кухни, чтобы приготовить шоты в гостиной со своей подругой Дарлой, я пробираюсь в ее комнату и краду ключи из сумочки, перед тем как отправится в свою спальню. На моем пути сквозь людный коридор самодовольно ухмыляется парень и тянется ко мне.

— Посмотрите — ка, это мини — Пола, — говорит он одному из своих друзей.

Я ударяю его по руке, мое сердце — неустойчивый беспорядок.

— Я ничем не похожа на свою мать.

Затем я бросаю взгляд на свою одежду, болезненное напоминание, что я делала всего несколько часов назад.

Может, я и похожа.

Слезы заполняют мои глаза, когда я отпихиваю парня, бегу в свою комнату и закрываю дверь на замок. Затем я снимаю одежду и одеваюсь в пижаму, хотелось бы мне принять душ и смыть с себя сегодняшний день. Но последнее, что я хочу сделать, это вернуться обратно в то безумие.

Прежде чем забраться в постель, я получаю сообщение от Бека.

Бек: Просто хочу убедиться, что ты в порядке, прежде чем уеду. Кажется, что внутри довольно напряженно...

Я на цыпочках подхожу к окну и выглядываю, задаваясь вопросом — здесь ли он еще? Практически сразу я замечаю его БМВ. Он стоит там, как чирлидер в готическом клубе. Хотя, необычно то, что Мерседес припаркован позади машины Бека.

Две фантастические машины в одну ночь. Так странно.

Я бы не задумывалась об этом слишком сильно, но сейчас, я беспокоюсь, что внутри какой — то богатый наркоторговец ведет наблюдение за моим домом, потому что мать должна ему денег.

Это не первый раз, когда происходит подобное.

Страх пробегает по мне, заставляя мое сердце яростно биться в груди. Я хочу во всем признаться Беку, хочу, чтобы он зашел внутрь, перекинул меня через свое плечо, и вынес из этой адской дыры. Хочу, чтобы он спас меня. Со своей стороны, я бы сказала маме, что никогда не вернусь. И именно это я бы и имела в виду. Мне было бы плевать.

Но проблема в том, что мне не плевать на свою мать, даже если не хочу этого. И, кроме того, просить Бека спасти меня — это не то, чего я хочу. Я хочу самостоятельно спасти себя.

Я хочу быть сильной личностью, которая не сломается, когда останется одна.

Ты можешь с этим справиться. Ты делала это тысячи раз.

Я: Ага, я в порядке. В моей комнате не шумно. И я заперла дверь, поэтому никто меня не побеспокоит. Спасибо, что подвез, Бек. Я, правда, благодарна за все, что ты делаешь.

Он не отвечает, и я ложусь в свою кровать, разглядывая коллекцию снежных шаров, которую мне подарил отец перед тем, как ушел. Это единственные предметы, которые я оставила, и которые связаны с ним, поскольку моя мать заложила все остальное, что он оставил после себя. Спереди в центре находится снежный шар, который подарил мне Бек, когда вернулся из Парижа. Он мой любимый, потому что достался от Бека. Бек — мой самый любимый человек в целом мире, и понимание этого пугает. Мечущейся, падающей, теряющей контроль — так я себя чувствую рядом с ним.

Мне он слишком нравится.

Я пытаюсь убедить себя, что молчание со стороны Бека — к лучшему. Может быть, он, наконец, перестанет быть моим рыцарем в сияющих доспехах. Жгучая боль в моем сердце ничего не сделает с тем фактом, что может, лишь может быть, он наконец — то двигается дальше. Мое сердце все равно скручивает.

Я тру рукой грудь, надеясь, что боль уйдет, пока лежу в кровати, борясь со сном.

Примерно через десять минут моей борьбы легкий стук сотрясает мое окно. Я не двигаюсь с места, боясь, что была права насчет наркоторговца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стучат неоднократно, а затем мой телефон жужжит, оповещая о входящем сообщении.

Бек: Пожалуйста, не могла бы ты просто подойти к окну? Я вижу через шторы, поэтому знаю, что ты не спишь.

Я бросаю взгляд на окно, когда выбираюсь из кровати.

Прошлепав через комнату, я отодвигаю штору и вижу Бека, улыбающегося мне, его поза напряжена.

— Что ты там делаешь? — спрашиваю я, пока медленно открываю окно.

— Делаю из тебя настоящую, живую принцессу, — шутит он, бросая взгляд через свое плечо на парковку.

— Как это делает меня настоящей, живой принцессой?

— Потому что я — твой Прекрасный Принц, пришел, чтобы тебя спасти, — он показывает рукой отодвинуться. — А сейчас отойди, чтобы я мог залезть.

Я хочу поспорить, но громкая музыка и крики заставляют меня просто отойти.

Опустив свою голову, он ныряет внутрь, затем выпрямляется, стирая чуть — чуть грязь со своего рукава.

— Это очень по — рыцарски с твоей стороны, — дразнюсь я, нервничая.

В то время, как Бек заставляет меня чувствовать себя в безопасности, он с роду не был в моей комнате, которая, наверно, такая же большая, как его шкаф, и пропахла сигаретным дымом. Как и вся квартира.

— Я просто рад, что ты живешь не на втором этаже, — он сканирует голые стены и мою не заправленную кровать. Когда его взгляд останавливается на коллекции моих снежных шаров, он улыбается. — Мой впереди.

По какой — то странной причине мои щеки вспыхивают, будто он только что открыл маленький грязный секрет или что — то в этом роде.

— Он мой любимый, — говорю я, чтобы скрыть свое смущение.

Его улыбка растет, когда он легонько стучит по моему носу.

— Хорошо. Я рад.

Я возвращаю ему улыбку, чувствуя себя слегка потерянной.

— Я не хочу, чтобы это казалось грубым, но почему ты тут?

Его улыбка исчезает.

— Потому что я не мог заставить себя уехать и оставить тебя одну в этом дерьме.

— Все в порядке, — лгу я. — Здесь нет ничего, с чем бы я не справлялась раньше.

— Но это не означает, что так правильно, — он обходит мою комнату, смотрит на закрытую дверь, а затем на мою кровать.

— Мне очень рано нужно сделать кое — что по работе, но я хочу послоняться здесь несколько часов, если ты не против. По крайней мере, пока не утихнет вечеринка.

— Я не уверена, утихнет ли она вообще. Так может быть. Иногда моя мать может продлевать ее несколько дней.

— Ну, я останусь здесь настолько, насколько смогу.

Я играю с нижней кромкой моих пижамных шорт, радуясь тому, что лампа ограничено светит.

— Ты действительно не обязан этого делать.

— Я знаю, что не обязан, но я хочу, — он плюхается на мою кровать и наклоняется, чтобы расшнуровать свои ботинки.

— Ты что делаешь? — пишу, как идиотка.

Он смотрит на меня с весельем, пляшущим в его глазах.

— Снимаю свою обувь.

Я остаюсь около открытого окна, боясь подойти чуть ближе к нему, когда воспоминание о нашем последнем разе наедине проносится в моей голове.

— Но зачем?

— Я решил, что полежу с тобой, пока ты не уснешь, — как только снимает свою обувь, он садится и тянется к краю своей рубашки с длинными рукавами.

Мое дыхание застревает в горле, пока я наблюдаю, как он снимает ее через голову. А потом я стараюсь не хмуриться от разочарования из — за футболки, которая у него под рубашкой.

Когда он замечает, что я пялюсь, сжимает вместе свои губы и бросает свою рубашку на пол. Я переживаю о том, что он прочтает по моему лицу все мои грязные мысли, поэтому поспешно отвожу взгляд от его груди.

— Все нормально, а? — спрашивает он. — Я не хочу, чтобы ты нервничала. Это отличается от моих намерений.

— Все в порядке, — решаю не быть трусихой и заставляю свои ноги двигаться вперед, направляясь к кровати. — Просто странно видеть тебя в моей кровати.

— Почему? — он отодвигается, и я сажусь рядом с ним. — Ты была в моей тысячу раз. Ты даже там спала.

— Знаю, — подкладываю руки под свои ноги. — Но мне нравится приходить к тебе. А это не то место, куда кому — то понравится приходить. Ну, кроме отстойных друзей моей матери.

Он расстегивает пряжку своего ремня.

— Я не против того, чтобы быть тут. Конечно, было бы лучше, если бы мы были у меня или где — то в другом месте, что безопаснее, но мне нравится быть с тобой. Тебе стоит уже понять это, — он вытягивает свой ремень и бросает его на пол.

Сколько еще одежды последует? Когда он остановится?

Надеюсь никогда.

Я выталкиваю эту мысль из своей головы и поспешно скатываюсь к изголовью кровати.

— Ты действительно думаешь, что сможешь уснуть на протяжении всего этого шума и криков?

— Я не собираюсь спать, — он встает и стягивает футболку, бросая ее на пол. — Я собираюсь просто лежать рядом с тобой, пока ты не заснешь.

Святые Бабочки, полностью обезумели.

Я стараюсь не глазеть, разинув рот. Правда, стараюсь. Хотя мой взгляд блуждает некоторое время по его гладкой груди и твердому прессу.

Наконец — то, мне удастся сосредоточить свое внимание на чем — то еще, пока откидываю одеяло и забираюсь под него.

— Кажется, не слишком весело для тебя.

Его глаза сверкают весельем, когда он ложится рядом со мной и натягивает на нас одеяло.

— Ты даже не представляешь, насколько ты не права.

Я хочу спросить его, что он имеет в виду, но свирепость в выражении его лица удерживает мои губы закрытыми.

Я поворачиваюсь на бок, он делает то же самое, поэтому мы смотрим друг на друга.

Музыка и крики заполняют тишину между нами вместе с моим поверхностным дыханием.

— Ты нервничаешь? — неожиданно спрашивает он. — Я могу лечь на пол.

Мне хочется кивнуть, но я качаю головой. *Я ни в коем случае не позволю ему лежать на полу.*

— Все в порядке. Просто это из — за шума. Можно подумать, что после пятнадцати лет выслушивания этого дерьма станет проще, но этого никогда не случится.

Он что — то рассматривает, затем медленно движется ко мне, упирается своим лбом в мой и кладет ладонь на мое бедро.

— Закрывай глаза. Я сделаю так, что ты останешься в безопасности.

Я судорожно вдыхаю, но не отодвигаюсь, слушаю его и закрываю глаза. Мое сердцебиение воспаряет до скорости колибри, возбуждение закручивается. Я настолько напряжена, что не знаю, как засну. Хотя, несколько минут спустя мое сердце успокаивается, и я ускользаю в великолепные сны, наполненные такими вещами, которые я бы никогда не сделала в реальной жизни.

Глава 6

Бек

Я установил будильник на случай, если задремлю, перед тем как лег в кровать Виллоу. Ее губы приоткрыты, ресницы трепещут несколько раз с промежутками, словно она вот — вот проснется. Мне интересно, что ей снится, хороший у нее сон или плохой, когда ее нога обвивается вокруг моего бедра, а ладонь ложится на мою голую грудь.

Я замираю, когда ее пальцы перемещаются вниз, а мышцы моего живота сжимаются. Когда ее рука достигает низа моей талии, мое сердце бьется, как отбойный молоток.

Я прикусываю свою губу, чтобы сдержать стон, представляя, как ее руки движутся ниже, прикасаясь ко мне так, как я мечтал с того чертова первого поцелуя. Интересно, позволит ли она также потрогать ее? Затем я вспоминаю, что она спит и не подозревает о том, что делает.

Хотя это практически убивает меня, я двигаю рукой, чтобы остановить ее и ее пальцы внезапно застывают.

— Бек, — шепчет она, ее веки приоткрываются.

Наши пристальные взгляды сталкиваются, а затем ее взгляд устремляется вниз. Я жду, что она дернется назад, но вместо этого, она смотрит на свои пальцы, растопыренные на моем животе, ее грудь тяжелеет от каждого затрудненного вдоха.

Хриплые звуки посылают пульсирующее желание по всему моему телу. Я не знаю, что пересиливает во мне, возможно, все сдерживаемое, сексуальное напряжение заставляет меня потерять свой чертов рассудок, но я впираюсь своими пальцами в ее бедро и трюсь об нее.

Она стонет, откидывая свою голову назад, когда ее глаза закрываются.

Проклятье, я близок к тому, чтобы нахрен взорваться.

Я собираюсь повторить это движение, когда она отдергивается назад, будто я кусаю ее,

что я вроде бы как хочу.

— Мне т — так жаль, — мямлит она с широко раскрытыми глазами. — Я не знаю почему это сделала... У меня просто был этот сон... и потом я... — она замолкает, и я знаю, даже не видя ее лицо, что ее щеки горят.

Не хочу, чтобы она сожалела. Вообще. Я хочу, чтобы она положила свою ногу обратно на мое бедро так, чтобы мы могли продолжить. Но она кажется такой шокированной. Боюсь, что этот момент закончится еще одним фиаско. Если я не сглажу ситуацию.

— Все в порядке, — мой голос сильнее натянут, чем я хочу. Если бы было по — моему, то к этому времени ее одежда была бы снята, мой язык был бы у нее во рту, а мои пальцы скользили бы вверх по ее бедру. — Давай просто забудем, что это произошло. В любом случае, я уверен, что ты наверняка наполовину спала.

Она неуверенно сглатывает, прижимая свои руки к себе, словно боится, что может снова меня потрогать.

— Ты должно быть сердиться на меня, за...за то, что я так приставала к тебе, пока спала. И практически нарушила наше правило.

Я мысленно закатываю глаза. Она может приставать ко мне в любое время, когда захочет. Скажу ей, что это совсем другая история.

— Все с нами в порядке. И ты не нарушила правило. Наши губы ни разу не соприкоснулись. Теперь снова ложись спать, чтобы твои красивые глаза смогли отдохнуть.

Она обеспокоенно кивает

— Спасибо. И снова, извини.

Она закрывает глаза, но не проваливается сразу в сон, ее тело напряженно. Где — то после пятнадцати минут, ее мягкое дыхание наполняет тишину.

А я, я остаюсь напряжённым, твердым, как чертова скала. Мне, серьезно, хочется потянуться вниз и потрогать себя, чтобы успокоиться нахрен. Хотя, заниматься этим, когда она спит рядом со мной, кажется не правильным, поэтому я заставляю свои руки не шевелиться.

Приметно через полчаса я наконец — то успокаиваюсь. Проходит еще один час, и в доме становится тише. Интересно, значит ли угасающий шум, что люди уходят. Надеюсь на это, так как мне нужно скоро уходить, а от одной мысли оставить Виллоу одну в доме мне становится плохо.

Боже, я не хочу никогда ее покидать.

Мне нужно встретиться с парнем по работе в шесть часов, поэтому, когда будильник звенит в пять, я выпутываю свои руки и ноги из — под Виллоу и вытаскиваю свою задницу из кровати. Одеваю обратно свою обувь, рубашку и ремень, убеждаюсь, что двигаюсь тихо, поскольку не хочу ее разбудить. К тому времени, когда я уже одет и готов уйти, она кажется все еще спящей с рукой, лежащей под ее щекой. Она выглядит такой спокойной, такой красивой. И я ничего не могу с собой поделать.

Я наклоняюсь над кроватью и нежно целую ее в щеку, убеждая себя, что все сделал правильно, поскольку, технически, это не контакт губ.

Ее ресницы трепещут от контакта.

— Бек, — бормочет она.

Я делаю глубокий вдох, обожая звук своего имени, покидающий ее губы.

— Засыпай снова, принцесса, — шепчу ей на ухо. — Мне надо идти, но я позже вернусь, чтобы отбуксировать твою машину.

Я даже не уверен, достаточно ли она проснулась, чтобы понять меня, но она машет головой вверх вниз.

Прежде чем уйти, я проверяю, что дверь заперта. Затем я медленно открываю окно и выбираюсь.

Прохладный, утренний воздух окутывает меня, пока я медленно закрываю окно. Следующую секунду или две я сомневаюсь, желая вернуться в ее комнату, но не могу забить на работу.

Вздыхая, я разворачиваюсь и иду по стоянке к своей машине, пока проверяю сообщения. Мой отец звонил пять раз и оставил голосовое сообщение. Мне не нужно прослушивать его, чтобы узнать то, зачем он звонил. По той же причине, по которой он названивает мне последний месяц — он хочет, чтобы я работал в его фирме. Ну, «хочет» — это не достаточно сильное слово. Больше подходит — «требуется».

Я запикиваю телефон в карман, не прослушивая сообщение, здесь пусто, за исключением Мерседеса, припаркованного около моего БМВ. Когда оказываюсь около своей машины, я с интересом смотрю на мужчину, сидящего за рулем и набирающего сообщение.

Как будто замечая мой взгляд, он смотрит вверх, и его глаза расширяются.

— Что за черт? — бормочу я. — Почему, черт возьми, ты так смотришь на меня?

Его окно опущено, поэтому я знаю, что он слышит мои слова. Хотя, он не отвечает, просто заводит двигатель и срывается с места.

Почесав голову, я залезаю в свою машину и даю двигателю поработать несколько минут, чтобы разморозить окна. Я остаюсь на стоянке дольше, чем требуется, наблюдая за въездом, удостоверяясь, что Мерседес не вернется.

Может, я преувеличиваю, но этот парень смотрел на меня так, будто знал меня или знал то, что я друг Виллоу. А в таком месте не очень хорошо, когда люди тебя знают.

Глава 7

Виллоу

Солнечный свет освещает мое лицо, когда я открываю глаза и осматриваюсь, растягивая руки за своей головой. Моя кровать пуста, отчего холодная пустота проникает в мои кости. Но я чувствую себя обновлённой больше, чем за долгое время.

Затем все обрушивается на меня: мои руки на груди Бека, моя нога на его бедре, то, как он терся об меня. На небольшую, теряющую разум секунду я хотела, чтобы он снова это делал, пока я не вспомнила правило, и почему оно существует.

Технически, у меня нет правила о касании бедрами. Но это все еще не значит, что я чувствую себя лучше из — за того, что между нами произошло. Именно это я и говорю себе. Иногда мне интересно, лгу ли я себе так же много, как и остальным.

Слава Богу, что Бек сгладил инцидент. Я так ужасно себя чувствую. После того, как я передала ему правило, что мы никогда не можем целоваться, я же и приставала к нему. Поговорим о смешанных сигналах.

Он наверно думает, что я сумасшедшая. Честно говоря, наверно, так и есть. Я даже не знаю, почему это сделала. Окей, это — ложь. Я сделала это, потому что не могла выбросить из головы вид его груди.

Когда я закрываю глаза, то погружаюсь в мечту о том, как мы с Беком целуемся, мои

руки повсюду на его голой груди, мои бедра трутся об него.

Тупое, предательское тело.

Боже, я попала.

Вздыхая, я перекатываюсь и концентрируюсь на том, ушла ли мать со своими друзьями. В доме тихо, за исключением собаки, гавкающей снаружи. Это был бы самый мирный способ проснуться, если бы я не спала, обернувшись вокруг своего лучшего друга. К тому же, моя спальня воняет выпивкой.

Тук. Тук. Тук.

Я смотрю на часы и кривлюсь. Шесть часов утра, и еще не все ушли.

— Эй, мини — Пола, почему ты не открываешь дверь, доставай оттуда свою милую задницу, и устрой нам небольшое шоу, — говорит парень из — за двери. — Разве не этим ты занимаешься? Танцуешь, правильно?

Я сжимаю свои губы и закрываю глаза. *Уходи. Уходи. Уходи.*

— Эта униформа, в которой ты была... Об этом я говорю... Ты — танцовщица в «Crazy Morelliesin's». Как случилось так, что я никогда раньше тебя там не видел?

Потому что я не танцовщица.

Но то, что ты делаешь может быть не лучше.

— Твоя мама знает, где ты работаешь? — спрашивает он. — Могу поспорить, что да... Она сама там раньше работала, когда была моложе.

Я проглатываю постыдный комок, засоряющий мои дыхательные пути. Одновременно с тем, что я знала о ее баловстве стриптизом, я никогда не знала, что она работала в том же месте, что и я.

Я, правда, как она.

Нет! Я не такая! Я даже ни с кем не ходила на свидание и никогда ни с кем не пойду. Плюс, я собираюсь в колледж. Однажды я буду лучше нее.

Ну, это то, что я говорю себе, пока парень следующие полчаса колотит в мою дверь.

Когда он сдастся, я пытаюсь снова уснуть, но мой взволнованный мозг удерживает меня в сознании, и наконец, я вытаскиваю свой зад из кровати, чтобы проверить ущерб в квартире. Прежде чем выйти в этот бардак, я приоткрываю дверь и всматриваюсь в коридор, чтобы убедиться, что дом пуст. Не вижу, чтобы кто —нибудь где —нибудь ходил, поэтому шире открываю дверь и выхожу.

Мой нос быстро морщится из — за вони травы, выпивки и пота. От затхлости воздуха мне хочется побежать в ванную и принять душ. Нуждаясь в том, чтобы сначала проверить место, я ставлю одну ступню перед другой, пока тащусь в гостиную. Диван перевернут вверх дном, кофейный столик прижат боком к покрытой пятнами стене, а в середине комнаты навалена куча пивных банок. Мой первоначальный инстинкт — как можно скорее убрать этот беспорядок, но сначала мне надо проверить мою маму.

Поворачиваясь спиной к беспорядку, я иду в сторону маминной спальни и нахожу ее пустую кровать. Я проверяю ванную, шкафы и кухню. Нигде нет никаких ее признаков. Должно быть, она не приходила обратно из бара. Мое волнение возрастает при мысли обо всех местах, где она могла бы быть: занимается проституцией на углу, ширяется в каком —нибудь захудалом отеле, или лежит мертвой где — то в канаве. Все, кроме последнего случилось.

Я сутулюсь над столом и опускаю голову в свои руки, споря о том, — должна ли выследить ее. Как правило, я это делаю, но Бек должен прийти сегодня, чтобы

отбуксировать мой автомобиль. Хотя, после того, что случилось прошлой ночью, я не уверена, должна ли позволить Беку слететь с крючка и позвонить Ари, чтобы пришел мне помочь.

Возвращаясь к себе в спальню, я подбираю телефон, чтобы позвонить либо Беку, либо Ари, — я еще не решила. И тогда замечаю пропущенный вызов от Винтер. Я решаю позвонить ей, откладывая тяжелое испытание с моей машиной.

— Привет, ленивая задница, — приветствует меня Винтер после того, как я здороваюсь с ней, зевая.

— Это впервые, — я плюхаюсь на свою кровать и смотрю на потолок в пятнах от воды. — Обычно ты зовешь меня чокнутой.

— Ага, ну я решила немного замиксовать. Чтобы сделать жизнь чуть более интересной, — шутит она. — Хотя, серьезно, почему ты кажешься уставшей? Обычно ты встаешь с рассветом.

— У меня была тяжелая ночь.

— Из — за того, что сломалась твоя машина?

— Ага. И была вечеринка, а какой — то парень разбудил меня в шесть часов утра, — я не собираюсь упоминать то, что вечеринка была устроена моей матерью. Одновременно с тем, что Винтер знает о моей не фантастической жизни дома, она не в курсе всех тех деталей, что знает Бек. Я также по разным причинам не упоминаю, что Бек оставался в моей постели, или что я терлась об него, одна из которых, — потому что Винтер увидит в этом слишком много.

— Я не знаю, почему ты все еще там живешь, — говорит она. — Было бы намного легче, если бы ты просто переехала в Фэйрс Холлоу. Ведь кажется, что тебе не нравится жить со своей мамой.

— Просто все намного сложнее этого, — бубню я, массируя свой висок, чтобы уменьшить давление в черепе.

— Почему? В смысле, тебе почти девятнадцать. Ты не обязана и дальше жить со своей мамой, если не хочешь.

— Ага. Но ей нужна помощь, чтобы платить за аренду и в других вещах, — *и чтобы быть уверенной, что она не умрет во сне.*

— Почему это твоя работа? Разве не должно быть наоборот?

— Не всегда.

— Все же... это не честно, — говорит она, кажется глубоко недоумевая. — Мои родители совсем не отличные, но они бы никогда не заставили меня платить за них арендную плату. И не должны. Ни чьи родители не должны этого делать.

— Я это знаю, — действительно знаю. И я пыталась говорить об этом с моей мамой много — много раз, чтобы она сделала усилие и позаботилась о себе. Она всегда говорит, что так и сделает, но после нескольких лет являясь единственным источником дохода, я сдалась; она никогда не изменится.

— Ты всегда можешь поселиться со мной, — предлагает она. — В любом случае, мне понадобится соседка по комнате, когда съедет Луна.

Когда слышу повторяющийся крик снаружи, поднимаюсь с кровати и прикладываюсь к окну.

— Так, когда съезжает Луна?

— Ну, это неофициально. Но они с Греем достаточно серьезно говорили о том, чтобы

съехаться.

Я отдергиваю штору и всматриваюсь в окно.

— Серьезно? — сканирую стоянку и замечаю стоящую около багажника молодую пару, живущую через три двери от нас. Они кричат друг на друга, девушка в бешенстве из — за того, что считает, будто парень ей изменил. Я вспоминаю множество раз, когда моя мать была вовлечена в подобную сцену. — Разве все не движется немного быстро? Они так молоды.

— Ага, но они встречаются больше года, поэтому не думаю, что это так странно. Кроме того, они довольно много жили вместе, либо у нас, либо у Грея. По крайней мере, когда они переедут в свое собственное место, то смогут быть наедине. И я не войду снова, когда они делают кое — что на диване.

Я фыркаю от смеха.

— Святое дерьмо. Ты зашла и наткнулась на них?

— Ага. Я рассказывала тебе об этом?

— Нет.

— О мой Бог, это было так ужасно. И еще я думаю, что Луна была смущена больше всех.

— Ее достаточно легко смутить, не правда ли?

— Так же, как и тебя, — обвиняет она. — Фактически, иногда ты хуже нее.

Мой пульс ускоряется, когда пара начинает друг друга толкать.

— Не правда. Я редко смущаюсь.

— В обычных вещах да. Но когда упоминается или подразумевается что — то сексуальное, ты начинаешь полностью краснеть.

— В тебе так много дерьма.

Я размышляю, выходить ли мне и разнимать драку. Прямо сейчас они просто толкают друг друга, но именно так обычно начинаются драки, и все может быстро усугубиться, — я видела это тысячу раз.

Прежде чем я успеваю принять решение, они внезапно прекращают друг друга толкать, и их губы сталкиваются в глубоком страстном поцелуе.

Да, такое я тоже раньше видела.

Когда парень отстраняется, чтобы снять рубашку девушки, прямо там, на середине стоянки, я отвожу взгляд, а мои щеки нагреваются.

Окей, может Винтер права насчет меня. Может, я смущаюсь из — за сексуальных вещей. В смысле, посмотрите — ка, как я вела себя вчера вечером. Как я управляюсь там, где работаю — это выше моего понимания. И потом, я знаю, какой будет альтернатива, если не буду этого делать.

— Хотя, все нормально, — говорит Винтер со смешком. — Однажды, когда ты начнешь заниматься сексом, уверена, что ты легко это перерастешь.

— Ох, да как хочешь, — возражаю я. — Не веди себя так.

— Как?

— Словно у тебя был секс.

— Я подошла к этому ближе, чем ты.

— Ну и что? Это не делает тебя более взрослой, чем меня, — я отодвигаюсь, позволяя шторе упасть, затем останавливаюсь, когда фигура, стоящая перед заброшенным мотелем через дорогу, привлекает мое внимание.

Сначала я предполагаю, что это — случайный наркоман, ждет, чтобы купить

наркотики, поскольку именно этим мотель печально известен, но человек одет во все черное, с толстовкой, надвинутой на голову и спортивные ботинки, которые выглядят слишком дорого для того, что может себе позволить наркоман. По крайней мере, те, что живут здесь. К тому же, позади него припаркован сверкающий Мерседес, похожий на машину, которую я видела прошлой ночью, и кажущийся абсолютно не к месту.

Неприятное ощущение появляется в моем животе, когда я замечаю внимательный взгляд этого человека, направленный на входную дверь в мою квартиру.

Дерьмо, мама, что ты натворила на этот раз? Продаешь наркотики? Занимаешься проституцией? Обманываешь какого — нибудь богатого парня?

Внезапно человек поворачивается к моему окну, и я инстинктивно приседаю. Может я переигрываю, но за годы, как мать попадала в затруднительное положение, выводя из себя не того человека. Я не могу сосчитать, сколько раз она предупреждала меня на некоторое время скрыться с глаз и не открывать дверь.

Мне хочется ей позвонить и выяснить, не имеет ли это ничего общего с ней, но после того, как она потеряла три телефона меньше чем за месяц, я не могу, да и не хочу, на самом деле, покупать ей еще один.

— Ох, Виллоу, — протягивает Винтер в динамик. — О чем ты думаешь?

Я подношу телефон к уху:

— Об экзаменах, — вру я.

— Правда? — веселье расцветает в ее интонации. — Потому что мне подумалось, что ты думала о сексе.

Я сажусь на пол и скрещиваю ноги.

— Зачем бы тебе об этом думать? Особенно после того, как ты подразумевала, что я стесняюсь всего, что касается секса, ну знаешь, потому что я девственница и все такое.

Она хихикает.

— Ну и что с того, что ты смущаешься? Это не значит, что ты никогда не думала заниматься сексом. Я знаю, что ты думала об этом.

— Может несколько раз, — замечаю я, отказываясь вдаваться в детали.

— И бьюсь об заклад, я могу угадать, о ком были те несколько раз, — ее вкрадчивый тон заставляет меня хмуриться.

— В частности, не о ком конкретно, — я откидываюсь к стене и скрещиваю ноги. Но, пожалуйста, все равно, объясни кто, как ты думаешь, делает меня такой разгоряченной и взволнованной, потому что я на девяносто девять процентов уверена, что это тот, на кого ты намекаешь.

— Ну, он высокий, со спутанными светлыми волосами, любит футбол и временами весь такой бунтарь, когда хочет им быть, по крайней мере, для своих родителей и учителей, и говорит мужику, чтобы тот отъеб*лся. Он предпочитает кайфовать от вечеринок, вместо того, чтобы нажираться, но он не тупица, просто любитель расслабиться. Он любит играть в героя, также он никогда этого не признает, по крайней мере, для определенной девушки, которую знает с начальной школы. Обо всех других он заботится меньше. Также он иногда может быть занозой в заднице, но ты никогда со мной не согласишься, — она делает длинную паузу. — Хмм...что еще я забываю? Ох, да, и его имя рифмуется со Шмеккет.

— Это не смешно, — я вздрагиваю от неловкости, когда на меня накатывают образы прошлой ночи, а всю кожу покалывает. — Бек не заставляет меня думать о сексе.

— Да, точно. Ты — такая врунишка, — весело заявляет она. — Я это вижу в твоих

глазах каждый раз, когда мы находимся рядом с ним, ну, по крайней мере, так было последний год или около того. Но ты никогда этого не признаешь, поэтому не знаю, зачем вообще заговорила об этом.

Я тереблю рукав своей рубашки.

— Бек просто мой друг, мой лучший друг. Без обид.

— Никто не обиделся. В любом случае, он намного, *намного* лучший друг, чем я.

— Что это должно означать?

— Это означает, что он сделает для тебя что угодно, что в точности он делает всякий раз, когда ты ему даешь шанс, — всплеск горечи прокрадывается в ее голос и заставляет меня подвергнуть сомнению основную причину, по которой мы завели этот разговор.

Нравится ли Винтер Бек, и ревнует ли она из — за наших отношений? Это не первый раз, когда эта мысль приходит мне в голову, и Ари однажды предположил, что он думает, будто Бек и Винтер все время препираются из — за сексуального напряжения. Если они сойдутся, это будет иметь смысл. Они оба выходят из богатых, уважаемых семей, и у них много общих интересов, они очень компанейские, и не проводят свои ночи, тряся своими задницами, чтобы заработать дополнительные наличные деньги.

Да, идеальные вместе.

И я должна быть рада за них, но мой желудок обжигает тошнота, или, может быть, это ревность.

— Потому что он хороший друг, — я заставляю нежелательные мысли убраться из моей головы. — И если бы ты тоже им была, то не говорила бы об этом.

— Ну, я думаю, что мы уже установили, что я не была лучшим другом, поэтому я собираюсь продолжить и сказать, что повторяла последние несколько месяцев, — веселье исчезает из ее голоса, сменяясь серьезностью. — Я думаю, что Бек...

— Винтер, — предупреждаю я.

— Влюблен в тебя! — кричит она на меня.

Я хочу открыть окно и швырнуть телефон наружу, чтобы избежать этого разговора. Но я не могу позволить себе заменить телефон.

— Он не влюблен в меня. По крайней мере, не так, — *а если влюблен? Хочу ли я этого?*

Я качаю головой. Что, черт возьми, не так со мной?

— Что ты имеешь в виду, *а как?* — веселье вернулась. Она полностью наслаждается моим дискомфортом.

— Как... как любовь... — я отталкиваюсь ногами и расхаживаю по небольшому пространству моей комнаты.

Любовь? Я даже не знаю, что такое любовь... Правда же?

Лицо Бека появляется в моей голове: его улыбка, как он касается моего носа, чтобы заставить улыбнуться, то, как я обычно улыбаюсь рядом с ним.

Безопасность.

— Мы с Беком — просто друзья, — глупо заявляю я, понимая, что мой очень шаткий аргумент никогда не победит сумасшедшие навыки Винтер. Seriously, эта девушка может сделать все по — своему, щёлкнув пальцами.

— Если это именно то, что ты говоришь себе, тогда продолжай. Но в один прекрасный день, это дойдет до тебя.

— Дойдет до меня? Как может что — то подобное дойти до меня? — я притворяюсь раздраженной, хотя на самом деле, взволнованна.

Может быть, это уже повлияло на нас. С того поцелуя наша дружба была неровной, шаткой и пылающей жаром. Продолжают происходить неловкие моменты, как например, прошлой ночью он слегка задевал костяшками мое бедро, или каждый раз, когда я тупо пялилась на его губы. Или когда мы вместе лежим в постели, дразня друг друга...

— Ты действительно хочешь услышать мою теорию? — осторожный тон Винтер должен напугать меня, так как обычно ей плевать на то, что она говорит.

— Э — э... я не знаю... — я кусаю свой ноготь на большом пальце, не зная, как ответить.

— Ну, в любом случае я собираюсь тебе рассказать, — она делает еще одну продолжительную паузу, либо для драматического эффекта, либо чтобы предоставить мне шанс для отступления. — Я думаю, что на днях сексуального напряжения станет слишком много, и вы, ребята, закончите тем, что проведете вместе бурную ночь.

Я останавливаюсь у подножия своей кровати и опускаюсь на матрас.

— Поверь мне, этого никогда не случится.

— Если ты так говоришь.

— У меня есть самоконтроль, ты знаешь.

— Ха! Намекая, что у тебя есть самоконтроль, ты имеешь в виду, что думала об этом.

— Я этого не говорила, — жалуясь я. — Так что перестать нести это дерьмо.

— Обманщица.

— Королева драмы.

— Девушка, которая хочет, переспать с Беком.

— Винтер...

— О, Боже мой, думаю, я собираюсь проколоть пупок, — она кричит сквозь смех.

Закатываю глаза.

— Ты так не сделаешь. Тебе просто не хочется больше спорить со мной.

— Может быть, а может и нет, — дразнит она. — Может быть, я собираюсь изменить свой имидж выпускницы и стать тобой. Я даже сделаю татуировку.

— Что ты подразумеваешь под тем, что будешь *как я*? У меня нет никаких татуировок.

— Но у тебя много пирсинга.

Я очерчиваю своим пальцем множество серег, тянущихся вдоль моего уха.

— Только в ушах.

— И в пупке.

— Да, только из — за тебя.

— Эй, ты бы не осмелилась, — она тычет в это. — И ты могла бы ее вытащить.

— На самом деле, я не хотела, — признаю я, поднимая нижнюю часть своей рубашки, чтобы взглянуть на бриллиантик, сверкающий выше моего пупка. — После того, как прошла через всю эту боль.

Она смеется с издевкой.

— Так это не единственная причина, по которой ты ее не снимаешь.

— На что ты намекаешь? Я уверена, что ты на что — то намекаешь, — опускаю свою рубашку, затем откидываюсь на локтях. — Ты всегда так делаешь.

— Конечно. В чем смысл жизни, если ты не можешь ни на что намекнуть? — спрашивает она с казалось бы неуместным вздохом. — Но, во всяком случае, все, что я предполагаю, может быть, как и у нашего дорогого, милого Бека, у тебя есть немного мятежной стороны.

— У меня нет ее, — протестую я, вероятно показавшись более оскорбленной, чем должна. — Я никогда не делала ничего мятежного во всей своей жизни, — опять же, мою мать никогда не заботило то, что я делала, поэтому, как я могу быть вообще бунтаркой?

— Может быть, у тебя есть тайная темная сторона, и пирсинг — это лишь тонкий способ показать это.

Беспокойство шевелится в моей груди, как спящий зверь, готовый проснуться и напасть на меня. Бек сказал вчера вечером нечто подобное о переходе на темную сторону. Я настолько очевидна? Если это так, я волнуюсь из — за того, что еще они заметили во мне за последнее время.

— Так, быстрый вопрос. Когда ты возвращаешься из Нью — Йорка?

— Зачем спрашиваешь? Планируешь сделать для меня приветственную вечеринку? — шутит она. — Или ты просто так сильно по мне скучаешь?

— Конечно, я скучаю по тебе, — говорю я, расслабляясь из — за того, что она не сказала ничего по поводу очень заметного изменения темы. — Даже если ты заноза в заднице.

— Ой, я тоже люблю тебя, Виллс, — отвечает она сухо. — И для информации, ты тоже заноза в заднице, поэтому мы такие хорошие друзья.

— Да, может быть... А если серьезно, когда ты возвращаешься?

— Я лечу обратно в субботу днем. Почему ты спрашиваешь? Что произошло?

— Ничего, — я громко выдыхаю. — Просто у Бека вечеринка в пятницу, и он заставляет меня идти. И мне ненавистна идея, что я иду одна.

— Ну, ты не будешь одна. Бек будет там, — и снова, намек на горечь появляется в ее интонации. — И Ари с Луной, и, возможно, Грей с тех пор, как эти двое прикреплены бедрами двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

— Они вернутся из своей поездки к этому времени? — я напрягаюсь, когда я слышу стук в дверь.

— Должны, — говорит она. — Ты всегда можешь позвонить и узнать.

— Окей, я могла бы это сделать, — я поднимаюсь со своей кровати, когда стук становится громче, и на цыпочках иду из моей комнаты к входной двери.

— Или ты можешь просто пойти одна, — продолжает она. — Чтобы вы с Бексом наконец — то смогли переспать.

Нервный выдох трепещет на моих губах, когда я наклоняюсь, чтобы заглянуть в глазок.

— Не начинай снова, — облегченный вздох вырывается из меня при виде Бека, стоящего снаружи. — Эй, я должна идти. Только что появился Бек.

— Конечно же, он это сделал, — говорит она. — Он едва ли может держаться вдалеке от тебя больше, чем один день.

— Он здесь, чтобы просто помочь мне.

— О, бьюсь об заклад, что так и есть. Просто убедитесь в том, что позвонишь мне после того, как это произойдет.

— Во — первых, я никогда не позвоню тебе сразу после того, как в первый раз у меня будет секс, — я оборачиваю пальцы вокруг дверной ручки. — И во — вторых, мы с Бексом никогда не будем заниматься сексом. Поверь мне; он даже не хочет заниматься со мной сексом.

Голос в глубине моего сознания хохочет от смеха.

— Что если он хочет? Ты это сделаешь?

— Нет.

— Ты абсолютно точно сомневаешься.

— Нет, я не сомневаюсь, — ведь правда? — А почему ты так одержима этим?

— Это не так. Я просто веселюсь.

— Ну, пожалуйста, мы можем, оставить это?

— Хорошо, — сдается она. — Я дам тебе сорваться с крючка... на данный момент.

— Ну и дела, спасибо. Ты очень добра.

— Всегда пожалуйста, — язвительно замечает она. — Поговорим с тобой позже.

— Пока, — я вешаю трубку и открываю дверь с улыбкой на губах. Хотя мое облегчение мгновенно сменяется замешательством, когда Бек обхватывает рукой свой рот, пытаясь скрыть усмешку. — Из — за чего вся эта улыбка?

Он высовывает свой язык.

— Почему это странно? Я улыбаюсь все время. На самом деле, это своего рода мое отличительное качество.

— Это правда, но все — таки... — я смотрю на него с опаской. — Ты думаешь, что что — то смешно, но я не могу понять, что.

— Да, может быть, но поверь мне; вероятно лучше, чтобы ты не знала, — он сильно прикусывает губу и запикивает руки в задние карманы. — Итак, ты готова к тому, чтобы отбуксировать твою машину обратно? — его взгляд блуждает по клетчатым пижамным шортам и верху с длинными рукавами, в которые я одета, оставляя теплый след на моей коже, который согревает каждую часть моего тела. — Ты все еще одета в пижаму.

— Да, я ленилась этим утром, вероятно потому, что кто — то испортил мне прошлую ночь, и заставил спать так хорошо, — я прикусываю губу. Может быть, мне не следовало этого говорить.

Довольная улыбка освещает его лицо.

— Хорошо. Я рад, что смог помочь. И ты должна делать это чаще.

— Быть ленивой? — я вдруг резко начинаю отдавать себе отчет в том, насколько разгромлено это место, и что он, вероятно, может видеть весь беспорядок.

Он кивает головой, окидывая меня тем взглядом, который я совсем не могу понять.

— Тебе нужно больше отдыхать, принцесса. Ты всегда такая уставшая, потому что перегружаешь себя.

— Я в порядке, — лгу я. — Нет ничего, с чем я бы раньше не справлялась.

Его взгляд прикрепляется к моему.

— Именно этого я и боюсь. А когда — нибудь, когда ты слишком много будешь справляться, то, в конечном итоге, сломаешься.

Я знаю о какой поломке он говорит: в мой последний год у меня был нервный срыв, когда я пыталась жонглировать тремя работами, школьными заданиями, заботой о наркоманке — матери, все это же время подавая документы в колледжи.

— Я в порядке. Обещаю, — я бросаю взгляд через улицу, не зная, стоит ли быть расслабленной или встревоженной, ведь того человека там больше нет.

Бек стоит в дюймах от меня и наклоняется, понизив голос.

— Нет, это не так, — он указывает на разгромленную гостиную позади меня. — Ты не должна разбираться с этим. Тебе никогда не стоило разбираться с этим.

От него так хорошо пахнет одеколоном и мылом, и всем, что успокаивает меня, и я практически наклоняюсь к нему, хватаю за рубашку, цепляюсь за жизнь, и никогда не

позволяю уйти...

— Я знаю, — говорю я, заставляя себя оставаться на месте. — Но не так много я могу с этим поделать.

Он с решимостью смотрит на меня сверху — вниз.

— За исключением того, чтобы уйти.

Я вожусь с краем моих шорт.

— Я не могу просто уйти от нее... Можешь себе представить, что случится, если я это сделаю? Она едва выжила после ухода отца.

Он цепляет пальцем мой подбородок, заставляя смотреть на него.

— Я знаю, что ты переживаешь за свою мать, но ты не можешь провести остаток своей жизни заботясь о ней и позволяя ей разрушать себя. Должен настать момент, когда достаточно просто произнести «достаточно» или она разрушит твою жизнь.

— Я буду в порядке, — не так ли?

Иногда, мне интересно, насколько хорошо мне будет через три года... если я окончу колледж, как планирую, или что — то появится и разрушит этот план. Это единственное, что я узнала, пока росла в такой нестабильной жизни дома: все может случиться в мгновение ока и произвести удар по стабильной сфере, как случилось тогда, когда мой папа ушел, или когда год тому назад моя мать решила попробовать героин в первый раз. Она никогда не была прежней с тех пор, и в нашей жизни возросло хаотичное безумие.

Может быть, Бек прав. Может быть, пришло время сказать: хватит.

И что потом? Я уйду от своей матери, и буду надеяться, что она справится самостоятельно? В конце концов, после всего того, какая она дрянная, мама — единственная семья, которая у меня осталась. И я единственный человек, который у нее есть, кто достаточно волнуется и беспокоится о ней.

Глава 8

Бек

После того, как провел утро, беспокоясь о Виллоу, я был рад снова оказаться у нее дома, даже если это просто касалось буксировки ее машины.

Пока я стою у ее входной двери, беспокоюсь постукивая пальцами по бокам своих ног. Этот район всегда тревожил меня: здесь люди всегда продают наркотики, а иногда и свои тела, и парочка орала друг на друга у переднего крыльца их квартиры... По крайней мере, я думаю, что это была их квартира.

Однако мои нервишки сгорали от нетерпения, когда я за дверью слышал разговор Виллоу с кем — то, как она пару раз произнесла мое имя и слово «секс». Я не был точно уверен, что обсуждалось, но слушая, как Виллоу говорит обо мне и сексе, от этого я улыбался, как придурок.

Когда она открыла дверь, я попытался скрыть свое ликование и эпически провалился. Честно говоря, мне действительно было плевать. В конце концов, Виллоу говорила обо мне и сексе. О сексе и обо мне.

Когда я думал о прошлой ночи, то не мог прекратить по — идиотски ухмыляться.

Потом я заметил беспорядок в гостиной, и мое хорошее настроение испарилось, когда мне болезненно напомнили, что я еще должен сделать сегодня: поговорить с ней.

Примерно через час Ари должен встретить нас на шоссе, что оставляет мне около тридцати минут, чтобы убедить ее уйти из этой чертовой дыры в центре города, и не просто уйти, а уйти со мной. Зная Виллоу, она не очень хорошо воспримет то, что я собираюсь сказать. Она будет упрямой, попытается отказаться. Я достаточно часто разговаривал об этом с ней, чтобы выяснить. Но я не готов сдаваться.

Мне снятся кошмары о том, что здесь происходит, о том, что шепчет Виллоу, когда она действительно напугана. Я знаю, что она утаивает все детали... постоянно.

— Так, что на этот раз случилось с твоей мамой, раз она ушла? — спрашиваю я после того, как Виллоу показывает мне жестом проходить внутрь. Я поворачиваюсь вокруг на кухне, стекло хрустит под моими ботинками. Потом я поднимаю вверх голову и хмуро смотрю на разбитую лампу. — Кто — то разбил твою лампу.

— Я знаю, — она делает вес — всего — мира — на — моих — плечах вздох перед тем, как пересечь кухню и открыть холодильник. — И я не уверена в том, что заставило ее уйти. Я думаю, что она просто восстанавливается.

Я иду прямо позади нее, когда она опускает голову и всматривается внутрь пустого холодильника.

— Кто — нибудь беспокоил тебя после того, как я ушел? Дом казался пустым.

— Парень постучал в мою комнату, и это все.

— *И это все?* Ты говоришь, словно это не имеет значения.

— Это не так. На самом деле, нет. И, по крайней мере, он не вошел в мою комнату.

Я глубоко вдыхаю, когда мое разочарование возрастает, и напоминаю себе о том, что собираюсь поговорить с ней об этом, чтобы вызволить ее отсюда.

Она протягивает руку к пустой верхней полке, проскальзывает за нее пальцами и вытаскивает небольшую коробку заранее приготовленного бекона.

— Ты что — то там прятала? — я прислоняюсь к стене рядом с холодильником, наблюдая за ней: за тем как пряди ее длинных каштановых волосы нависают над ее большими глазами; за изгибом ее спины; за тем, как ее попак выпирает под низом пижамы... Если бы я подошел к ней сзади — была бы идеальная позиция...

— Да, — она делает шаг назад и закрывает холодильник, выталкивая меня из моих грязных мыслей. — Мне приходится, потому что обычно друзья моей мамы съедают все, когда приходят... — она замолкает, когда смотрит на меня, склонив голову. — Что это за выражение на твоем лице?

— Какое выражение? — *выражение, когда я думаю о том, чтобы трахнуть тебя сзади? Должен ли я ждать этого?*

— Ты просто выглядишь... Я не знаю, — она чешет заднюю часть своей шеи. — Задумчивым или что — то в этом роде.

— Задумчивым, хм? — я подавляю смех. *Хм, так вот как выглядит мое лицо, когда у меня грязные мысли о ней.* — Интересный выбор слова.

— Ну, это то, как ты выглядишь, — она разрывает коробку бекона. — Но вопрос,

почему? — она направляется к микроволновке, затем поворачивается назад с удивленным выражением на лице. — Я думаю, что ты либо под кайфом, либо у тебя что — то было этим утром.

— Ты знаешь, что я не сажусь за руль, когда под кайфом, — делаю паузу, оценивая ее реакцию. — А что касается того, что у меня что — то было этим утром, я, на самом деле, не занимался этим в течение довольно длительного времени.

— Насколько длительного? — ее зубы впиваются в нижнюю губу, ее взгляд вспыхивает на моих губах. — Неважно. Это не мое дело.

— Почему нет? — я выгибаю бровь. — Я рассказал тебе, когда потерял свою девственность.

Она снова чешет свою шею.

— Да, и я чувствовала себя довольно неудобно, когда ты рассказывал.

Я должен отпустить это, но не могу. Она ведет себя так изворотливо, и я хочу знать из — за чего, и имеет ли это что — то общее со мной.

— Почему?

Она ковыряет угол коробки бекона.

— Что почему?

Я выпрямляюсь у стены и пересекаю крошечную кухню, сокращая расстояние между нами.

— Почему тебя беспокоит, когда я говорю о сексе?

Она изучает меня, затем хмурится.

— Ты говорил с Винтер?

Хорошо, не то, что я ожидал, но я определенно заинтригован.

— Нет... Почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — она поспешно отворачивается от меня и смотрит на микроволновку.

Я перехватываю ее за бедра, разворачиваю, и прислоняю к столу, отчего ее губы приоткрываются от шока.

— Ни за что. Ты не можешь просто спросить что — то подобное и не объяснять, — кладу ладони по бокам от нее, заковывая ее между своих рук, а затем наклоняюсь, пока наши тела не вспыхивают.

Ее грудь вздымается напротив моей, когда она панически вдыхает. Я жду, что она оттолкнет меня, но она поднимает свой подбородок, поддерживая зрительный контакт, ее нижняя губа дрожит.

— Почему странно, что я спрашиваю, разговаривал ли ты с Винтер? Вы двое постоянно говорите.

— Да, но ясно, что у вас двоих был разговор, — я опускаю свою голову ближе к ней, наши губы находятся в дюймах друг от друга. Так. Чертовски. Близко. — Я предполагаю, что она была обо мне и о сексе.

Ее щеки краснеют, и это, наверное, самое восхитительное, что я когда — либо видел.

— Почему мы должны говорить о твоей сексуальной жизни?

— Это то, что мне интересно, — я отклоняюсь немного назад, чтобы найти ее глаза. — Там, правда, не так уж много, что можно обсудить.

Она отводит от меня свой взгляд.

— Хотя, есть кое — что.

Я наклоняюсь вбок, вынуждая ее посмотреть на меня.

— Что это должно означать?

— Ничего, — ее румянец усиливается. — Пожалуйста, можем мы прекратить говорить об этом? Винтер уже заставила меня сегодня говорить с ней на очень неудобную тему.

— О сексе? — я делаю паузу, напряжение разрывает мое тело, когда кое — что приходит мне на ум. — Подожди. Возможно, у тебя... был с кем — то секс?

— Я так не могу разговаривать об этом, — она кладет руку мне на грудь и нежно отталкивает, но я перехватываю ее руку и удерживаю прямо над своим сердцем.

Тот факт, что она не дает мне прямой ответ, заставляет мой пульс зашкаливать от нервной энергии, которую, я уверен, она может чувствовать. Мне не все равно. Я немного паникую. Я имею в виду, конечно, у меня раньше был секс, но не в последнее время, и не после того, как понял, что она мне сильно нравится. Насколько я знаю, Виллоу до сих пор девственница. Если это изменилось, то случилось недавно.

Она кого — то встретила?

— Почему ты не можешь поговорить со мной об этом? — я стараюсь, чтобы мой голос казался ровным. — Мы говорили раньше о такого рода вещах.

Она качает головой.

— Мы этого не делали.

Я поднимаю палец.

— В прошлом году, после того, как мы играли в пиво — понг на одной из моих вечеринок, мы пошли в спальню, и ты призналась мне, что все еще девственница. А я признался тебе, что спал с двумя девушками.

— Тебе не нужно мне об этом напоминать. Я очень хорошо это запомнила, — ее щеки загораются ярко — красным пламенем, и она отстраняет свою руку от моей груди. — Я также помню, что не могла смотреть тебе в глаза, примерно две недели, потому что ты... — она смотрит на все, кроме меня. — Но если тебе действительно нужно знать, то ответ — нет. У меня не было... с кем — то секса.

Прямо сейчас есть миллион вещей, которые я хочу сказать ей, большинство из них включает в себя слова «секс», «прикосновение» и «поцелуй», но я отстраняюсь, вспоминая последний раз, когда ее поцеловал. После этого наша дружба была похожа на шаткий канат, пока она не создала из этого правило не целоваться. Именно тогда я понял, насколько она хрупкая, как легко я могу ее потерять.

Я не хочу потерять ее.

Также я не знаю, сколько еще времени смогу следовать правилу — не целоваться... особенно после прошлой ночи.

— Ну все, прекращаем эту неловкость, — я вырываю коробку бекона из ее рук и бросаю на стол. — Иди, одевай свою хорошенькую попку, чтобы мы могли отбуксировать машину домой, а затем добудем тебе что — то приличное поесть.

Она благодарно мне улыбается.

— Звучит хорошо. Но тебе не нужно меня кормить. Я могу съесть бекон, — она ступает к столу, чтобы взять коробку, но я обхожу ее сбоку, блокируя путь.

— Тебе стоит съесть больше, чем это, — я следую своими костяшками вниз по ее боку, сдерживая стон, когда она вздрагивает. Боже, черт побери, я люблю, когда она так делает. Почему мы просто не можем делать это постоянно? — Ты уже слишком худая, — потому что ее чертова мать позволяет своим друзьям съедать всю пищу.

— Бек, ты, правда, не должен заботиться обо мне, — настаивает она, но вижу, как

надламывается ее сила воли.

Я просто хочу, чтобы она полностью ослабила ее, полностью впустила меня. Прекратила бороться с совершенством.

— Знаю, что не должен, но я хочу, — говорю ей. — И прошлым вечером мы оба согласились, что должны позволить мне делать то, что я хочу.

— Мы никогда с этим не соглашались.

— Ну, тогда нам стоит это сделать, потому что это звучит, как очень хорошее согласие.

Она борется с улыбкой.

— Для тебя.

— Ни в коем случае, — я прижимаю руку к своей груди. — Ты однозначно извлечешь выгоду из этого соглашения.

Она поднимает брови.

— Как ты себе это представляешь?

Я ухмыляюсь.

— Потому что все, что я хочу делать, касается тебя.

Она затихает, глядя на меня с беспокойством, чувством вины, и немного со стыдом. Я ненавижу то, что она чувствует стыд за то, что принимает мою помощь. Я ненавижу, что она думает, будто сама должна заботиться о своих проблемах. Я ненавижу, что ее мать трахает ее голову.

Боже, я ненавижу ее гребаную мать. Единственная хорошая вещь, которую она когда — либо совершала — принесла в этот мир Виллоу.

— Хорошо, я пойду оденусь, — смягчается она. — И тогда мы сможем остановиться по дороге в каком —нибудь месте, где я куплю себе гамбургер. И я хочу, возместить тебе бензин за то, что ты два раза ездил отсюда.

— Звучит хорошо, — *Нет*. Если она попытается дать мне денег, я украдкой верну их обратно в ее сумочку, когда она не будет смотреть, как я поступал и раньше.

— Я именно это и имею в виду, — она пятится, направляя на меня свой палец. — Однажды, я отплачу тебе за все, что ты сделал.

— Окей, — я не говорю то, что она уже заплатила мне, впуская меня в свою жизнь... всегда говорит мне, какой я великолепный...никогда не дает мне сломаться из — за негатива моего отца...постоянно находится рядом со мной...дает себя обнимать...обманывает, чтобы всегда вызволить меня из беды.

За... все.

После того, как Виллоу выходит из комнаты, я хватаю мешок для мусора из выдвижного ящика и начинаю собирать, казалось бы, бесконечное количество мусора. В действительности я никогда раньше не убирался, так как у меня есть горничная, это то, за что я очень благодарен, когда нахожу использованный презерватив и старую пару нижнего белья зажатую между стеной и холодильником.

Блять, гадость. Мне действительно нужно убедить ее покинуть эту дыру.

Как только большинство пивных бутылок и окурков убраны, я направляюсь в гостиную, чтобы поставить мебель в вертикальное положение, но меняю направление в сторону двери, так как кто — то стучится.

Я смотрю в глазок, чтобы узнать, кто это, но прихожу в замешательство.

— Что за черт? — я открываю дверь и выхожу на пустое крыльцо. — Я знаю, что слышал стук, — мой внимательный взгляд скользит по машинам на стоянке, группа людей

слоняется у ржавой мебели для патио через несколько дверей в сторону, а затем попадает на мотель через дорогу, где припаркован Мерседес. Тот же, который я видел прошлой ночью.

Что, черт возьми, происходит?

— Что ты делаешь? — озабоченный голос Виллоу слышится за моим плечом.

Я разворачиваюсь и осматриваю ее. Она переделалась в обтягивающие джинсы и узкую черную рубашку, которая выставляет кусочек кожи, и большие сапоги, которые зашнурованы до колен. Ее волосы влажные, кожа чистая и безупречная, а блестящие губы умоляют, чтобы их облизали.

Я отрываю взгляд от ее рта и сосредотачиваюсь на глазах.

— Мне показалось, что я услышал, как кто — то стучит, но полагаю, что схожу с ума или что — то в этом роде, потому что здесь никого не было, — когда ее плечи опускаются, у меня сразу же начинается возрастать беспокойство. — Что не так?

— Ничего, — она накручивает на палец прядь волос, покусывая нижнюю губу.

— Очевидно, тебя что — то беспокоит, — я медленнодвигаюсь к ней и легонько стучу по ее носу. — Иначе ты бы не выглядела такой взволнованной.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — она распутывает волосы со своего пальца. — Прямо перед тем, как ты появился, я заметила этого человека, стоящего через дорогу, и казалось, что он смотрел на мой дом.

Напряжение растекается по моим венам.

— Ты знаешь, кто это был?

— У него на голове была толстовка, поэтому я не разглядела, как он выглядел, — она наклоняется к дверному проему, выпуская напряженный вдох. — Возможно, я просто принимаю слишком близко к сердцу... Я просто была так расстроена, когда моя мать устроила вечеринку и приняла так много, — она понижает свой голос до смущенного шепота, — наркотиков... От них она совершает много поверхностного дерьма и выводит многих людей из себя, — ее глаза вспыхивают страхом, когда она тяжело сглатывает. — Иногда не тех людей.

— Раньше что — то случалось, да? — спрашиваю я. — Я могу сказать это по выражению в твоих глазах.

Она трет пальцами под глазами, будто пытается стереть этот взгляд.

— Пару раз случалось, когда она обманывала некоторых торговцев наркотиками, и они приходили и стучали в дверь, требуя денег.

— Что! — слишком громко восклицаю я, привлекая внимание со стороны соседей. Чтоб их. Это не их дело. Дело касается того, что Виллоу подвергает себя опасности, находясь здесь. — Почему ты не сказала мне об этом?

Она вдруг глубоко поглощена проверкой своих ногтей.

— Потому что знала, что ты будешь беспокоиться, а я не люблю тебя беспокоить... Это даже не твоя проблема. Ты не должен находиться здесь, убирая мой дом, и быть моим таксистом... Ты ведь даже ничего не получаешь взамен, — она опускает руку на бок, но удерживает свой взгляд, приклеенным к земле. — Это не правильно. И мне действительно следует прекратить так много полагаться на тебя.

Я кладу свой палец под ее подбородок и подниаю ее голову.

— Прежде всего, я делаю все это, потому что *хочу*, потому что ты — мой лучший друг. Не потому, что я должен. И во — вторых, я получаю кое — что от этого.

Ее брови сходятся, снова доказывая, какой невежественной она иногда может быть.

— Что ты получаешь?

— Тебя, — говорю я смело. Прежде, чем она может отреагировать, я говорю: — И как твой лучший друг, я не могу позволить тебе здесь больше оставаться. Не тогда, когда я узнал, что рядом с вами ошиваются разозленные торговцы наркотиками. Это не безопасно, Виллс.

— Больше ничто не будет в безопасности в моей жизни, — бормочет она, пялясь вниз на свои ступни.

— Тогда пришло время исправить это. Переезжай ко мне.

Она хлопает широко раскрытыми глазами и быстро качает головой.

— Я не могу этого сделать... Это слишком.

— Для меня или для тебя?

— Для... для нас обоих.

— Не включай меня в нас, потому что я очень доволен этой идеей. На самом деле, она мне очень нравится.

— Это ты сейчас так говоришь, — бормочет она. — Но, в конце концов, ты устанешь от меня.

— Это не правда, и думаю, что ты это знаешь, — говорю я, смягчая свою интонацию. — Я думаю, что есть другая причина, которую ты мне не говоришь.

— Я просто не хочу быть убогой, — ее голос надламывается.

— Ты — не убогая. Ты — мой друг... друг, который должен выбраться к чертям из этой жизни, которая тащит тебя вниз.

— Переезд в твой дом не спасет меня от этого.

— Это только начало.

Она поджимает свои губы, всматриваясь в меня своими грустными глазами. Я могу сказать, что она хочет согласиться поехать со мной, но над желанием господствует страх.

Чего ты так боишься? Уехать? Меня? Или это что — то другое?

— Пообещай мне просто, что подумаешь об этом? — прошу я умоляющим тоном. — Даже если ты не переедешь ко мне... Может быть, ты смогла бы переехать к Винтер.

Она обдумывает это, кусая свой ноготь.

— Может быть, я смогла бы это сделать... Она сказала, что ей, возможно, потребуется соседка... — ее плечи слегка расслабляются, а мое сердце немного умирает.

Так, это из — за меня.

— Хотя, не думаю, что смогу позволить себе половину ее арендной платы, — добавляет она. — Не тогда, когда я плачу арендную плату за это место.

Изумленно смотрю на нее.

— Тогда перестань платить арендную плату за это гребанное место. Платить за квартиру своей матери — это не твоя работа.

— Да, это так, — чувство вины наполняет ее глаза. — Если я не буду этого делать, то моя мать окажется на улице.

Я обхватываю ее щеку своей ладонью и вытираю своим большим пальцем слезы.

— Я знаю, что ты, может, не захочешь это услышать, но это может стать неплохим обстоятельством. Твоя помощь... позволяет ей расслабиться.

Она хлюпает носом, затем удивляет меня, когда слабый смешок выскальзывает из ее губ.

— Откуда, черт возьми, ты узнал об этом?

— Курс психологии, — признаюсь я. — Это немного затрагивалось, когда мы

обсуждали наркозависимость. Я услышал достаточно, чтобы знать, что это — правда.

— Это так, — говорит она. Когда я одариваю ее вопросительным взглядом, она добавляет: — Мне нужно было пару раз поговорить с врачом после того, как у меня было то расстройство во время нашего последнего года в старшей школе, — она вздрагивает от воспоминаний о том времени, когда сломалась на уроке английского из — за того, что получила «четверку» по домашнему заданию.

Хотя, на самом деле, паническая атака не была вызвана оценкой. Она едва спала, изнуряя себя двумя работами, учебой, заполнением заявок в колледжи и заботой о своей матери. Никто ничего о ней не знал, и начали насмехаться над ней из — за того, что она сошла с ума из — за оценки. К тому же хорошей оценки. Хотя, я знал. Я все знал и ненавидел себя за это, потому что чувствовал себя таким беспомощным.

— Но, в любом случае, — она переносит свой вес. — Я позволила ускользнуть некоторым подробностям своей жизни дома, в частности, подробностям о своей маме, принимающей наркотики, и обо мне, заботящейся о ней, и терапевт сказал, что иногда, помогая наркозависимому тем, что даешь ему деньги или оплачиваешь счета, на самом деле, причиняешь больше вреда, чем пользы.

— Тогда тебе обязательно стоит уйти, да? — *пожалуйста, ради любви к Богу, просто скажи «да».*

— Я не знаю, смогу ли... просто оставить ее таким образом. Я имею в виду, что произойдет, если однажды ночью она действительно сильно напьется, и никого здесь не будет, чтобы отвезти ее в больницу и промыть желудок?

Я напрягаю свой мозг для достаточно убедительного ответа.

— Может быть, ты могла бы приезжать каждый день, чтобы проверить ее. Ты можешь приезжать сюда до или после работы.

Ее кожа бледнеет.

— Ага, возможно...

— Также, ты могла бы брать на время мою машину, — игнорируя ее хмурое лицо, я добавляю: — Так было бы безопаснее, что — то типа причины того, чтобы тебе отсюда выбраться.

Она стучит пальцами по бокам своих ног.

— Может быть, я смогла бы одолжить машину Винтер или сесть на автобус.

Моя челюсть сжимается.

— Почему ты спокойно относишься к тому, чтобы заимствовать машину Винтер, но не мою?

— Я не отношусь спокойно к тому, чтобы брать что — либо на время, но с Винтер... — ее взгляд сталкивается с моим, и океан страха выливается из ее глаз. — Это просто не так сложно.

Мое сердце немного покалывает, и я массирую свою грудь.

— Про Винтер можно сказать что угодно, но не «не так сложно», — говорю я ей, стараясь не быть похожим на оскорбленную киску, но у меня получается лишь немного. — Но если это то, что заставит тебя убраться из этого дома, тогда все в порядке.

Она кивает, но я все еще не позволяю себе дышать. Нет, я не смогу снова свободно дышать, пока она не окажется далеко, далеко от своей матери и жизни, которая никогда не была для нее достаточно хороша.

Следующие несколько дней проходят обыденно: поездки на работу, возвращение в пустой дом, и множество часов учебы. Работа. Учеба. Одиночество. Работа. Учеба. Одиночество. Этот шаблон начинает сводить меня с ума. Еще не могу расслабиться, когда накапливаются счета, и я по локти погружаюсь в груды домашних заданий. Я еще не узнала, куда сорвалась моя мать, от чего очень нервничаю, — в последний раз, когда я ее видела, она была в ужасном состоянии. К тому же из — за человека, которого видела через дорогу, я вся на иголках.

Пока никто открыто не стучал в дверь и не требовал денег, прошлой ночью я заметила кого — то, затаившегося около моей машины. Я не знаю, в чем было их соглашение, был ли это один и тот же человек, но у меня ощущение, что я играю в позиции выжидания и, в конечном счете, проиграю.

Мне действительно нужно поговорить со своей матерью и выяснить должна ли она кому — то денег.

Я искала ее в местных барах и клубах и выследила некоторых из ее друзей, которые не являлись самыми надежными источниками. Единственный реальный след, который у меня есть — от владельца бара, который сообщил мне, что моя мать была здесь в понедельник вечером, флиртовала с парнем, и они болтали о поездке в Вегас, чтобы сбежать. Так что теперь, мне не только придется беспокоиться о том, что моя мама собирается напиться, но и о том, что, возможно, она будет напиваться со своим новым муженьком, которого я раньше никогда не встречала.

Излишне говорить, что к вечеру пятницы, я могла бы реально воспользоваться перерывом от отвратительной маленькой штучки под названием «напряженная жизнь».

Бек раздражал меня тем, что настаивал на посещении своей вечеринки, а поскольку я не была такой уж большой тусовщицей, то решила пойти и расслабиться на несколько часов.

На работе я считала часы до отъезда, пытаюсь решить, что надеть, так как Бек настаивал, что у вечеринки был строгий дресс — код в черных платьях. Я пошутила, когда он мне об этом напомнил, сказала ему, что буду рада увидеть, какое платье он собирается надеть. Бек, будучи дурачком, ответил: «Просто подожди. Оно очень сексуальное. Возможно даже сексуальнее, чем твое». Я смеялась, уже чувствуя себя лучше и еще больше стремясь удрать из опустошающей душу квартиры.

Мое стремление резко снижается, когда Вэн, мой тридцатилетний менеджер, сообщает, что ему нужно поговорить.

— Зайди на секунду в мой кабинет, Виллоу, — говорит он мне, когда я прохожу мимо бара, неся пустой поднос. Он стоит за стойкой с закатанными длинными рукавами рубашки, с засунутой за ухо сигаретой и задумчивым взглядом на своем лице.

— Окей, — я ставлю поднос на столешницу и снова борюсь со беспокойством.

Уверена, что это не имеет значения. Ты не сделала ничего плохого.

Часть меня мечтает о том, что я облажалась, и он уволит меня или заставит самой сделать это. Но это единственная работа, которую я смогла получить за последние шесть месяцев, и с помощью которой могут оплатить все счета, мое обучение и обеспечение матери.

Я следую за Вэном за сцену, неоновые розовые огни мерцают, когда переключаются песни и выходит новая группа танцовщиц. Группа парней освистывает и показывает неприличные жесты, пока размахивает в воздухе деньгами. Девушки на сцене не кажутся слишком обеспокоенными. Я? Мой желудок сужается до такой степени, что становится плохо. По факту, за последний месяц работы здесь у меня была постоянная боль в желудке либо из — за окружающей обстановки, либо из — за моей вины.

Когда мы с Вэном добираемся до конца коридора, он показывает жестом следовать за ним в его офис. Затем закрывает дверь.

— Садись, — говорит он, плюхаясь в кресло за своим заваленным бумагами столом.

Сажусь, подавляя желание потянуть за край своих шортов, когда его глаза сканируют меня. Он молчит, пока зажигает сигарету и делает глубокую затяжку.

— Итак, — начинает он, облако дыма вырывается из его рта. — Тебе, вероятно, интересно, почему я попросил тебя зайти.

Я нервно киваю.

— Я не сделала ничего плохого, не так ли?

Он стряхивает пепел с сигареты в темно — зеленую пепельницу, от чего хлопья пепла кружат в задымленном воздухе.

— Нет, совсем нет. Ты выполняешь большую работу, милая.

Я съеживаюсь от обращения «милая», затем задерживаю дыхание, чувствуя, что следует «но».

— *Но* я бы очень хотел, переместить тебя на сцену. Ты — красивая девушка, — его глаза всматриваются в мой вырез. — Это такая потеря, что ты внизу. Ты заслуживаешь того, чтобы быть в центре внимания.

Заслуживаю. Как будто это — награда.

— Я не уверена, что буду очень хороша, — я вытираю влажные ладони об верх своих ног. *Оставайся спокойной, Виллоу.* — Я даже не знаю, как танцевать.

Он делает еще одну длинную затяжку сигареты.

— На самом деле, это не о танцах. Все, что тебе нужно сделать, — это показать чуть — чуть кожи и низко нагибаться. Я могу заставить девушек научить тебя нескольким движениям, если от этого ты почувствуешь себя комфортнее.

Комфортнее? Ага, как будто это когда —нибудь произойдет.

— Я благодарна за предложение, Вэн, — я хочу, чтобы мой голос был стабильным. — Но я бы действительно предпочла бы просто оставаться официанткой.

Он смотрит на свой большой палец и конец сигареты.

— Ты, наверняка, будешь зарабатывать в три раза больше, чем сейчас.

На безумно глупый момент, я рассматриваю его предложение. *В три раза больше, чем зарабатываю?* Этого было бы достаточно, чтобы платить аренду за мою мать и снять свое собственное жилье. Затем я представляю, как поднимаюсь на сцену, одетая практически ни во что, и тошнота обжигает заднюю часть моего горла.

Я скрещиваю руки и ноги, чувствуя себя очень обнаженной.

— Думаю, что просто останусь официанткой, если это нормально.

Он гасит сигарету и наклоняется вперед.

— Послушай, Виллоу, ты, кажешься милой девушкой, поэтому я думаю, что ты бы здорово смотрелась на сцене. Парни любят все такое невинное, мучительное поведение, которого ты придерживаешься.

Так вот как он меня видит?

— Но, когда я нанимаю официанток, — продолжает он, сцепляя свои руки на столе. — Это испытание, чтобы увидеть, как они впишутся в окружающую обстановку. Если справляешься хорошо, то переходишь на сцену.

Мое сердце колотится.

— Итак, вы говорите, что я либо должна выйти на сцену, либо уволена?

— Не столько уволена, сколько отпущена, — он ерзает на месте вперед и назад. — Хотя, не волнуйся. Я дам тебе пару недель, чтобы привыкнуть к мысли, прежде чем выпущу туда.

Он ведет себя так, словно я уже согласилась, и мне интересно, говорил ли ему когда —нибудь кто —нибудь «нет». Возможно нет, учитывая, что работа в таком месте требует определенного рода отчаяния, отчаяния с которым я слишком хорошо знакома.

Кивая, я покидаю офис со странным чувством онемения. Когда вхожу в зону столиков, мое внимание переключается к сцене, где две девушки примерно моего возраста танцуют на шестах, на них ничего нет, кроме трусиков.

Желчь обжигает заднюю часть моего горла. Я не могу пойти туда. Начнем с того, что мне не стоило работать в этом месте.

Две недели, Виллоу. У тебя есть две недели, чтобы что —нибудь придумать.

Оставшаяся часть моей смены проходит в тумане раздачи напитков, игнорирования грубых замечаний и отклонения предложений. К тому времени, как выхожу из клуба и направляюсь к своей машине, небо черное, воздух холодный, и я не имею ни малейшего понятия, как решить свои проблемы.

Ты всегда можешь просто принять предложение Бека.

Я качаю головой. *Нет, ты уже позволила ему сделать слишком много на этой неделе, и не только отбуксировать машину домой, но и купить деталь, чтобы он и Ари могли исправить термостат.*

Гравий хрустит под сапогами, когда я обхожу автомобили, направляясь к своей машине. Музыка плывет по воздуху, и несколько парней курят рядом с автопогрузчиком. Когда их взгляды бросаются ко мне, я застегиваю куртку, чувствуя себя обнаженной в своих джинсах и клетчатой рубашке.

Мои ноги трясутся, пока я умоляю свои шаги ускориться, переставляя одну ногу перед другой. Обнимаю себя руками, держу низко голову, стараясь стать невидимой. Я все еще чувствую их взгляды на мне, отслеживающие каждое движение. Их внимание так меня отвлекает, что не замечаю Мустанг, припаркованный рядом с моей машиной, пока не оказываюсь всего в нескольких шагах от него.

Я сразу же останавливаюсь, неприятный холод скользит по моему позвоночнику, когда дверь со стороны водителя медленно открывается.

Выскакивает Дэйн с огромной улыбкой на лице, словно мы давно потерянные лучшие друзья.

— Эй, это девушка с улицы, — он огибает переднюю часть машины, направляясь ко мне. — Я надеялся, что снова встречу с тобой.

Я заставляю успокоиться свои нервы — самое лучшее, что могу.

— Зачем?

— Потому что ты произвела на меня неизгладимое впечатление, — он останавливается передо мной, его взгляд медленно скользит вверх и вниз по моему телу. — Хотя, ты выглядела намного лучше в униформе, — он сосредотачивает свои темные глаза на моих. — Ты только что закончила работу?

— Я ухожу, — двигаюсь, чтобы обойти его, но его движения соответствуют моим, преграждая мне дорогу.

— Почему бы тебе не остаться на некоторое время? — он снижает свой голос, и приближает лицо до расстояния в несколько дюймов от моего. Его дыхание воняет пивом, а от терпкого одеколona хочется блевать. — Садись в мою машину. Давай повеселимся, — он хватает меня за бедра, впиваясь своими пальцами в кожу, когда резко дергает меня ближе. — Я обещаю, что ты не пожалеешь, если согласишься.

Мое сердце колотится, когда я поднимаю ногу, собираясь ударить коленом по его шарам и сбежать, как безумная. Затем слышатся шаги позади меня, отчего я замираю.

— Этот парень вас беспокоит? — один из тех, кто курил возле автопогрузчика, стоит рядом со мной. Он выглядит примерно моего возраста с песочно — каштановыми волосами и добрыми глазами, которые кажутся странно неуместными в этом месте.

— Она в порядке, — Дэйн смотрит на меня с угрозой в глазах. — Мы просто разговариваем. На самом деле, мы старые друзья.

Незнакомец поворачивается ко мне.

— Это правда?

Я тяжело сглатываю, и качаю головой.

— Нет. Я даже его не знаю.

Внимательный взгляд незнакомца останавливается на Дэйне.

— У тебя есть три секунды, чтобы уйти.

Дэйн ухмыляется, поворачиваясь к незнакомцу.

— И что потом? Ты собираешься избить меня?

Незнакомец скрещивает сильно татуированные руки на твердой груди.

— Да, и довольно сильно, — просто отвечает он.

Глаза Дэйна быстро расширяются, после чего он поспешно сам заминает ссору.

— Пофиг, мужик. Ты не выглядишь таким уж крутым, но в любом случае я собираюсь уйти, потому что у меня есть кое — какое дерьмо, которым стоит заняться, — Дэйн стреляет в меня неприятным взглядом, который вызывает оглушительный страх, выстреливающий по моему позвоночнику. Затем он направляется к глухим входным дверям клуба.

Как только он уходит, незнакомец поворачивается ко мне.

— Ты в порядке?

Я киваю, нервно вдыхая.

— Думаю, да.

— Тебе действительно не стоит выходить к своей машине в одиночку. Это небезопасно. Тебе стоит выходить с одной из других девушек.

— Я буду делать так с этого момента, — заверяю его я. — И спасибо за это. Большинство людей не вмешались бы.

— Это было не трудно. Этот парень — просто богатый сопляк, которого было необходимо поставить на свое место, — его лоб морщится, когда пара фар освещает нас, представляя мне лучший обзор на его лицо. — Эй, думаю, что я знаю, откуда ты.

— Я так не думаю, — говорю я, отступая от него.

Он указывает на меня пальцем.

— Я думаю, что мы вместе ходим на химию. У профессора Брэлифингтон, по пятницам, правильно?

Внутри все закипает, когда я начинаю болезненно осознавать, что мы ходим в один и тот же университет.

Его зовут Эверет. У нас несколько занятий вместе. Учítывая, что я не очень хорошо его знаю, он может легко рассказать не тому человеку грязный маленький секрет о моей работе. Люди в университете любят сплетни. Что если об этом станет известно моим друзьям? Что если это станет известно Беку?

Почему я никогда не думала об этом раньше?

— Я должна идти, — я разворачиваюсь и бегу трусцой к своей машине.

— Подожди, — кричит он.

Я не останавливаюсь, запрыгивая на порванное сиденье, и резко срываюсь со стоянки. Беспокойство душит меня, когда я отъезжаю от клуба, желая никогда не возвращаться.

Найди способ исправить это, Виллоу. Ты хороша в решении проблем. Пришло время для того, чтобы выяснить это.

Глава 10

Виллоу

Вместо того, чтобы поехать домой, я еду к Луне и Винтер, чтобы собраться. Пока роюсь в гардеробе Винтер вместе с Луной в поисках платья, я размышляю о том, чтобы рассказать ей о своей работе, признаться во всем до того, как этот парень, Эверет, разболтает мой грязный секрет, и тот распространится, как лесной пожар.

Могу ли я сделать это? Поймет ли она?

— Все в порядке? — спрашивает Луна, протискиваясь через модные дизайнерские рубашки, платья и юбки Винтер. Ее каштановые волосы стянуты в беспорядочный пучок, на ней штаны для йоги и простая майка. Как и у меня, у нее не много одежды, поэтому мы обе ищем наряд на сегодня.

Я открываю рот, чтобы излить ей всю правду, но слова застревают в горле. Как я могу ей сказать? Луне, которая никогда не влезала в неприятности? Она милая и добрая и невинная, и думает, что я такая же.

— Да, я в порядке, — трушу я. — Я просто застряла в своих мыслях сегодня.

— Несколько шотов текилы и чертовски много танцев должны вылечить это, — ее парень, Грей, появляется в дверях, одетый в черную рубашку с длинными рукавами, которые закатаны, джинсы и кроссовки.

— Ты нарушаешь дресс — код. — дразнюсь я. — Где твое красивое, маленькое платье?

— Парни должны быть одеты в черную рубашку, — объясняет Грей, проверяя задницу Луны, когда она наклоняется, чтобы поднять с пола пару туфель на каблуках.

— Ну, это просто по — сексистски, — отвечаю я, цепляясь взглядом за короткое приталенное платье, висящее передо мной. — Может мне стоит надеть костюм в знак протеста?

— Ты могла бы, — Грей обхватывает своими руками дверной проем. — Но думаю, ты можешь разбить сердце бедного Бека, если так сделаешь.

— Сомневаюсь, что сердце Бека будет разбито, если я не надену платье, — говорю я, размышляя, доводить ли до конца мою угрозу насчет костюма.

Он закатывает глаза.

— Да правильно. Все, что ты делаешь разбивает его сердце, и тем не менее, он продолжает возвращаться. Серьезно, он — мазохист.

Это привлекает внимание Луны, и она говорит одними губами «Заткнись».

— Что происходит? — я смотрю туда и обратно на них двоих. — Что ты подразумеваешь под этим?

Грей опирается спиной на шкаф, выставляя вперед руки.

— Просто игнорируй меня. Я думаю, что это говорит текила, — затем уходит, будто парень, которому практически надрала задницу его подруга.

Я смотрю на Луну, уперев руки в бедра.

— Хорошо, выкладывай.

Она отводит от меня свой взгляд и фокусируется на юбке — карандаш длиной до колена.

— Она мило выглядит. Думаю, что выберу ее.

— Луна... — предупреждаю я.

Она со всех ног мчится из гардероба, и я преследую ее, когда она пробегает мимо кровати и направляется напрямиком в ванную.

— Ну же, просто скажи мне, что он имел в виду.

Она ныряет в ванную комнату и хлопает дверью.

— Он ничего не имел в виду. Думаю, что он просто пьян.

Я проверяю дверную ручку. Закрыто. Конечно же.

Я прислоняюсь лбом к двери.

— Я знаю, что он что — то имел в виду, или не поднял бы этот вопрос, а потом бы просто сбежал. И я знаю, что Грей и Бек — друзья, и они разговаривают... Беку больно... когда я прошу его об одолжениях? Он чувствует себя обязанным?

Щелкает замок, и я отодвигаюсь назад, когда открывается дверь. Луна появляется в дверном проёме, выражение ее лица замаскировано под скуку.

— Помощь тебе не причиняет ему боль, — говорит она. — А вот когда ты не позволяешь ему помогать, — вот это причиняет ему боль.

Я тру грудь. Мое сердце болит. *Я никогда не хотела обидеть Бека.*

— Это Бек тебе сказал об этом?

— Не мне, но он сказал что — то Грею, — она прислоняется к дверному проему, прикрываясь руками. — Отдавая ему должное, я думаю, что они оба были навеселе, когда был этот разговор, так что не уверена, что Бек на самом деле хотел рассказать ему некоторые вещи.

— Что еще он ему сказал?

— Не очень много. Только то, что иногда ему больно, когда он не может помочь тебе.

— Но он часто мне помогает. Вероятно, даже слишком часто.

Она колеблется.

— Я уверена, если кто — то помогает кому — то, то они любят их очень сильно.

Мое сердце хаотично стучит в сумасшедшем безумии.

— *Любит?*

Любит.

Любит.

Любит.

Так же, как и сказала Винтер.

— Как друг, — бормочет она. Затем фальшивый смех срывается с ее губ. — Знаешь что?

Пожалуйста, забудь все, что я только что сказала. Грей уговорил меня выпить стаканчик после обеда, и ты знаешь, какой я становлюсь, когда пью. Я говорю до того, как подумаю. Я определенно считаю, что пора протрезветь, — с этими словами, она несется обратно в ванную и закрывает дверь.

Я стою там, ошеломленная и неуверенная, что мне делать.

Неуверена. Неуверена. Неуверена. Когда моя жизнь стала настолько полной неопределенностей?

Мне нужно вернуться на правильный путь, придерживаться своего плана и исправить проблемы в своей жизни, начиная с Бека и моей дружбы. Я должна быть уверена, что мы находимся на одной и той же странице — на странице дружбы. На странице, на которой я, может, и не хочу быть, но должна.

Захочет ли он остаться на этой же странице, когда узнает правду обо мне?

Глава 11

Бек

Я не видел Виллоу с того раза, когда отбуксировал ее машину обратно к дому, и этот промежуток времени сводил меня с ума. Мы оба были так заняты, и у нас не было времени увидеть друг друга. Это изменится сегодня, потому что она согласилась прийти на мою вечеринку, и понадобилось на удивление очень мало уговоров. И, если я правильно разыграю свои карты, я смогу убедить ее переночевать сегодня у меня, и на некоторое время вытащу ее подальше из того дома.

Я несколько раз разговаривал с ней по телефону, и она упоминала о том, что ее мамы не было дома в эти дни. Я не знаю, что хуже: ее мать и сомнительные задницы — друзья, которые находятся в квартире, или она одна, находящаяся в этом ужасном месте.

Я пару раз спросил, приняла ли она решение съехать с квартиры, но она по — прежнему казалась довольно нерешительной. Сегодня вечером, моя миссия заключается в том, чтобы переубедить ее. Я все еще не знаю как, но разберусь с этим.

— Почему, черт возьми, ты мне не перезвонил? — ревуший голос моего отца пробивается через мои мысли о Виллоу.

Я отворачиваюсь от своего комода, когда он врывается в мою спальню.

— Кто разрешил тебе войти?

Буря вспыхивает в его глазах, когда он останавливается передо мной.

— *Разрешил* мне войти? Не забывай, кто заплатил за этот дом.

Мышцы моей челюсти сводит спазмом, когда я закрываю выдвижной ящик комода.

— Ты платишь около десяти процентов, а не все. И я думал, что он должен был стать моим подарком на выпускной, а не каким — то дополнительным обеспечением, которое ты можешь повесить над моей головой.

— Это был подарок, но мое имя все еще находится на документах вместе с твоим, — говорит он с мое — дерьмо — не — воняет ухмылкой. — Что означает, я могу забрать часть дома, если захочу.

Я мысленно закатываю глаза от образа, как он режет дом на куски и утаскивает часть.

— Извини, — удастся мне произнести. — Я просто в растерянности из — за того, что ты здесь. Я думал, ты в Вейле вместе с мамой.

— Мне пришлось остаться из — за работы, из — за того, о чем ты явно ничего не знаешь, — он ослабляет галстук на шее.

Я поднимаю часы с кожаным ремешком со своего комода и застегиваю их вокруг запястья.

— Так ты снова просто позволил маме уехать одной.

— Она не обязана была ехать, — огрызается он, вена на его шее пульсирует. — Но захотела.

Я не виню ее. Смысл ей оставаться здесь и променять горы, снег и лыжные склоны на пустой дом и сварливый характер моего отца?

Я проверяю время. *Дерьмо. Вечеринка начнется менее, чем через час. Он должен уйти.*

— Ты направляешься на работу или с работы?

— Я просто взял перерыв, чтобы поужинать, и подумал, что загляну и проверю тебя, так как ты мне так и не перезвонил, даже после того, как я оставил тебе бесчисленное количество сообщений, — он осуждающе смотрит на меня. — Я думал, может это из — за того, что ты был слишком занят в школе, но мне стоило бы догадаться, что это из вечеринки. Как и всегда.

Во — первых, я растерян из — за того, откуда он узнал о вечеринке. Затем я вспоминаю о еде и бутылках с алкоголем, оставленных на кухне.

— Это первая вечеринка за месяц, — я беру чистую рубашку с длинными рукавами из комода и накидываю ее на футболку. — И это по поводу Дня благодарения.

— День благодарения был вчера, — говорит он, словно доказывает свою точку зрения. — Тебе следует сделать что — то получше со своей жизнью, чем устраивать бессмысленные вечеринки.

— Я не только устраиваю вечеринки, — я стараюсь придерживаться нейтральной интонации, но в нее прокрадывается раздражение. — У меня есть работа, я хожу в школу, играю в футбол, — *ты бы знал это, если бы хоть что — то знал обо мне.*

— Работа? — он пренебрежительно смеется. — Давать деньги в заем и торговать вещами — это не работа, конечно если ты не планируешь работать в ломбарде до конца своей жизни.

Я не знаю, почему он не может быть счастлив из — за того, кем я являюсь. Конечно, я занимаюсь некоторыми вещами, с которыми он не согласен, как то, что устраиваю вечеринки, но я получаю приличные оценки, не делаю ничего слишком сумасшедшего, чтобы оказаться в тюрьме, и пока он не слишком много об этом думает, я занимаюсь собственным делом. Я помогаю людям, которые срочно нуждаются в наличных деньгах, позволяю им обменивать ценные вещи на деньги, а затем продаю их вещи онлайн, чтобы получить прибыль. Это превосходит работу в душном офисе с моим отцом.

— Может быть, я хочу работать в ломбарде, — говорю ему, хотя, на самом деле, не хочу. — Это достойная работа с доходом.

Его лицо краснеет.

— Тебе стоит прекратить бездельничать и сосредоточиться на своей карьере.

— *На своей карьере?* — категорично спрашиваю я. — Или на той, которую ты запланировал для меня?

— Юриспруденция — это хорошая карьера. Тебе повезло, что у тебя есть возможность работать со мной, — он медленно подходит ко мне — движение, которое он обычно делал, когда я был моложе, чтобы запугать меня. Сейчас я на пять дюймов выше него, поэтому эффект потерян. — Ты знаешь, как много интернов подает заявление для работы в моей фирме... бесплатно?

— Тогда, наверно, тебе следует нанять их и сэкономить деньги, чтобы не платить мне. Если я думал, что его лицо не может стать еще краснее, то был неправ.

— Посмотри, как ты со мной разговариваешь. Возможно, сейчас ты живешь самостоятельно, но не забывай, что мое имя также стоит на документах, — предупреждает он. — И если я захочу, то смогу продать этот дом.

Я впиваюсь ногтями в ладони.

— Я уверен, что это работает именно так, учитывая, что на документах стоят оба наших имени.

— Отведи меня в суд и узнаешь, — жуткая ухмылка расплывается на его лице. Он знает, что получит меня там, где хочет, чтобы я находился. — Сейчас я хочу, чтобы ты в понедельник заглянул в мой офис, таким образом, мы сможем поговорить о часах, на которые ты претендуешь и какие у тебя планы для поступления на юридический факультет.

Я открываю рот, чтобы сказать ему идти к черту, но его угрозы раздаются эхом в моей голове. Мой отец — один из самых высокооплачиваемых адвокатов в стране не просто так. Если он отведет меня в суд, то выиграет в мгновение ока, как он побеждает во всех своих делах.

Он самодовольно усмехается.

— Увидимся в понедельник. Повеселись на своей вечеринке. Она будет твоей последней, — кричит он через плечо, прежде чем уходит.

Я не двигаюсь, пока не слышу, как закрывается входная дверь. Тогда я отклеиваю свои ноги от пола и направляюсь вниз, чтобы выпить столь необходимый напиток.

Я опрокидываю стопку «Bacardi», когда раздается звонок в дверь. Вытирая свои губы тыльной стороной ладони, я иду в прихожую и распахиваю входную дверь.

И после этого я чувствую себя в двадцать раз лучше.

Грей и Луна стоят на моем крыльце, держась за руки. Хотя это не то, что успокаивает неугомонное покалывание внутри меня.

Виллс стоит прямо позади них, в кожаной куртке, громоздких красных сапогах, и приталенном черном платье, которое демонстрирует ее чертовски сексуальное тело. Ее каштановые волосы спадают на плечи, на ней нет ни капли косметики, и она жует свои блестящие губы, пока ее взгляд блуждает по мне.

Боже, она выглядит чертовски красиво. Мне просто хочется взять ее в свою комнату и удерживать ее там всегда... То, что я буду с ней делать... снова и снова и снова...

— Мы привезли подарок, — говорит Грей, и на глупую секунду, я думаю, что он говорит о Виллоу. Затем мне удается вытащить голову из своих похотливых мыслей, и я понимаю, что он держит бутылку виски.

— Спасибо, мужик, — я беру бутылку, делаю шаг назад и показываю жестом проходить внутрь.

Когда проходит Луна, она стреляет в меня взволнованным взглядом, прежде чем Грей хватается ее за руку и тащит в сторону кухни.

Какого черта это было?

Вытесняя беспокойство из своей головы, я поворачиваюсь к Виллоу, мои губы дергаются в ухмылке.

— Привет, принцесса. Давно не виделись.

Она улыбается без особых усилий, заставляя меня врасплох.

— Я знаю. Нам нужно прекратить это делать.

— Делать что? — спрашиваю я, растерянный ее радостью. Я имею в виду, не поймите меня неправильно. Я рад, что она выглядит счастливой, а не нервной, но мне интересно, почему.

Может быть, она решила выехать из дома.

Эта мысль заставляет мою улыбку вернуться.

— У тебя, кажется, хорошее настроение, — говорю я, когда она проходит мимо меня в прихожую.

— На самом деле, нет, — она пытается снять с себя куртку и швыряет ее на вешалку, но промахивается примерно на десять футов. — Или его не было примерно час назад.

— Что произошло час назад? — как только слова покидают мой рот, свет от люстры над нами проливается на ее лицо, выделяя ее остекленевшие глаза. — Ты пьяна.

Она держит свой указательный и большой палец в дюйме друг от друга.

— Может быть, чуть — чуть.

Виллоу пьет не много и определенно не заранее, так почему она начала сегодня вечером?

— Все в порядке? — я наклоняю голову ближе к ней и понижаю свой голос. — Ты обычно не пьешь.

— Я знаю. Но у меня был ужасный вечер, и практически была паническая атака, так что, когда Грей принес эту бутылку виски, я... — она лениво поднимает и опускает плечи. — Я думаю, что я — пьяница. Но я не так удивлена этим. В смысле, что уже натворила кучу плохих вещей, во всяком случае, так же, как и моя мать, так что может значить еще одна?

— Во — первых, ты ничем не похожа на свою мать, — говорю я, желая, чтобы она прекратила говорить подобное. — И во — вторых, почему у тебя была паническая атака?

Она приподнимает плечо, ее взгляд выворачивает душу.

— Из — за многих вещей... Я не могу рассказать о них, или же ты будешь разочарован во мне.

— Принцесса, — я убираю волосы с ее глаз. — Я никогда не смогу разочароваться в тебе. Никто бы не смог.

— Ты сейчас так говоришь, но только потому, что не знаешь всего.

— Тогда расскажи мне все.

Она неуклюже качает головой, выпячивая свою губу.

— Я не могу.

Я оставляю свою руку лежать на ее щеке.

— Но я думал, что мы рассказываем друг другу все.

— Не все, — она прижимается к моему прикосновению, ее ресницы трепещут.

Боже, убей меня сейчас, и я умру счастливым человеком.

— И я знаю, что тебя это тоже касается, — шепчет она. — Я знаю, что ты говорил с Греем о вещах, которые не рассказывал мне.

Мое внимание мечется на кухню, и я хмурюсь на Грея.

— *Что ты ей сказал?* — произношу беззвучно, уже зная ответ.

Где — то месяц назад, когда мы с Греем не были близки, мы отрывались вместе, и я решил разболтать о своих проблемах с Виллоу, прожужжав этим ему все уши.

Грей замирает на середине наливания напитка.

— Прости. Я был пьян, — затем он хватает Луну за руку и вылетает через заднюю дверь, расплескивая свой напиток по пути.

Фыркнув, я возвращаю свое внимание к Виллоу.

— Что он тебе рассказал?

Она косит глазами, раздумывая.

— Я, правда, не помню...может, что — то касательно разбивания твоего сердца? — смятение в ее глазах дает мне надежду, что она не будет ничего из этого помнить утром.

Я начинаю расслабляться, когда она резко обвивает меня своими руками и прижимается ко мне своей грудью.

— Мы можем сделать что —нибудь сегодня вечером? — спрашивает она, глядя на меня сквозь свои ресницы.

— Мы можем сделать все, что ты захочешь. — *Особенно, когда ты так смотришь на меня.* — Просто назови это, и оно твое.

Она довольно улыбается.

— Я хочу расслабиться и повеселиться с тобой.

— Тебе повезло, потому что так случилось, что расслабление и веселье — моя специальность.

Улыбаясь, она целует меня в щеку.

— Спасибо, Бек. Ты — лучший. А если тебе хоть что —нибудь понадобится, я буду тоже здесь для тебя.

Я закрываю глаза и делаю успокойся — твою — мать вздох. В последний раз, когда она была так нежна со мной, я попытался ее поцеловать. Я не могу снова это сделать. Я не могу потерять контроль. Мне нужно, оставаться трезвым и держать свои руки при себе, пока я не могу добраться до того, что ее беспокоит.

Ну, именно в этом я пытаюсь убедить себя.

Когда она сплетает наши пальцы и тянет меня на кухню, чтобы выпить, я с легкостью следую за ней, задаваясь вопросом — возможно, я потерял контроль очень давно?

Глава 12

Виллоу

Раньше я верила, что у меня аллергия на вечеринки. Каждый раз, когда я туда шла, мое тело реагировало физически. Мои мышцы подтягивались, желудок сводило, а кровяное давление подскакивало, словно миллион раз натягивало тетиву.

Окей, возможно я, на самом деле, не верила, что у меня была аллергия. Шумные толпы, громкие звуки и пьяные глупости просто делали меня напряженной. Хотя, сегодня вечером, я превратилась в лицемерку. Сегодня вечером я на вечеринке у Бека и достаточно выпила, чтобы громкая музыка не была ужасной, пьяные глупости скорее смешные, чем раздражающие, а толпа... Ну, все люди ютятся в просторной гостиной и вроде как подавляют, но не достаточно, чтобы мне захотелось уйти.

Я виню в расслабленном состоянии своего мозга виски, который выпила перед тем, как

уехала от Луны. Я не планировала пить, но раз тяжесть жизни начала раскалывать мою грудь на части, я решила, что мне нужно успокоиться. Поэтому я выпила два напитка, или три, или четыре, или десять, а потом направилась в свое самое любимое место в мире — к Беку.

Бек прилип ко мне на всю ночь, добавив в мое расслабленное состояние эйфории.

Бек и виски в равной степени способствовали забыть о дерьмовых решениях.

Бек и Бек — такая же счастливая пьяная Виллоу.

Бек. И Бек. И Бек. Он скользит в мои мысли, словно любимая песня, застывшая на повторе.

Дерьмо, я так пьяна.

Время от времени к моей пьяной глупости подкрадывается беспокойство, предупреждая меня, что я играю с огнем и скоро могу сгореть. Прямо сейчас, вероятно, это звучит более привлекательно, чем должно.

— Расслабься, принцесса, — Бек вдыхает мне в ухо, пока басы песни пульсируют в моей груди. Он двигается прямо позади меня, прислоняя свою грудь к моей спине, держа пальцы на моих бедрах. — Танцы должны быть веселыми, — улыбается мне из — за моего плеча, его бедра прижимаются к моей заднице.

Трезвая, я могла бы сильно запаниковать из — за интимных движений. Пьяная...? Ну, это чувствуется вроде как приятно.

Хорошо, очень, *очень* приятно.

— Я веселюсь, — объявляю я, что частично является правдой. Я не имею в виду, что дерьмово провожу время или что — то в этом роде. Просто, все время слишком много людей вмещиваются в мои дела, у меня присутствуют обратные вспышки воспоминаний, словно я на работе или в квартире во время одной из вечеринок своей матери.

— Нет, это не так. Ты вся нервная, — он обхватывает своими ладонями мои бедра, и я резко падаю на его грудь, откидывая голову назад.

— Перестань так много беспокоиться о том, что делают все остальные, и танцуй со мной, — он притягивает меня еще ближе, если это возможно, и проскальзывает рукой вокруг моей талии, расставляя свои пальцы на моем животе.

Трезвость пытается протолкнуться через мой онемевший мозг, и мой голос разума пытается грандиозно появиться. Мы слишком близко. Очень — очень, я — могу—все—чувствовать близко. *Бек меня трогает. Бек трется о мою задницу. Бек слишком наслаждается этой вещью с танцами. Я слишком наслаждаюсь этим грязным танцем. Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда мы оба слишком наслаждались танцами.*

Мне, вероятно, следует остановить это, правильно? Внезапно голос моего разума тоже звучит пьяно.

Я украдкой смотрю на Ари, Луну, и Грея, чтобы увидеть, что они думают об этом грязном танце, происходящем между нами с Бекком.

Ари слишком отвлечен, совершением внезапных диско — движений, а Луна слишком занята, внимательно смотря с вожделением в глаза своего бойфренда. Если бы Винтер была здесь, она бы точно заметила, что сейчас происходит в — одном — шаге — от — порно — шоу танец. Винтер ничего не пропускает.

Даже при том, что, похоже, только мы с Бекком осведомлены о том, как много касаемся друг с друга, я все еще чувствую себя так, словно тайно делаю что — то гадкое. Если бы я была трезвой, то свалила бы прямо сейчас. Но я не трезвая. Я пьяная, одурманенная и смущенная тем, что хочу, и тем, что не хочу. Кем *Я* являюсь, а кем — нет. Чему я

принадлежу, а чему — нет.

Еще пару месяцев назад, я была планирующей — все, играющей — строго — по — правилам девушкой, даже если мои решения не всегда были лучшими. Поэтому этот безрассудный танец со смущающим фактором — чуждая, дикая, сумасшедшая, неподконтрольная территория.

Чего, черт возьми, я хочу? Прекратить танцевать с Беком? Чтобы он прекратил трогать меня?

Я несколько раз качаю головой, чтобы прояснить туман в сознании. Все это заставляет возвращаться комнату.

— Прекращай много думать, — игриво ругает Бек, мягко уцепив мое бедро. Когда я замираю, он вздыхает. — Ты сказала, что хочешь повеселиться сегодня вечером, *помнишь?*

Я машу своей головой вверх и вниз.

— Ну, для того, чтобы повеселиться, ты должна расслабиться. Поверьте мне, я знаю. Я само веселье, — он массирует мои бедра кончиками своих пальцев. — Ты слишком напряжена. Тебе нужно дать себе послабление. И не только сегодня, а каждый проклятый день. Я думаю, что собираюсь сделать это своей целью... каждый день заставлять тебя расслабляться.

Я хихикаю, потому что он — пьян, болтает, и это смешно.

— О, правда?

— Да, — он приставляет свои губы к моему уху, задевая зубами мочку. — Ты, должно быть, действительно пьяна, учитывая, что не споришь со мной.

Я дрожу самым наилучшим когда — либо возможным образом.

— Я, наверно, должна... Ты слишком хорош для меня.

— Не правда. Я недостаточно хорош. Никогда не буду, пока не найду способ, чтобы ты жила жизнью свободной от стрессов.

— Я не знаю, возможно ли это... Я всегда напряжена. Жизнь — напряженная. Если бы она не была напряженной, тогда, возможно, я смогла бы расслабиться. Не думаю, что когда — либо смогу сделать это, — бормочу я, откидываясь назад, чтобы пробежать своими пальцами по его волосам. Я даже не знаю, почему это делаю, разве что полностью потеряла контроль над своей навязчивой потребностью обуздать чувства.

Моя ладонь и пальцы обладают своим собственным разумом, нуждаются в том, чтобы почувствовать насколько мягкие у него волосы, и об этом я думала раз или два на протяжении многих лет, если быть абсолютно честной с самой собой.

— Я была такой с того дня, как ты меня встретил, так что тебе не стоит быть таким удивленным.

Он тихо хихикает в мое ухо.

— Это совсем не так.

— Так.

— Не так.

— Так.

— Тсс... — горячо шепчет он напротив моего уха. — Меньше споров, больше сексуальных танцев.

Я снова хихикаю, наверное, в сотый раз. Затем мы начинаем двигаться под ритм, мягкий, страстный ритм. Медленно, я расслабляюсь, без особых усилий соответствуя его ритму. Когда песня ускоряется, мы тремся быстрее, наши тела движутся синхронно. Его руки

изучающе движутся вверх и вниз по моим бокам, вокруг изгибов моих бедер, вдоль моей руки, над моей грудью. Мурашки появляются на моей плоти с каждым трением его пальцев.

Я неудачно пытаюсь сопротивляться еще одному вздрагиванию. Честно говоря, мне все равно.

Чем больше проходит времени, тем больше людей втискивается в гостиную, чтобы тереться друг о друга. В определенный момент, Луна, Грей, и Ари затерялись. Я едва ли это замечаю, потерявшись в танцах, расслаблении, и *забытии*.

По мере того, как музыка становится более оживленной, энергичной песней, Бек обхватывает своими пальцами мои запястья, затем перемещает мои руки над головой, заставляя меня делать эту дурацкую вещь с хлопками. Я фыркаю, как свинья, и он посмеивается перед тем, как запечатлеть поцелуй на моем виске.

Мои ноги дрожат, и я практически падаю на землю, но он ловит меня своими руками и прижимает ближе. Я улыбаюсь, чувствуя себя такой довольной. После дерьмовой ночи на работе, я не думала, что смогу достичь хорошего настроения. Но, похоже, Бек всегда знает, как превратить меня из переутомленной, истощенной Виллоу в глупую, хихикающую девушку.

— Видишь? Весело, а? — спрашивает он, все еще удерживая мои руки над головой.

Я дрожу, словно мне холодно, хотя моя кожа влажная от пота, а его пальцы напряжены вокруг моего запястья.

— Ты в порядке? — спрашивает он, будто испытывая боль.

Я киваю головой, но мое тело предает меня, еще раз вздрагивая.

Иисус, возьми себя в руки. Он просто шептал тебе на ухо. В этом нет ничего сексуального. Я практически смеюсь над своей мыслью. *Да, будто я смогу когда — нибудь распознать сексуальный момент, даже если он подойдет ко мне и будет тереться о мою задницу.*

Прямо, как Бек.

— Что смешного? — спрашивает Бек, когда еще одно хихиканье соскальзывает с моих губ.

— Ничего, — закрываю глаза, когда музыка и тепло впитываются в меня. — Ты был прав... Это очень весело. Я чувствую себя так расслабленно, что возможно могла бы заснуть.

— Ну, не делай этого. Я хочу провести с тобой больше времени. Мне кажется, что я неделями не видел тебя.

— Ты ведь видел меня пару дней назад. Мне бы хотелось, чтобы мы могли больше тусоваться, но из — за работы, школы и моей мамы... — я замолкаю, при упоминании моей мамы настроение начинает ухудшаться.

— Ты что — нибудь от нее слышала? — напряженно спрашивает он.

Я качаю головой.

— Нет. Последнее, что я слышала: она отправилась в Вегас, чтобы оторваться.

— Ты действительно думаешь, что она это сделала?

— Да. И я нервничаю, ведь, когда она вернется из Вегаса, то будет пытаться разрешить своему новому бойфренду переехать... если он так долго будет слоняться поблизости.

Его грудь раздувается от глубокого дыхания.

— Я хочу, чтобы ты в эту ночь осталась со мной и передохнула от того дома.

Я не знаю, что сказать. Я бы медлила ночь назад, но прямо сейчас, я правда, правда хочу. Что произойдет, если я снова попытаюсь сделать с ним грязные вещи, пока буду спать?

Или что хуже, если спать не буду?

Он остается тихим в хоре голосов.

— Ты еще думала о переезде к Винтер?

— Я немного думала об этом, — признаюсь. — Я действительно хочу поговорить с Винтер, прежде чем принять какое — либо решение. Я уверена, что она не будет возражать, если я перееду... но мне нужно выяснить, какая арендная плата, и могу ли я ее себе позволить, — и мне нужно найти новую работу, и выяснить, какой должна быть моя зарплата.

— Ты всегда просто можешь переехать ко мне, — он нежно целует меня в шею, в результате чего мои глаза закатываются, а спина выгибается. Он испускает очень слабый стон. — Позволь мне позаботиться о тебе.

Я открываю рот, чтобы возразить, напомнить ему, что мы слишком близки к тому, чтобы нарушить правило, но в итоге я зеваю.

Подожди. О чем мы говорим?

— Я устала. Думаю, что готова ко сну.

— Не засыпай пока, — он снова трется своими губами по моей шее, прямо по бьющемуся пульсу. — Я хочу провести с тобой чуть — чуть времени и немного поговорить.

Обычно я бы спорила, но он кажется таким отчаявшимся.

— Я постараюсь бодрствовать чуть дольше, и позависать некоторое время. Хотя мне может понадобиться немного кофе.

Он опускает мои руки к бокам, возвращая свои ладони к моей талии.

— Что если мы сделаем перерыв и выйдем на улицу? Подышать чуть — чуть свежим воздухом? Посмотрим на звезды? Я думаю, что сегодня вечером должно быть затмение.

Я киваю, еще раз зевая. Свежий воздух. Снаружи. Вдали от людей. Звучит здорово.

— Давай это сделаем.

Толпа людей расступается, когда Бек сплетает свои пальцы с моими, и покидает вечеринку, уводя меня за собой. Я готова выйти на улицу, но когда мы достигаем большой, недавно перестроенной кухни, двое парней и девушка останавливаются, чтобы пообщаться с Бекком, жалуясь на школу, на то, что происходит в местных клубах, и рассказать о последней сплетне, которая обсуждается на восточной стороне Риджфилда, так же известной, как шикарная, тусовочная сторона города. Бек продолжает одаривать меня косыми взглядами и закатывает глаза, и мне приходится прикусывать губу, чтобы не рассмеяться.

Чем дольше мы там стоим, тем ближе ко мне подкрадывается трезвость, и тем больше я вспоминаю, кто я и откуда родом.

— Я слышал, что ты подумывал обменять свою машину на Бентли, — говорит Беку чувак с вьющимися, светлыми волосами и толстой шеей.

— Первый раз слышу, — Бек делает глоток своего напитка. — На самом деле, Бентли не в моем стиле. Мне нравятся вещи, не так сильно бросающиеся в глаза.

Брови толстошеего хмурятся, а блондинка, которая стоит рядом с ним, со слишком большим количеством теней на веках и в слишком маленьком платье, закатывает глаза.

— О, Беккет, ты живешь, отрицая очевидное, — она кусает свои губы, наматывая на палец прядь волос. — Ты богатый, избалованный ребенок так же, как и все мы, кому нравятся дорогие, кричащие вещи. Ты можешь с таким же успехом просто владеть ими.

Я морщу свой нос при использовании его полного имени. Бек ненавидит, когда люди обращаются к нему, используя имя «Беккет», потому что именно так называет его отец. Эти

люди не относятся к нашей группе друзей. Они — его друзья, и странно стоять здесь, наблюдая за разницей. В смысле, я знала, что у Бека есть другие друзья за пределами нашей группы, но не представляла себе их, как богатых снобов.

Я не живу, отрицая очевидное, — настаивает Бек. — Я просто обращал внимание на то, что мне не нужны дорогие, кричащие вещи. Это все. Так что расслабьтесь.

— Ты имеешь в виду, как твоя машина. Или твой дом, — блондинка окидывает вкрадчивым взглядом просторную кухню с высоким сводчатым потолком. — Даже девушки, с которыми ты встречаешься — высокого класса. Ее внимательный взгляд скользит ко мне. — Ну, обычно.

— И на этой ноте, — я поворачиваюсь к задней двери и выхожу, позволяя исчезнуть их голосам, когда делаю еще один глоток своего Джека с колой.

Мне бы следовало знать лучше и уйти с самого начала. Я знаю, какими могут быть богатые люди. Клуб, в котором я работаю, переполнен богатыми людьми, которые любят кричащие вещи и хвастаться тем, что богаты, и заставлять других чувствовать себя неуютно, если это не так. Тот факт, что я там работаю, то, что я делаю... то, что Вэн хочет, чтобы я делала... может просто оправдать взгляд той девушки.

Я думаю о том, где была сегодня вечером, во что была одета, что делала. О том, что, смотрясь в зеркало, я вижу свою мать в отражении.

Блондинка права. Я определенно не высокого класса.

Я на самом дне. На самом — самом дне.

Глава 13

Виллоу

Не знаю, как долго я стою на улице, дожидаясь Бека. Это могут быть секунды, минуты, часы — я слишком пьяна, чтобы иметь представление о времени. Я знаю, что проходит достаточно времени, чтобы я прикончила свой напиток и вернулась к пьяному и комфортному онемению.

Легкий ветерок сдувает пряди моих длинных каштановых волос мне в лицо, когда я случайно натыкаюсь на перила на заднем крыльце и глазею на поле сразу за задним двором Бека. Я не уверена, что делать, стоит ли мне вернуться внутрь или пойти к машине и исчезнуть на несколько часов, пока не протрезвею. Я могла бы найти комнату, чтобы исчезнуть там, но сомневаюсь, что можно найти пустую комнату, учитывая, сколько здесь людей.

Может, мне просто стоит лечь на крыльцо и уснуть. Это кажется хорошей...

Задняя дверь открывается со скрипом.

— Эй, извини за Титзи, — говорит Бек. Нервирует то, какой успокаивающий эффект оказывает на меня его голос. — Она иногда может быть сухой. Не волнуйся; я напомнил ей об этом

— Ее зовут Титзи? — я смотрю на него, пока он подходит ко мне.

Он прикусывает свою нижнюю губу, сдерживая улыбку.

— Что не так с Титзи?

— Я не знаю. Это звучит просто ужасно похоже на «легкомысленная»... — я кладу свои руки на перила. — И сиськи, — у меня такое чувство, что я должна быть смущена этими словами, но не могу собраться с силами, чтобы меня это достаточно взволновало.

[примечание: имя девушки Titzi, легкомысленный — ditzu, ну а сиськи — tits]

Спасибо, господин Джек Дэниэлс, что спасаешь меня от смущения.

Бек раздражается смехом.

— О, Боже мой, неужели моя сладкая, маленькая Виллоу только что сказала «сиськи»? — он оборачивается, упираясь локтями в перила, и косится на меня. — Сколько ты уже выпила?

— Не слишком много, — лгу я. — И раньше я говорила слово «сиськи».

Он подавляет смех.

— Нет, ты этого не делала. Ты никогда не говоришь грязные слова, только на своём уроке анатомии или на чем — то подобном, что относится к науке.

— Я говорю, «блять» что не является научным, — обиженно замечаю я. Почему все думают, что я такая ханжа? Почему мне вдруг не все равно? *Потому что ты пьянаааая.* — И слово «член».

— Это не то же самое.

— Как ты различаешь?

— Из — за того, как ты используешь эти слова.

Озадаченный сигнал отплясывает в моем опьянённом алкоголем разуме.

— На самом деле, я понимаю, о чем ты говоришь. Я не такая невинная, какой ты пытаешься меня сделать, — *даже и близко не такая.*

— Это не то, что я пытаюсь сказать, — он жуёт свою нижнюю губу, и все мое внимание сосредотачивается на его рте. — Когда ты используешь такие слова типа «хер», «трахаться» и «член», ты это делаешь потому, что разозлилась, правильно?

Я киваю, отрывая свой взгляд от его рта.

— Это нормально. Многие люди так делают.

— Да, но другие люди также используют эти слова по — разному, кроме выражения гнева, — свет на крыльце падет на его лицо, выделяя насмешливый блеск в его глазах. — Как, например, говоря: *«Эй, давай трахаться всю ночь в моей комнате. У нас будет горячий, потный секс, когда я засуну свой член в твою...»*

— О, Боже мой, я поняла твою точку зрения! — я вскидываю свою ладонь к его рту, мои щеки вспыхивают от жара.

Его дыхание растекается по моей ладони, когда он хихикает, а я сужаю глаза, несмотря на то, что мой желудок делает сальто.

— Может, мне стоит у тебя спросить, сколько ты выпил сегодня вечером.

— Может быть, слишком много, — признает он, его губы щекочут мою ладонь. — Все, что я пытаюсь сказать, что существует разница между использованием грязных слов для обзывания и чтобы завести кого — то.

— Ты не завел меня, — я ерзаю оттого, как сворачивается мой желудок.

Он вскидывает бровь.

— Ты в этом уверена?

— Д — да, — убираю свою руку от его рта. — Наверное, тебе стоит перестать говорить.

Он выгибает бровь.

— Почему?

— Потому что ты говоришь такое...и я... — переносу свой вес. — Просто ты говоришь такое из — за того, что мы пьяны.

— Откуда ты знаешь, что я пьян? Может быть, я просто наконец — то говорю то, что

всегда хотел сказать, — когда я внимательно смотрю на него, он вздыхает. — Возможно, я выпил слишком много.

Я поднимаю вверх четыре пальца, я так думаю.

— Быстро, сколько пальцев я показываю?

Он косит глазами, наклоняясь.

— Семь, десять, двадцать девять, — его лоб врезается в мой, и мы оба хихикаем, когда он отклоняется назад. — Расслабься, принцесса, я *не настолько* пьян. Я просто люблю смотреть, как ты краснеешь. Это восхитительно, — он скользит костяшками по моей скуле, заставляя меня краснеть и дрожать. Затем вонзает зубы в свою нижнюю губу, полностью осведомленный тем, как на меня влияет.

— Мне не следовало надевать платье, — объявляю я, обхватываю себя руками, пытаюсь уменьшить дрожь.

— Я был немного удивлен, что ты это сделала. Я думаю, что видел тебя в платье только, может быть, раза три.

— Я сделала это только потому, что ты сказал, что я должна.

— Я рад, что ты это сделала... Также, я надеялся, что ты наденешь те шорты, в которых была в ту ночь, — его взгляд падает на мои ноги. — Боже, твои ноги такие чертовски сексуальные.

Покалывание щекочет мою кожу, и я бесконтрольно дрожу. В последний раз, когда я так себя вела, мы закончили поцелуем.

Я нервно поглядываю на заднюю дверь, чувствуя себя, словно должна нестись к машине. Через дверное окно я вижу Титзи, смеющуюся над чем — то с толстошеим чуваком. Я вспоминаю, что она сказала обо мне и хмурюсь.

— Я не знаю, почему ты говоришь мне это, — бормочу я. — Я знаю, что не твой тип.

— Эй, — он поворачивает меня за плечи, заставляя посмотреть на него. — Ты в десять раз красивее, чем Титзи. Ты в десять раз красивее, чем каждая девушка в моем доме. В Риджфилде. В Америке. В мире. Во всей Вселенной и за ее пределами.

«Красивее» — не совсем то, что я имею в виду, но я выдавливаю крошечную улыбку.

— Ты зашел слишком далеко с «и за ее пределами». Вплоть до этого, все было про меня.

Он хмурится, выглядя немного грустным и очень не похожим на Бека. Обычно он всегда улыбается, пока его отец не ведет себя, как член.

— Ты в порядке? Ты, похоже, внезапно загрустил.

— Я в порядке. Это просто то... — он неожиданно сплетает свои пальцы с моими и тянет меня вниз по крыльцу и через задний двор. — Ну же. Я обещал тебе веселую ночь, а порчу ее своей депрессией.

Я хочу его спросить, почему он вдруг ушел от радуги и солнца к угнетающим дождливым облакам, но отвлекаюсь, когда он отпускает мою руку и перескакивает через забор.

— Куда мы опять идем? — спрашиваю я, когда перелезаю через забор, и приземляюсь на поле рядом с ним.

Он бросает взгляд вверх на сверкающие звезды и луну. Затем подцепляет мою руку, и мы удаляемся по полю.

— Я еще не уверен. Куда — никуда в тихое место... где мы сможем поговорить и понаблюдать за затмением без вмешательства.

Я оглядываюсь назад на его двухэтажный дом. Огни похожи на светлячков, сверкающих

в темноте, а музыка — не что иное, как журчание. Покой. Я чувствую себя такой спокойной прямо сейчас, что — то, чего я не ожидала, что произойдет сегодня вечером. Может быть, когда — нибудь.

— Что насчет Ари, Луны и Грея? — я возвращаю свое внимание к Беку. — Может быть, нам стоит написать им, чтобы узнать, захотят ли они прийти сюда. Ари интересуется астрономией. Возможно, захочет увидеть это.

— Ари уже знает о затмении, — отвечает он, глядя на небо. — Именно он сказал мне об этом.

— Окей, — смотрю на небо, улыбаясь, когда звезды танцуют по кругу. Потом я смотрю на Бека и вспоминаю, что случилось в прошлый раз, когда мы бродили наедине на вечеринке. — Тем не менее, может нам стоит ему написать, чтобы узнать, хочет ли он прийти сюда. Вид — удивительный. Ему бы понравился.

— Это выглядит так же везде, — он бросает взгляд через плечо на меня. — Я хочу некоторое время потусоваться только с тобой, хорошо?

Нервы бьют ключом внутри меня, когда я думаю о последнем разе, когда мы с Беком так тусовались. Его губы касались моих, легкое касание, которое сделало меня абсолютно, блаженно счастливой и вселило совершенный ужас. На следующий день после этого, я решила ограничить наше совместное время, чтобы прекратить так сильно полагаться на него, чтобы это не привело к моему разбитому сердцу.

И вот мы снова тут. Наедине. Вместе.

Все всегда возвращается к нему. Почему это происходит?

Несмотря на мое опасение, я позволяю ему вести себя через поросшее травой поле, точка нашего назначения не известна. Зная Бека, мы могли бы оказаться где угодно. В Вегасе. В Мексике. Быть заблокированными в закрытом театре в течение всей ночи, что да, действительно один раз произошло, и было так весело, как и кажется.

— Где твоя голова, Виллс? — спрашивает Бек, усиливая свою хватку на моей руке.

— Я просто думала о разных вещах, — о тебе. О нас.

— О каких вещах? — он идет глубже в поле, а я без раздумий следую за ним. — Ты же не беспокоишься о деньгах, школе и всяком дерьме, да? Я тебе уже сказал, что сегодня вечером тебе не позволено этого делать, — он поворачивается, идя задом наперед, и указывает на небо. — Это беззаботная ночь. Никакого стресса не допускается. На самом деле, тебе позволено только ценить все, что является мирным и прекрасным.

— Я пытаюсь, но иногда трудно не беспокоиться, — о тебе. О нас.

Он смотрит на меня, покачиваясь из стороны в сторону.

Я стараюсь не смеяться. *Он такой пьяный.*

Через несколько секунд, я спотыкаюсь о камень и чуть не падаю на свое лицо.

Окей, может быть, я тоже пьяна.

Он хихикает над моей неуклюжестью, и очень непривлекательное фырканье вырывается из моих губ, что только заставляет его хихикать, как гиену.

— Видишь? Веселье, правда? — спрашивает он после того, как его смех стихает.

Я киваю, хватая его за руку.

— Ага. Но, наверное, только потому, что ты здесь.

Он улыбается, останавливаясь в поле. Движение такое неожиданное, что я врезаюсь в него, что приводит нас обоих к еще одному приступу хихиканья.

После того, как мы перестаём вести себя, как легкомысленные подростки, воздух

успокаивается, и над нами воцаряется спокойствие.

Бек поднимает свою голову вверх под углом, чтобы смотреть на звезды, притягивая меня ближе к своему боку и вешая свою руку на мои плечи.

— Как ты можешь о чем — то беспокоиться, когда перед тобой такой вид? — он во второй раз за сегодняшний вечер целует мою голову, и меня окутывает спокойствие, но у моего сердца контракт с ужасной суматохой. — Словно кто — то нарисовал это только для нас. Это не было бы так здорово? Если бы на самом деле кто — то разрисовал все небо... Что если именно поэтому существует небо? Что если в один прекрасный день кто — то просто решил покрасить его, а мы просто живем на холсте?

Я фыркаю от смеха.

— Чувак, ты под кайфом? Прямо сейчас ты кажешься под таким кайфом.

Он придвигает меня еще ближе, пока не сталкиваются бока наших тел.

— Неа. Я просто болтаю. И правда, по — настоящему счастлив.

Счастье в его голосе вызывает улыбку на моем лице.

— Ну, я не хочу разрушать твою мечту о жизни на холсте, но существует тонна доказательств того, что полностью сводит твою теорию на нет.

Он наклоняет свой рот к моему уху.

— Ой, да ладно; где твоя мечтательная сторона?

Я дрожу от ощущения его дыхания и мысленно проклиная себя. В чем дело сегодня? Я сделала это, вроде бы, пять миллионов раз!

— Я не думаю, что у меня есть мечтательная сторона, — признаюсь я. — Я всегда относилась к более реалистичным девушкам.

— Не правда. Внутри тебя есть мечтатель. Я знаю, что это так.

— Нет, не думаю, что на самом деле у меня она есть...

Он поворачивается, ведя меня за собой, и обнимает за талию.

— Да, есть. И я собираюсь тебе это доказать, — затем он начинает нас раскачивать вокруг, танцуя под музыку, которую может слышать только он.

Я понятия не имею, что он делает, но, тем не менее, танцую с ним, потому что я расслаблена и спокойна, и отчаянно нуждаюсь в том, чтобы захватить эти чувства.

— Ты слышишь это? — шепчет мне на ухо.

Еще одна дрожь. Еще один смущенный скачок моего сердца.

— Я не знаю...

— Тебе холодно? — спрашивает он, его дыхание окутывает мою кожу.

В этот раз у меня получается не дрожать, но кожа зудит, и на ней появляются мурашки.

— Мне не холодно... Я просто... — смущена. Потеряна. Сама не своя. Прочищая свое горло, я обвиваю свои руки вокруг его шеи и меняю тему разговора на другую. — Итак, что я должна слышать? Все, что я слышу — это сверчки, — *и как бьется мое сердце, словно безумное.*

Его руки находят мою поясницу, и он придвигает меня ближе к себе.

— Музыка, глупышка.

— Ты слышишь ее на таком расстоянии от дома?

— Нет, не ту музыку. Нашу музыку.

— Нашу музыку? — эээ?

Вместо ответа, он начинает мурчать. И как только это происходит, что — то щелкает.

Наша музыка. Наша песня. Первая песня, под которую мы когда — то танцевали в

седьмом классе. Мы были на танцах, и у Бека, который был популярным, общительным, у него была очередь из девочек, ожидающих танца с ним. А я, будучи застенчивой, неловкой девушкой, которой все еще и являюсь, провела большую часть вечера, болтаясь возле чаши с пуншем, наблюдая, как мои друзья весело проводили время, пока Бек не взял дело в свои руки.

— Хорошо, хватит этого, — он выхватил стаканчик пунша из моей руки и бросил ее в мусор.

— Эй, я это пила, — глупо заспорила я. Пунш был фиговым.

— Хватит стоять тут и скучать, Виллс, — он схватил меня за руку и повел в центр танцпола.

— На самом деле, я не очень хорошо танцую, — второй рукой я возилась со своим платьем, стараясь не сойти с ума, когда он потащил меня в толпу.

Едва ли кто — то обращал на нас внимание, разве что некоторые из них, и этого было достаточно, чтобы заставить меня чувствовать себя некомфортно и обеспокоенно. Я танцевала лишь за закрытыми дверями. Должно быть, я была похожа на дуру.

— Конечно же, ты хорошо танцуешь, — он положил свою руку на мою спину и подвел к себе, пока кончики его ботинок не столкнулись с моими. Затем он начал двигаться, попевая за быстрым темпом поп — песни. — Все умеют танцевать, даже если они не знают об этом.

— Попробуй сказать это тому парню, — я кивнула в сторону парня из нашей школы, который взмахивал руками, как обезумевшая курица.

Бек изучал чувака, танцующего, как курица, наклонив голову.

— Я думаю, что он очень клевый.

— Это потому, что ты смог бы справиться с этими танцевальными движениями, — сказала я. — Но я бы выглядела уродом, если бы пыталась сделать что — то подобное.

— Ты никогда не будешь похожа на уродца, — настаивал он, вернув свое внимание ко мне. Музыка стала более мягкой, и мы замедлились, чтобы соответствовать ей. — Я хочу, чтобы ты не была к себе так строга все время.

— Я не строга к себе все время, — или да?

— Извини, но это так, и это заставляет меня грустить, — он выпятил свою губу. — Видишь? Такой, такой грустный.

Я хихикнула, и он гордо улыбнулся.

— Вот так, — сказал он. — Разве тебе сейчас не лучше после того, как ты улыбнулась?

Я кивнула и медленно подошла ближе к нему, позволяя ему вести нас вовремя песни. Когда она закончилась, я ожидала, что он вернется к своей очереди из девушек, но он танцевал со мной и следующую песню. И следующую. И следующую.

Я моргаю, выбираясь из череды воспоминаний, когда Бек начинает очень фальшиво петь слова песни.

Я запечатаваю свои губы, сдерживая смех.

— У тебя нет слуха.

— Неправда, — спорит он, затем хихикает, когда его голос скрипит на высокой ноте. — Хорошо, может быть, ты типа права.

— *Tina права?* — спрашиваю я, и он игриво щипает меня за бок. Я смеюсь, но то, как мой желудок кувyrкается, заставляет меня паниковать. Я переигрываю это — хладнокровна, спокойна, собрана. По крайней мере, я думаю, что это так. — Но, по крайней мере, ты со всем этим хорошо справился, — я бессмысленно говорю, когда мои веки тяжелеют. — Это

одна из моих любимых вещей в тебе. Ты не боишься ничего делать. И ты всегда делаешь то, что хочешь. Иногда, мне хочется быть похожей на тебя, — я зеваю и, не в силах держать голову поднятой, прислоняю свою щеку к его плечу. Мои веки начинают опускаться. Я серьезно прямо сейчас могу заснуть.

— Я не всегда делаю то, что хочу, — шепчет он, нарушая тишину.

Неопределенность в его голосе заставляет меня сделать шаг назад, чтобы получше его разглядеть.

— Что не так? — я исследую в темноте его лицо. — Ты кажешься... Не знаю. Обеспокоенным? — и уязвимым.

— Ничего не случилось, — бормочет он. — Я даже не знаю, почему это сказал.

— Не ври мне. Я знаю, когда что — то тебя беспокоит, — я делаю паузу, чтобы дать ему возможность ответить, затем давлю. — Твой отец опять был козлом? Мне нужно надрать кому — то задницу?

— Он забегал сегодня вечером, но не это меня сейчас беспокоит, — он заправляет прядь волос мне за ухо. — Хотя, я ценю твое предложение надрать ему задницу. На это будет забавно посмотреть. И я абсолютно уверен, что ты бы выиграла, — он смеется, но это звучит неправильно. Принудительно.

Я хмурюсь.

— Тогда что случилось? Я могу сказать, что — то тебя беспокоит.

— Я в порядке. Я обещаю. Я просто... — он снова меня изучает. Затем он движется назад и опускается на землю, не отпуская моей руки. — Садись со мной, и давай смотреть на звезды.

Я открываю рот, чтобы отказаться, но еще один зевок покидает мои губы. Между выпитыми мной ранее шотами и поздними часами, когда училась и работала, я потерпела серьезную неудачу.

Бек нежно тянет меня за руку.

— Садись, соня, до того, как свалишься.

Я смотрю вниз на платье, которое на мне.

— Это платье Винтер. Я не уверена, могу ли его пачкать. Ты знаешь, какой она может стать из — за одежды.

— Кого волнует, если оно будет испорчено? К тому же, она всегда на что — то злится. Садись со мной и наблюдай за звездами. Живи моментом, а не будущим. И к черту Винтер и ее глупые истерики.

О, Бек, если бы только жизнь была такой простой. Может быть, если бы мое будущее было улажено, я смогла бы так много не нервничать. Но я понятия не имею, где буду через три года, где я надеюсь быть, что является двумя совершенно разными понятиями.

Надежда так неопределенна. Мое будущее настолько неопределенное. Единственная вещь, которая не является неопределенной — это Бек и моя дружба. Ну, так было раньше. В последнее время в этом произошел сдвиг, запутанный, опасный сдвиг против моего правила.

Вероятно, мне стоит уйти. Я чувствую, как этот сдвиг прямо сейчас повисает в воздухе. На самом деле, я знаю, что должна уйти. Но нахожу себя, опускающейся на землю перед ним.

Он сразу же обнимает меня за талию и привлекает к себе. Затем скользит ногами с обеих сторон от меня, окружая меня.

Не обращая внимания на оглушающее биение моего сердца, я откидываюсь спиной на

его грудь.

— Могу я задать тебе вопрос?

Он проводит пальцами вверх вниз по моему боку.

— Ты всегда можешь спрашивать у меня что угодно.

— Вы с Винтер... Вы, ребята, никогда не...? — я делаю паузу, думая о том, что сказал мне Ари, что в их спорах есть сексуальное напряжение. Затем я думаю о том, что сказала Титзи, о том, что Беку нравятся девушки высокого класса, кем определенно является Винтер. — Вы, ребята, когда — либо были вместе?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что со мной не так? Почему, черт возьми, я спрашиваю об этом?

— Что? Боже, нет, — говорит он, выглядя потрясенным. — Какого черта ты вообще спросила об этом?

— Я не знаю, — пожимаю плечами. По — видимому, я пьяна, и это заставляет меня вести себя, как ревнивую идиотку. — Мне просто интересно, думаю. И я не единственная, кто так считает. Ари думает, что вы, ребята, боритесь все время из — за того, что тайно нравитесь друг другу. И ты один раз на нее запал. Ты даже ее поцеловал.

Его руки напрягаются.

— Тот тупой поцелуй был просто глупостью в средней школе. И да, я, возможно, был влюблен в нее в начальной школе, но это было чертовски давно и длилось около двух чертовых секунд. Я больше не смотрю на нее так. И больше никогда не смотрел на нее таким образом. Она даже не мой тип.

Его слова заставляют небольшую улыбку украсить мои губы. Я даже не знаю, почему, кроме того, что я идиотка, и думаю это уже упоминала

— Ты такой лжец, — говорю я ему. — Винтер — великолепна. Она любит получать удовольствие и чрезвычайно общительный человек. Это именно твой тип. Она по большей части твоя женская версия.

Нас окутывает тишина. Я чувствую себя так глупо из — за этого разговора.

Я, кажется, ревную.

— Великолепный, а? — замечает он с воодушевлением. — Лично я всегда думал о себе, как залихватски красивый, но думаю, что приму «великолепный».

Озадаченная, я воспроизвожу, что сказала. *Великолепный? Я назвала его великолепным? Зачем бы мне это делать?* Я имею в виду, да, он великолепен с его светлыми волосами, которые всегда торчат идеально хаотично. Кроме того, у него идеальная форма губ, его худое тело оскорбительно сексуальное, а глаза... Даже не позволяйте мне начинать это. Они — самые совершенные глаза, которые я когда — либо...

Подождите. Когда я это начала?

— Залихватски красивый? — я пытаюсь шутить, мой голос кажется скрипучим. — Что ты такое? Прекрасный Принц или что — то в этом роде?

— Я мог бы им быть. Я, безусловно, достаточно великолепен, чтобы им быть, — задиристо говорит он. — К тому же, так как ты — моя принцесса, то это имело бы смысл.

— Такой дешевый, — я делаю рвотный звук, а он посмеивается. — И я не это имела в виду. Ну, я это сказала, но этого не говорила. Я просто пытаюсь сказать, что ты такой же великолепный, как и Винтер, — моя взволнованность и растерянность увеличивается. Голова кружится. Потерянная. Пьяная. Измученная. — Знаешь что? Неважно. Я просто собираюсь прекратить говорить, потому что даже не могу следить за тем, что говорю.

Он проводит своим большим пальцем вниз по моему боку.

— Расслабься. Я просто подшучиваю над тобой. Ты такая чертовски милая, когда растерянна.

Я закатываю глаза, больше для себя.

— Нет. Я не такая. Я глупая. И растерянная только потому, что пьяна.

— Я совершенно не согласен, — его пальцы впиваются в мои бедра, а затем он тянет меня назад, притягивая на свои согнутые колени, и кладет свой подбородок на мое плечо. — Мне это нравится... ты и я под звездами. Флирт. Разговор. Давненько я не был так расслаблен. Я скучал по тебе.

Я сглатываю. *Он думает, что мы флиртуем?*

Я воспроизвожу свои туманные воспоминания о сегодняшнем вечере и, в конце концов, понимаю почему: танцы, касания, грязные комментарии, милые и великолепные комментарии, ревность в моем голосе, когда я спросила его о Винтер.

Да, мы флиртывали весь вечер.

Каждый чертов раз, когда мы выпиваем, случается это дерьмо.

Я никогда больше не буду пить.

Я никогда больше не буду флиртывать.

Ха, ты такая идиотка!

Мои мысли надо мной смеются.

— Ты снова напряжена, — он скользит ладонью вверх по моей руке, чтобы помассировать плечо. — Расслабься. Затмение скоро начнется, и тогда мы сможем вернуться обратно и поесть торт.

— Ты знаешь путь к моему сердцу, — улыбаюсь я, беспокойство на цыпочках пробирается внутрь меня.

Флирт. Я флиртывала с Бекон. Это опять будет, как в последний год старшей школы.

Может быть, это к лучшему. Ты хотела, прекратить так много полагаться на него. Может быть, это заставит тебя.

Эта мысль вызывает у меня тошноту.

Отрывая свое внимание от моих глупых, идиотских мыслей, я сосредотачиваюсь на луне. Мы таким образом сидим минуты, может быть часы, глядя на звезды, наблюдая сияние, ожидая чего — то волшебного, что произойдет в небе.

— Ты не права, — нашептывает он из ниоткуда, заставляя меня подпрыгнуть.

— В чем? — спрашиваю я, кажется, что у меня немного перехватывает дыхание.

— В том, что Винтер — мой тип.

— Ты все еще думаешь об этом?

— Конечно. Я бы хотел не думать, но необходимо убедиться, что ты знаешь, что мне она не нравится. Во всяком случае, не так, — он откидывает мои волосы в сторону, затем наклоняется через мое плечо, чтобы поймать мой взгляд. — Винтер и я... Мы иногда можем действовать одинаково, и многие люди могут думать, что она великолепная или какая бы ни была, но я определенно не влюблен в нее. На самом деле, мне нравится кто — то другой. Долгое время.

Бек всегда был таким любителем пофлиртывать, что приводило его к некоторым драматическим и неловким ситуациям. Обычно, он достаточно обаятельный, чтобы довольно хорошо сгладить ситуацию. С другой стороны, он несколько раз просил меня поговорить с девушкой, которая влюблялась в него и не отступала.

У меня не было с этим проблем, но к концу нашего последнего года в старшей школе, я начала избегать своего вовлечения в его личную жизнь. Отчасти потому, что я была занята, работая, чтобы попасть в хороший колледж и отчасти, потому что... Ну, мне не нравилось слышать о нем и других девушках.

И до сих пор не нравится, если, действительно, быть честной с самой собой. И прямо сейчас, я чувствую себя, как мисс Честность. Тем не менее, я играю роль хорошего лучшего друга, будучи слишком обязанной ему.

— Итак, кто же на этот раз?

— Вау, Виллис. Мне больно, — как ни странно, не казалось, что ему больно. — Ты ведешь себя так, словно мои влюбленности являются мимолетными и незначительными.

— Они не незначительны, но определенно мимолетные, — говорю я, извиняясь.

— Это не правда, — он расчесывает пальцами волосы, затем целует мое голое плечо. — Мне пару лет нравится одна девушка. Я просто ничего не говорил, потому что мы очень близки, и знаю, что она взбесится, потому что у нее есть это никаких — свиданий правило с каждым парнем и никаких — поцелуев правило со мной.

Мое сердце дико бьется в груди, когда я вспоминаю, что ранее говорил Грей. Медленное, болезненное осознание ударяет меня кулаком.

Я нравлюсь Беку? Нравлюсь *именно такой*?

Нет. Я, должно быть, ошибаюсь. Должна.

Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что я не ошибаюсь.

В глубине души, я думаю, что знала это уже некоторое время. Я просто была слишком напугана, чтобы признать это.

— Ты не собираешься спросить меня, о ком я говорю? — шепчет он с незнакомой нервозностью в своей интонации.

Бек так нервничает.

Это очень плохо.

Я сглатываю, желая, чтобы слово «нет», слетело с моих губ. Не выходит ни звука.

— Если ты не спросишь, я этого не скажу, — его интонация несет в себе скрытый смысл.

Он дает мне выбор: держать мои губы запечатанными, и пусть наша дружба существует, или спросить, а потом... Ну, я не знаю, что произойдет.

Спрашивать Бека — против моего плана. Если я спрошу, то испорчу красоту того, какие мы вместе. Я не хочу этого. Я хочу оставаться здесь, в его руках, как друг, и удержать спокойствие, которое он всегда дает мне.

Тем не менее, я обнаруживаю, как мои губы разъединяются. Позже, я обвиню в своей реакции алкоголь, стресс и отсутствие сна.

Позже, не прямо сейчас.

Прямо сейчас, я могу думать только об одном.

Спроси.

— Кто это? — ляпаю я.

Его грудь врезается в мою спину, когда он высвобождает задержанное дыхание.

— О, Боже, не могу поверить, что ты спросила... Не думал, что ты это сделаешь.

Обхватив мою щеку, он наклоняет голову, чтобы посмотреть мне в глаза. Его пальцы дрожат, так сильно, как и мое сердце.

Одна, две, три секунды проходят, и затем он задевает своими губами мои.

Ох. Мой. Бог. Я едва могу дышать, когда его губы трутся о мои один, два, три раза. Мои веки медленно закрываются, а воздух вырывает из легких.

Бек целует меня. Мой лучший друг во всем мире целует меня. Словно, и в правду, сумасшедше целует меня. Святое сумасшедшее что — это — за — дерьмо? Мне нужно остановить это. Сейчас же!

Но когда он нежно покусывает мою нижнюю губу, каждая из моих забот говорит «до свидания», «увидимся позже», «я — отправляюсь — к-звездам».

Я хватаюсь за низ его рубашки, отчаянно нуждаясь держаться за что — то, успокоиться, ухватиться за рациональность. Кажется, я не могу думать ни о чем, кроме его успокаивающей ладони на моей щеке, его теплого тела напротив моего, мягкости его губ. И когда он наклоняет мою голову назад и просовывает язык в мой рот, целуя меня с такой интенсивностью, клянусь, мое сердце вырывается из груди.

Это не было частью моего плана. Этот поцелуй такой незапланированный. Этот поцелуй, казалось, не должен был происходить...

Прекрати, Виллоу. Прекрати это сейчас, прежде чем ситуация выйдет из — под контроля.

Он стонет в мои губы, углубляя поцелуй, притягивая меня ближе, и заставляет меня чувствовать себя в такой безопасности.

Нет... Думаю, я не права... Этот поцелуй может быть...

Всем.

Наши языки запутываются, и я практически слепо погружаюсь в поцелуй. Но голос разума шепчет мне, просит меня остановить это. Я должна... до того, как все это слишком выйдет из — под контроля. У моего тела другие идеи, и вместо того, чтобы разорвать поцелуй, мои руки скользят вверх по груди Бека, когда я поворачиваюсь, чтобы оседлать его колени.

Он стонет, его пальцы оставляют мою щеку, чтобы пробраться через мои волосы в то время, как другая рука блуждает по моей пояснице. Он прижимает мое тело ближе, вдавливая мою грудь в свою.

Еще один гортанный стон. Я даже не знаю, кто из нас издает его, но что — то в звуке приводит нас в неистовство.

Медленный поцелуй становится безрассудным, как будто у него нет абсолютно никакого контроля над тем, что он делает, и это его не волнует. По — видимому, меня тоже, потому что я целую его в ответ, хватаясь за него и потирая своими бедрами об него снова и снова, как делала в ту ночь в моей постели. Только сейчас я не сплю и полностью осознаю, что его твердость прижата ко мне, когда он тянет меня ближе, ближе, ближе, двигаясь со мной, стонет, задыхаясь, желая, нуждаясь. Я лишь второй раз целую парня, но серьезно, это может быть мой последний раз, поэтому не думаю, что что — нибудь может быть лучше.

Ничто никогда не сможет быть совершеннее, чем это...

Когда я жадно целую его в ответ, позволяю ему скользнуть руками под мое платье. Его пальцы дрожат, когда он обхватывает мою задницу и раскачивает свои бедра напротив моих. Повсюду вспыхивают покалывания, и я сильно прикусываю его губу.

Хриплый стон покидает его губы, затем он глубже проскальзывает своим языком в мой рот. Наши языки запутываются. Мои ногти впиваются в его лопатки. Я чувствую, что выхожу из — под контроля, проваливаясь в неизвестность. Остальное не важно. Больше ничего не существует, кроме Бека и меня, и того, как наши губы движутся вместе, того, как он держит

меня, словно боится, что я упаду. Это точно, как ад, я чувствую, как падаю в место, где никогда раньше не была, где ничто не имеет смысла...где я потеряна...где я сворачиваю со своего пути...где я больше не имею понятия, что хочу или кто я. И на данный момент, мне все равно.

Идеальный. Этот момент идеальный. Бек идеальный.

— Боже, я хотел этого так долго, — он шепчет в мои губы, погружаясь в еще один поцелуй, когда снова раскачивается своими бедрами напротив моих.

Я цепляюсь за него, мои колени вжимаются в его бока, когда я выпускаю вздох. Он совершает это движение снова и снова, пока мои мысли не затуманиваются. Я чувствую, как уплываю к звездам, и на секунду хочу, чтобы мне никогда не нужно было уходить.

Затем Бек шепчет:

— Ты так удивительна и красива. Чертовски совершенна.

И точно так же, как это, реальность омывает меня, как ледяной водой.

Я делаю рывок назад, хватая ртом воздух.

— С — святое д — дерьмо.

— Пожалуйста, не паникуй, — просит он, не пропуская ни чего. — Это просто поцелуй. Ничто не должно измениться, если ты этого не хочешь.

Я борюсь с тем, чтобы взять свое неустойчивое дыхание под контроль.

Он слишком хорошо знает меня. Как он это делает? Как он читает меня, если даже не может видеть мое лицо в темноте? Как он может быть настолько совершенным?

Совершенна.

Ты чертовски совершенна, сказал он.

Нет, Бек, я не такая.

И мы не можем быть совершенными вместе.

Потому что я не совершенна. И когда ты это поймёшь, ты оставишь меня, и я буду сломана, как моя мама.

— Я должна идти, — я спотыкаюсь в своих ногах, дергая подол платья вниз по заду.

Он поднимается на ноги и тянется к моей руке.

— Подожди. Мы можем об этом поговорить?

— Я не могу сейчас говорить, — не об этом. Не тогда, когда он так близко. Не с яркими воспоминаниями об идеальном поцелуе, все еще горящем на моих губах, и с тем, как ощущалось мое тело, когда он терся об меня.

Святое дерьмо, — думаю я, — только что был мой первый оргазм... с Беком.

Святое дерьмо. Святое дерьмо. Святое дерьмо.

Я не смотрю на него, когда по полю ухожу к его дому.

— Проклятье, пожалуйста, ты можешь просто прекратить паниковать, — он не отстает ни на шаг. — Ты не можешь сбежать. Я испоганил нашу дружбу, а мне нужно, чтобы мы были, по крайней мере, друзьями.

По крайней мере, друзьями? В отличие от чего? *От пары?* И что потом? Мы просто будем встречаться, пока он не узнает, как сильно я похожа на свою мать, и тогда отвалит от моей жалкой задницы? Затем я вернусь к своей дрянной жизни, чувствуя себя дерьмом и превращаясь в ожесточенную женщину, которая не может процветать без мужчины?

Нет, я не могу превратиться в это.

Мой пульс ускоряется, когда я продолжаю неумело бежать трусцой к дому, замедляясь только тогда, когда достигаю забора на заднем дворе. Я перевожу дыхание, дерзко бросая

взгляд на него.

Беспокойство заполняет его глаза, когда он с осторожностью приближается ко мне, что заставляет меня заволноваться о том, что я сломала его.

Что я сделала?

— Пожалуйста, не уходи, — умоляет он, останавливаясь рядом со мной. — Я тебя знаю. И если ты сбежишь, прежде чем мы проясним это, ты будешь об этом беспокоиться все выходные и придумашь всякие сумасшедшие идеи в своей милой маленькой головке. И тогда мне придется беспокоиться о том, о чем беспокоишься ты, а мы оба знаем, как сильно я ненавижу беспокоиться, — он закатывает глаза и делает драматический вздох. — Это так утомительно и отнимает много времени, — я не знаю, он шутит для моей пользы или для своей.

Не желая больше его беспокоить, я пытаюсь предложить ему ободряющую улыбку, но взгляд лишь заставляет его нахмуриться.

— Я не буду тратить выходные на беспокойство, — быстро говорю я. — Я знаю, что мы просто были глупыми или пьяными или... что — то в этом роде, — честно говоря, я не знаю, какими мы были. Это часть проблемы. Неизвестность парит над моей головой, как туча, угрожая дождем.

Начиная снова паниковать, я хватаюсь за забор, чтобы перебраться через него.

— Мне нужно идти. Луна сказала, что сегодня ночью я могу переночевать у нее, и я должна встать очень рано, чтобы вернуться домой и проверить кое — какие вещи, — врунья... *Все, что тебе нужно проверить — это пустую квартиру.*

Он смотрит на меня, выражение его лица непроницаемо.

— Окей... Но обещай мне, что завтра ты позвонишь мне, — он протягивает мне свою руку с согнутым мизинцем. — Клянись на мизинцах, что ты это сделаешь.

Я соединяю свой мизинец с его, надеясь, что он не сможет определить, насколько сильно меня трясет.

— Обещаю.

Не говоря больше ничего, я отдергиваю свою руку и перетаскиваю свой пьяный зад через забор. Потом я бегу внутрь, чтобы найти Луну и убратсья отсюда. Ну, это то, в чем я убеждаю себя.

На самом деле, я бегу от чего — то, с чем не уверена, что смогу справиться.

Глава 14

Бек

Я стараюсь не принимать это на свой счет, когда смотрю, как Виллоу убегает от меня, словно я переносчик какой — то смертельной болезни. Но я чертовски много натворил. Целовать ее — это моя собственная проклятая ошибка. Я знал, как она отреагирует, но мой опьяненный мозг логически заключил, что время подходящее.

Я начинаю задаваться вопросом, будет ли оно вообще когда — нибудь подходящим?

Разочарованно фыркаю, перекидываю свою задницу через забор и ныряю на задний двор. Я решаю направиться к столу для игры в пиво — понг, чтобы сыграть игру или две и отвлечь себя, но у меня больше нет настроения для вечерники. Впервые.

Виллоу забралась под мою кожу лучшим гребаным возможным способом. Я до сих пор чувствую вкус ее вишневого блеска для губ, чувствую запах ее духов, чувствую ее бедра, когда она терлась об меня, чувствую ее твердую попку, когда я прижимал ее ближе. Я так долго хотел ее поцеловать, и теперь, когда это сделал, я хочу большего.

Намного большего.

Больше, чем она, может быть, готова дать.

Я проталкиваюсь через толпу людей, направляясь к заднему крыльцу. Я не знаю, куда

иду, что делаю, или что буду делать, когда туда попаду, но с тех пор, как все мои мысли сосредоточены на Виллоу, у меня есть чувство, что я мог бы преследовать ее, как убогий парень, и отпугнуть еще больше.

К счастью, Ари изолирует меня у задней двери и спасает от того, чтобы я не наделал глупостей. В его руке стаканчик, а рукава рубашки закатаны.

— Почему ты кажешься злым?

— Кажусь? — прикидываюсь тупым, мои мысли уносятся обратно в поле, к поцелую.

Боже, она вкусная. На самом деле, чертовски вкусная. И то, как она дрожала, когда я следовал своими руками по всему ее телу, запутывал свои пальцы в ее длинных каштановых волосах и пробегал ладонями вверх по бедрам вплоть до края ее платья. И то, как она испустила стон, когда разлетелась на части... думаю, что за все эти годы грязных мечтаний, мое воображение могло бы меня подвести, потому что тот поцелуй был лучше, чем мои самые смелые фантазии. Заявляю, — это самый лучший поцелуй, который когда — либо был, а у меня было достаточно много поцелуев и еще чуть — чуть.

Чего я не понимал до сегодняшнего вечера, так это того, что существует другой уровень поцелуев, на который я даже никогда не попадал. Хороший поцелуй, плохой поцелуй, и идеальный поцелуй.

Да, знаю, что говорю, как чертов придурок, но я слишком далеко зашел, чтобы мне было плевать.

Ари щурится на меня сквозь очки.

— Есть ли у этого что — нибудь общее с тем, что Виллоу выбежала из дома, словно была в огне?

Моя челюсть сжимается, когда жалит уязвленное эго.

— Может быть.

— Ты этого не сделал... — он сужает глаза. — Ты, бля, поцеловал ее, не так ли?

— Ну и что с того, что я это сделал? — отвечаю оборонительно, не в восторге от того, насколько разозленным он выглядит.

— Бля, я думал, ты не собираешься снова влезать в это дерьмо. Последний раз, между вами все было так неловко, и это все усложнило.

— Я не пытался снова влезать в это дерьмо. Я *сделал* это снова, — бессмысленно заявляю я. — И то, что мы с Виллоу целовались, не имеет ничего общего с тобой или Луной, или Винтер. Это между мной и ей.

Он закатывает глаза.

— Ты — идиот, если веришь в это, потому что, в конце концов, Винтер и Луна будут на стороне Виллоу, а это значит, что и Грей тоже. Это оставляет меня на твоей стороне, что просто чертовски отстойно.

— Никто не делится ни с кем на стороны, — заверяю его. — Я это исправлю.

— Пожалуйста, сделай это, — говорит он, затем делает большой глоток своего напитка. — Я не хочу, чтобы все передрались.

Я качаю головой, раздраженный тем, что он сделал наш с Виллоу поцелуй вопросом компании.

— Я собираюсь в свою комнату. Ты можешь переночевать в одной из гостевых спален, если нужно.

Я не дожидаясь его ответа, захожу в свой дом. Я планирую уйти в свою комнату, чтобы снять некоторое сексуальное напряжение, бурлящее внутри меня, но в итоге проигрываю в

игре на четвертой части моего пути. К тому времени, когда я наконец — то притаскиваю свою пьяную задницу наверх, Виллоу занимает все мои мысли, и я так возбужден, что едва могу ясно мыслить.

Я борюсь с тем, чтобы достать свой телефон из кармана, пока ковыляю в свою спальню. Я не утруждаюсь тем, чтобы включить свет (я, вероятно, не смог бы найти выключатель, если бы попробовал) и плюхаюсь на кровать. Мне требуется несколько попыток, прежде чем получается открыть новое сообщение. После того, как мысленно хлопаю себя по спине за то, что такой удивительный, я раздумываю над тем, что хочу напечатать. Хотя, чем дольше я об этом думаю, тем больше понимаю, что мышление переоценено. Поэтому я печатаю первое, что всплывает в моей голове. Затем я перекатываюсь на спину и закрываю глаза, уплывая в свои фантазии.

Глава 15

Виллоу

На следующее утро я просыпаюсь от солнечного света, пробивающегося сквозь окна спальни Винтер, и от будильника на моем телефоне, визжащего, как дикий баньши.

— Ах, — я вытягиваюсь и прихлопываю его с незначительной силой, вынуждая упасть на пол. По крайней мере, тупой будильник отключается.

Дергаю одеяло на голову и балансирую туда — сюда между сном и бодрствованием. Я никогда не была жаворонком, даже после нескольких лет работы в утреннюю смену в кафе. Также ситуации не помогает и мое похмелье. Мне бы следовало просто пойти спать, на этот раз отдохнуть целую ночь. Но мне нужно добраться домой, принять душ, проверить вещи, а затем одеться на работу.

Я съеживаюсь от напоминаний о работе и ультиматума, который Вэн мне выдвинул. Сейчас, когда у меня был день, чтобы подумать об этом, я знаю, что не смогу пройти через танцы на сцене, что означает — я ищу другую работу. Может быть, даже две или три.

Кривясь, я вырываю себя из сонного состояния, перегибаюсь через край кровати и подбираю телефон с деревянного пола. Я быстро его изучаю, чтобы убедиться, что он не сломан. Крышка отскочила, но кроме этого, он, кажется, в порядке. Слава Богу. Последнее, что мне нужно — платить за новый телефон.

Хотя, мое облегчение проходит быстро, когда я замечаю, что у меня есть пропущенное сообщение.

От Бека.

Изображения прошлой ночи подкрдываются обратно ко мне: звезды... головокружение... хихиканье...

Какого черта я делала прошлой ночью?

Моя озадаченность только увеличивается, когда я вслух читаю его сообщение, из всех сил, пытаюсь перевести следующий шаткий текст:

«Привееееет, ну ввот, я лежжжу здесь, в постелли, после того, как слиишком много игррал с выпивкой. Серьезно, я пьяный в ззадницу...»

А? Так вот почему почти каждая буква почти во всех словах дублируется.

«Но, во всяком случае, я собираюсь перейти прямо к делу. Я имел в виду то, что сказал в поле, Виллс. Ты мне всегда нравилась. Seriously, ты самая красивая, решительная, умная, удивительная девушка, которую я когда — либо встречал. И тот поцелуй... Я знаю, что ты, вероятно, захочешь, чтобы я сказал, что сожалею об этом, но я не могу. Я не могу лгать и говорить, что никогда бы не хотел пережить самый удивительный поцелуй, который когда — либо был у меня. Он был таким чертовски жарким. Я не могу перестать думать об этом»

«И прикасаясь к твоей попке... Боже, у тебя чертовски прекрасная попка. И я просто хотел, чтобы ты об этом знала. Все это... чтобы узнала, как много ты для меня значишь — всегда значила. С того дня, как мы с Тео приехали забрать тебя, а ты стояла на другой стороне улицы. Я так волновался и просто хотел обнять тебя... Но ты еще до этого мне нравилась. Еще тогда, когда я подарил тебе тот снежный шар... Боже, ты стала такой красивой после лета, и меня сводило с ума, что я был не единственным, кто это заметил. Я просто хочу, чтобы ты могла сама увидеть себя такой, какой вижу тебя я...»

«Я знаю, ты думаешь, что похожа на свою мать, но ты ее противоположность. Ты милая и добрая, и заботливая, и ставишь интересы всех остальных людей выше собственных. И ты так много работаешь ради всего. Ты настолько совершенна... Но, в любом случае, я сейчас собираюсь пойти спать, потому что очень пьян и больше не вижу клавиатуру. Будем надеяться, что ты сможешь прочитать это сообщение и не взбесишься, когда это сделаешь.

Мое сердце безумно колотится в груди, когда куски прошлой ночи связываются и соединяются.

Я плюхаюсь на кровать и смотрю в потолок.

— Черт. Это плохо. Хуже, чем в прошлый раз. Я даже не просто поцеловала его, я...

— Поцеловала кого!

Звук голоса Луны потрясает меня, и я чуть не падаю с кровати, когда моя голова быстро поворачивается в сторону дверного проема.

Она стоит там, в пижаме, выглядя из — за чего — то такой чертовски счастливой.

— Что? Нет, я никого не целовала, — я не могу даже придумать приличную ложь.

Она вся становится легкомысленной, когда пересекает комнату и забирается на кровать рядом со мной.

— Когда это произошло? Прошлой ночью?

— Нет.

— Тогда когда? — она продолжает улыбаться, словно знает секрет, которым я еще не поделилась.

— Я не знаю, — думай, Виллоу, думай. Ты не можешь сказать ей правду. Тогда все это станет реальным. И тогда тебе придется разбираться с последствиями.

— Ох, ну же, — она хватается за руку и дергает за нее, поднимая в вертикальное положение. — Ты должна рассказать мне об этом. Именно это делают девушки. По крайней мере, так говорит Винтер, а она лучшая в том, как быть девушкой.

— Да, она такая, — выдыхаю я, убирая пряди волос со своего лица. — Хорошо, я тебе скажу, но только если ты обещаешь не задавать никаких вопросов.

Она тащит свои пальцы вдоль губ, словно застегивает молнию. Потом она сидит там с тупой улыбкой на лице, практически подпрыгивая. Клянусь Богом, она уже знает.

Откуда она может знать?

Подожди. Это ей Бек сказал?

— Прошлой ночью я кое — кого поцеловала, — бормочу я.

Святое дерьмо. Дерьмо только что слало реальным.

— Окей... Кто это был? И где же это произошло?

— Ты об этом еще не знаешь? — спрашиваю я, оценивая ее реакцию.

Ее лоб морщится.

— Как бы я узнала?

Я не могу сказать, врет она или нет. Луна не так много лжет. Тем не менее, она выглядит, словно что — то *знает*, или, возможно, это врывается паранойя.

— Я поцеловала кое — кого вчера вечером в поле, — разглашаю я, притягивая свои колени к груди. — Это все, что я собираюсь тебе сказать, потому что остальное слишком сложно.

Она хмурится.

— По крайней мере, скажи мне, кто это.

Теперь хмурюсь я.

— Ты действительно не знаешь?

Она качает головой.

— Я, правда, не знаю, но у меня есть предположение.

— Как у тебя может быть предположение? Если мне даже никто не нравится. В любом случае, не достаточно, чтобы их поцеловать.

— Ты можешь так говорить, но я не думаю, что это правда. Я думаю, ты просто боишься, что тебе кто — то нравится, в частности, именно этот кто — то, потому что вы оба вместе были бы идеальными, а это значит, если вы расстанетесь, все будет ужасно.

Мои губы раскрываются в шоке. Святая читающая мысли.

— Если ты действительно не хочешь мне говорить, то не обязана, — добавляет она, стоя на коленях на кровати, чтобы смотреть на мое лицо. — Я понимаю, когда иногда необходимо держать все при себе.

Стук — стук. Стук — стук. Стук — стук. Мое сердце — бомба замедленного действия в моей груди, готовая взорваться в любой момент и уничтожить меня. Сердце моей мамы было таким же... перед тем как папа ушел. Я помню, как он говорил ей это:

— Ты слишком много думаешь своим сердцем, Пола, а не своей головой, — сказал он. — А сердца принимают плохие решения.

— Ты не прав, — ответила мама. — В смысле, мое сердце заставило меня выбрать тебя, не так ли?

Мой отец нахмурился, когда я улыбнулась. Оглядываясь назад, мой отец, вероятно, знал, что собирается уходить от матери, и пытался предупредить ее, но она была слишком занята, живя на томящейся в любви земле, чтобы понять это. Или, может быть, она знала, но не была готова принять правду.

Я не буду такой. Я приму, а затем найду способ двигаться дальше. Я не стану моей мамой.

— Я поцеловала Бека, — решительно говорю я, пока мое сердце с энтузиазмом подскакивает.

Заткнись, сердце. Просто заткнись.

Веселость Луны уходит с глухим стуком.

— Ты не кажешься, очень довольной из — за этого.

— Потому что это была ошибка, — эти слова практически разрывают мое сердце пополам.

Умри, сердце, умри.

Луна выглядит так, словно она тоже немного умирает.

— Что ты имеешь в виду под словами «это была ошибка»?

Я беспечно пожимаю плечами, не обращая внимания на разрывающее чувство в центре груди.

— То, что не должно было произойти. То, что я не хочу, чтобы происходило, — *вранье. Вранье. Вранье. Все вранье! Когда ты превратилась в такую грязную лгунью?*

— Виллоу... — говорит Луна с жалостью в глазах.

— Послушай, я была пьяна, — обрываю ее, прежде чем она попытается убедить меня в том, что поцелуй что — то значил. — Мы оба были... Бек, вероятно, тоже сожалеет об этом. — *Ха! Посмотри на себя, еще и себе лжешь. Просто еще раз прочитай его сообщение.*

— Я в этом сомневаюсь, — говорит она. — На самом деле, я удивлена, что вы двое не поцеловались намного раньше.

Я моргаю

— Ох?

Понимающая улыбка пересекает ее лицо.

— Не делай вид, что ты так удивлена. Вы двое практически целовались, около сотни раз.

— Потому что мы были пьяны.

— Да, ну и что? Некоторым людям опьянение помогает делать то, что они хотят, но слишком боятся, когда трезвые.

Мое сердце подскакивает из — за правды, которую несут ее слова.

Я не могу с этим справиться.

Я встаю на ноги и хватаю с пола свою куртку.

— Я должна попасть домой. Мы можем поговорить об этом позже?

Она хмурится, очевидно, уязвленная, и я чувствую себя самой большой сукой, которая когда — либо существовала. Но страх заставляет меня двигаться вперед, ставить одну ступню перед другой.

— Спасибо, что позволила мне здесь остаться, — говорю я, выбираясь за дверь, как трусиха.

Я прохожу мимо Грея по дороге через гостиную. Он поворачивается, чтобы что — то сказать, но я только машу ему через плечо, выбегаю за дверь, и прыгаю в машину.

Шины визжат, когда меня заносит при выезде на дорогу по направлению к Риджфилду. Мой адреналин возрастает, ноги дрожат, а мозг сходит с ума, сконцентрированный на Беке, моей маме и папе, когда я пролетаю через город. Я даже не замечаю, что загорелся красный свет, пока не оказываюсь на середине перекрестка.

Звучит клаксон, и я выхожу из транса, сворачивая машину на обочину дороги после того, как проезжаю на красный свет.

Толкая рычаг для парковки, я колочу рукой по рулю.

— Дерьмо! Черт! Капец! Именно это происходит, когда ты поглощена парнями! Ты

практически себя убила! — я позволяю своей голове резко упасть на руль. — Что мне делать? Все это с Беком не может произойти. Но мы должны оставаться друзьями, иначе я сойду нафиг ума.

Делай глубокий вдох, Виллоу. Разбейся с проблемой. Ты можешь это сделать.

Я напрягаю свой мозг, чтобы найти ответ, и показывается на поверхности воспоминание о нашем с Беком прошлом поцелуе. Тогда я тоже взбесилась, но решила... проблему, разработав правило о том, что нам не позволено никогда снова целоваться. Это некоторое время работало... пока не перестало.

Правила обычно работают на меня. Может быть, мне просто нужны правила получше.

Склонившись над консолью, я открываю бардачок и откапываю ручку и бумагу с написанным на ней правилом. Затем я откидываюсь назад, провожу линию по правилу, и пишу новый свод правил, успокаиваясь с каждым росчерком ручки.

Правило № 1: Не блуждать вместе в поле, чтобы посмотреть на звезды.

Правило № 2: Абсолютно никакого контакта губ.

Правило № 3: Не влюбляться.

После того, как заканчиваю, я откладываю список и ручку. Затем еду к Беку, скрещивая свои пальцы, в надежде, что он будет моим лучшим другом вместо парня, с которым я целовалась прошлой ночью.

Глава 16

Бек

Я тру рукой свой пульсирующий лоб, когда открываю глаза от ослепительного солнечного света, льющегося в мою спальню. Мой телефон гудит на тумбочке, и я в буквальном смысле не имею понятия, что, черт возьми, произошло за последние десять часов, как я попал в постель, или что делал до этого. Определенно не впервые для меня. Я ненавижу ощущение зияющей — дыры — в—моем — мозгу.

Переворачиваясь, я шарю вокруг, пока не нахожу свой телефон, затем провожу пальцем по экрану.

Ари: Эй, чувак, что за странное сообщение ты мне послал прошлой ночью? Я не мог его понять.

Я прокручиваю назад к тому сообщению, которое послал, и качаю головой. У меня есть серьезные проблемы с отправлением пьяных сообщений.

Я: Сожалею, мужик. Я снова был пьян, когда отправлял сообщение.

Ари: Тебе действительно нужно прекратить это делать. Однажды, ты напишешь неправильную вещь неправильному человеку.

Я: Может быть. Хотя, до сих пор этого не сделал.

Ари: Просто хочу, тебя предупредить, что прошлой ночью ты писал еще и Луне. И Винтер. Я не уверен, что ты написал, но они, казалось, очень повеселились надвсемитвоиммучениями.

Я: Я уверен, что это так... Где ты? Думаю, я мог расслабиться на некоторое время. Это может стать последним шансом, прежде чем перестану быть свободным человеком.

Ари: Почему? Ты женишься или что — то в этом роде. Ха!

Я: Да. Разве сестра тебе не говорилв?

Ари: Я мог бы попасться на это, если бы моя сестра не ненавидела тебя до глубины души. Seriously, почему это твой последний шанс зависнуть?

Я: Потому что, наступит понедельник, и я буду официально работать на своего отца.

Ари: Что за хрень? Я думал, ты не собирался позволять ему принуждать себя делать это.

Я: Угу, ну, я и не собирался, пока он не начал угрожать продажей моего дома.

Ари: Я думал, что ты купил его.

Я: Он оплатил небольшую часть, в качестве подарка на выпускной. Теперь я понимаю, насколько глупым шагом было позволить ему это сделать.

Ари: Дерьмо. Это отстой. Что ты собираешься делать?

Я: Работать на него, пока не смогу что — нибудь решить.

Ари: Сожалею, мужик. Я сейчас у Луны, если хочешь приехать. Грей тоже здесь, и

Винтер должна быть здесь позже. Здесь была и Виллоу, но она слиняла до моего приезда. Я думаю, что ей нужно на работу, поэтому сомневаюсь, что она вернется обратно. Опять же, вы двое уже говорили?

Виллоу... Виллоу... Виллоу?

Воспоминания обрушиваются на меня, и я выпрямляюсь на своей постели.

Целую ее, пока мои губы не заболели. Касаюсь ее везде. Маленькие стоны, покидающие ее рот. Хочу ее так сильно, что едва могу дышать.

А потом я послал сообщение.

Я: Должен идти. Постараюсь приехать позже.

Ари: Окей. Звучит круто.

Я закрываю сообщение и перехожу к тому, которое послал Винтер прошлой ночью, понимая, что по одному будет легче справиться.

Я: Привееетттть didmnaltihtbjwihe!

Я чешу голову.

— Какого черта я вообще пытался напечатать?

Затем я открываю сообщение, которое послал Луне, избегая того, с которым не хочу разбираться. Сообщение, которое я послал ей, в равной степени запутанное и смешное, как и для Винтер, но мое веселье умирает, когда я читаю то, что послал Виллоу.

Мои глаза бегло прочитывают тупое чертовски длинное сообщение, или я должен сказать, мою душу.

— Проклятье, — кровь шумит в барабанных перепонках. Если поцелуй не разрушил нашу дружбу, то это сообщение, чертовски уверен, сделало это.

Бросив свой телефон на кровать, я опускаю голову и массирую виски.

— Я действительно облажался на этот раз.

Правда в том, что под беспокойством лежит немного облегчения, что я, наконец, выдал правду. Я просто не хочу знать Виллоу так хорошо. Но я знаю. И после этого она может никогда не заговорить со мной снова.

Нет, ты можешь это исправить. Просто придумай способ. Позвони и скажи ей, что ты был пьян. Убеди ее, что это никогда не повторится.

Вранье.

Я открываю панель набора, рассуждая позвонить ли ей, когда звенит мой дверной звонок.

Сбрасывая с себя одеяла, я не утруждаюсь надеть рубашку, когда тащу свою похмельную задницу вниз по лестнице и распахиваю входную дверь. Затем моргаю. И моргаю. И снова моргаю.

— Подожди, я сплю? — тру глаза тыльной стороной руки. — Или я все еще пьян?

Она смотрит на мою голую грудь со сжатыми губами, удерживая в руке листок бумаги. На ней то платье, которое было прошлой ночью, ее волосы распущены и запутанны, а глаза покраснели, либо из — за того, что у нее похмелье, либо из — за того, что она плакала. Мысль о том, что эти красивые глаза недавно проливали слезы, пробуждает во мне желание обнять ее, но я не уверен, что этот жест будет приветствоваться в данный момент.

— Эй, — говорю вместо этого я. Затем качаю на себя головой. *Прекрасно тупица.* — Хочешь зайти?

Она отрывает взгляд от моей груди и осматривает порог, будто дьявол схватит ее и потащит в раскаленные шахты преисподней.

— Я не знаю. Это безопасно?

Ее вопрос припечатывает меня.

Она не чувствует себя в безопасности со мной?

— Конечно, это безопасно. Я бы никогда тебе не навредил, Виллс.

— Я это знаю, — она хмурится, глядя на землю, шаркая носком ботинка по бетону. —

Мне просто интересно, хорошая ли это идея, чтобы мы были вместе в одной комнате?

Окей, к черту это. Я не позволю нам свернуть туда, куда она хочет нас отправить.

Подцепив пальцем ее подбородок, я поднимаю ее голову вверх.

— Давай не будем этого делать, принцесса. Мы поцеловались, — *и потом еще кое — что.* — И что? Мы не должны чувствовать неловкость из — за этого.

— Так что, ты со мной согласен? — спрашивает она с надеждой в глазах. — То, что произошло, было ошибкой?

Я хочу сказать ей «да», дать ей то, чего она хочет, облегчить ее стресс. Но ложь не срывается с моих губ.

— Нет, это не то, что я сказал, — говорю я ей, борясь с непреодолимым влечением смотреть на ее губы. Если я это сделаю, то наклонюсь. А если я наклонюсь, то захочу большего. Я захочу всю ее. — Я просто хочу сказать, что нам не нужно, чтобы все стало неловкими.

— Но я чувствую себя неловко, — шепчет она, ее глаза широко открыты, грудь вздымается из — за поверхностных вдохов.

— Что ж, позволь мне это исправить, — *тем, что буду целовать тебя, пока ты больше не сможешь ясно думать. Заставляя тебя снова стонать. Снова и снова...*

Она покусывает свою нижнюю губу, и мой пристальный взгляд сосредотачивается на ее губах. Я начинаю наклоняться, испытывая потребность в том, чтобы поцеловать ее, ожидая, что она отодвинется назад. Вместо этого она остается неподвижной, глядя на мой рот.

Ядвигаюсь ближе, проверяя ее. Мы так близко. Желаем, желаем, желаем...

Наши губы обрушиваются друг на друга. Я даже не знаю, кто сократил незначительное пространство между нами. Мне просто плевать. Все, что имеет значение, — она целует меня в ответ с такой страстью, что клянусь Богом, на наших губах будут синяки.

Мое тело заполняет потребность. Я нуждаюсь в том, чтобы она была ближе. Моя рука скользит вниз по ее телу к талии, мои пальцы нажимают на ее бедра, когда я ее поднимаю. Она ахает, затем сцепляет вокруг меня свои ноги, слегка выбивая меня из равновесия, и я заваливаюсь в сторону. Ее спина врезается в дверной косяк, но она только углубляет поцелуй и прикусывает мою нижнюю губу.

Я стону, мое тело пульсирует от желания, когда я раскачиваюсь своими бедрами напротив нее. Ее ноги крепче сжимают мои бедра, когда «ох» срывается с ее губ. Я снова трусь об нее, а ее ногти впиваются в мои лопатки, когда она сжимает меня, ее платье задирается до талии, полностью открывая ее для меня.

Скользнув ладонями по ее гладкой коже, я поворачиваюсь, чтобы мы оказались в доме, подальше от любых любопытных глаз. Когда оказываюсь внутри дома, я начинаю планировать, как сорвать с нее это платье.

Но так же быстро, как и начался поцелуй, она выпрыгивает из моих рук и толкает мне листок бумаги.

— П — прочитай это, — ее голос дрожит, а ноги трясутся, когда она пытается восстановить равновесие.

Я даже не могу дышать, не говоря уже о том, чтобы сообразить, о чем она пытается сказать.

— Что?

Она судорожно вдыхает, а затем делает шаг ко мне с протянутой рукой.

— Мне нужно, чтобы т — ты это прочитал.

Я смотрю на бумагу, затем на нее.

— Как мы перешли от наших поцелуев к тому, что мне надо прочитать листок бумаги? — листок бумаги, на котором, я вполне уверен, есть еще одно проклятое правило.

— Пожалуйста, просто прочитай его, — умоляет она, ее пальцы дрожат.

Разочарованный, я беру у нее бумагу, целенаправленно прикасаясь своими пальцами к ней. Когда она вздрагивает, я борюсь с ухмылкой. Затем любое количество оптимизма испаряется, пока читаю вслух список, набросанный на листе бумаги.

— Правило номер один: не бродить вместе по полю, чтобы посмотреть на звезды.

— Потому что это то, что положило начало всему этому делу, — объясняет она, разглаживая руками взлохмаченные волосы.

Да, типа это что — то решит.

— Правило номер два: абсолютно никакого контакта губ, — смотрю, изогнув бровь. — У нас оно уже было раньше.

— Да, я знаю, — она чешет затылок. — Думаю, не требует пояснения, почему я сохранила его.

— Но оно выполнимо? — я напряженно смотрю на ее губы, которые по — прежнему припухшие от нашего поцелуя, а затем на ее помятое платье и спутанные волосы. — Потому что оно не сработало.

Она проводит руками по волосам и платью, глядя на розовый куст рядом с входной дверью.

— Да, знаю. Вот почему я добавила другие правила, чтобы это сработало.

Я проглатываю необходимость отметить, что она не может даже посмотреть мне в глаза, когда говорит это, и читаю последнюю строку:

— Правило номер три: не влюбляться.

Да, для этого может быть уже немного поздно. По крайней мере, для меня. Я до сих пор не могу сказать ей об этом. Этот список это доказывает.

Глупый список, который я хочу раскромсать на куски.

— Я просто хочу, чтобы у нас были какие — то границы, — говорит она, наконец — то, глядя на меня. — Таким образом, мы все еще можем остаться друзьями без каких — либо дополнительных инцидентов.

Существует тысяча вещей, которые я хочу ей сказать прямо сейчас. Обычно я прикусываю язык и закапываю свои чувства, отчаянно пытаюсь удержать ее. На данный момент, у меня либо слишком сильное похмелье, чтобы беспокоиться, либо поцелуй разрушил каждую унцию силы воли, которая у меня осталась.

— Инцидентов? — я скрещиваю руки и прислоняюсь к косяку. — Это так ты называешь самый горячий поцелуй твоей жизни? Ну, он был таким для меня.

— Бек... — она замолкает, ее огромные глаза отражают страх. Она так же выглядела после того, как мы поцеловались во время нашего последнего года в старшей школе, и наша дружба почти разлетелась на не склеиваемые куски.

Я решаю отступить на данный момент. Не потому, что соглашаюсь с ее глупыми

правилами, а потому, что мне нужно время, чтобы выяснить способ доказать ей, что мы принадлежим друг другу, что отношения со мной не разрушат ее. Я бы никогда не разрушил ее.

— Хорошо, я буду подчиняться правилам. — *На данный момент.*

Ее мышцы расслабляются, когда она выпускает оглушительный вздох.

— Спасибо. Мне нужно было это услышать, — она стесняется, затем осторожно обхватывает меня своими руками. — Я не могу потерять тебя.

— Ты не потеряешь, — обещаю ей, обнимая сильнее, мое сердце колотится. — И хочешь знать, почему?

Она отстраняется, кивая.

— Потому что я тоже не могу потерять тебя.

Она улыбается, но нервозность присутствует в ее глазах.

— Ты не потеряешь меня, — уверяет меня. — Мы с тобой будем друзьями, пока нам не стукнет по семьдесят, помнишь?

— Да, я помню, — думаю, что я изменил свое мнение.

Я не хочу больше быть друзьями. Я хочу большего.

Я хочу всю ее.

Она смотрит на часы.

— Черт. Я должна быть на работе в ближайшее время, — она смотрит на меня. — У нас все хорошо, правда? Я имею в виду то, что только что произошло... Мы можем просто забыть о...

— С нами все хорошо, — говорю я. Что касается того, что надо забыть, это никогда не произойдет. Я не хочу этого.

Она дарит мне одну последнюю улыбку, прежде чем убежать обратно к своей машине.

Я наблюдаю, как она отъезжает, затем отступаю назад в свой дом, на кухню. Доказательства вечеринки находятся повсюду: от пустых стеклянных бутылок на мраморном столе, до пластиковых стаканчиков, сложенных в мусорный бак.

Мои мысли уплывают обратно к тому моменту, когда я убирался у Виллоу после того, как ее мать устроила вечеринку; только, квартира была засорена не только бутылками из — под алкоголя.

Мне нужно, как — то вытащить ее оттуда, — это я понимаю уже некоторое время. А теперь я держу тупой список, который в значительной степени запрещает мне приближаться к ней.

Только Виллоу не понимает, что этот чертов кусок бумаги и небольшое количество чернил не смогут изменить мои чувства.

Схватив магнит и ручку из выдвижного ящика, я прилепляю список на холодильник. Затем я зачеркиваю каждое из ее правил и заменяю их поставленными задачами:

Задача № 1: Вытащить Виллоу из того дома.

Задача № 2: Доказать ей, что я не собираюсь ее разрушать.

Задача № 3: Сказать ей, что я ее люблю.

Я делаю шаг назад, глядя на свой план, не зная, сработает ли он. Тем не менее, я должен попробовать. Избегать того, что я к ней чувствую — больше не вариант.

Эти поцелуи доказывают все.

Пока Правила № 1, № 2 и № 3 — под названием «новый список» — в игре...

Глава 17

Виллоу

Следующая неделя тянется медленно. Я провожу большую часть времени, выполняя домашние задания, работая в клубе, и подавая заявки для приема на работу. Я все еще ничего не слышала от своей матери, от чего я безостановочно беспокоюсь о ней. Плюс, на меня раздражающе действует пустота квартиры. Между громкой музыкой, играющей каждую ночь, постоянными криками — всегда кто — то кричит, — и беспорядочными стуками в дверь, на которые я никогда не отвечаю, я чувствую, что сойду с ума. Если она вскоре не вернется домой, я могу съехать. Арендную плату надо вносить в следующем месяце; возможно, я не буду ее платить. Могу ли я просто не оплатить счет? Способна ли Я на это?

Я искала квартиры, которые сдаются в аренду рядом с университетом, но в настоящее время все в радиусе пятнадцати миль занято, или мне не по карману. Я решаю позвонить Винтер, но она живет в месте получше, чем все остальные квартиры, которые я смотрела, так что сомневаюсь, что смогу себе позволить арендную плату, особенно, когда у меня такая неопределенная ситуация с работой.

Деньги — это не единственная причина моей нерешительности с переездом. Я все еще борюсь с тем, чтобы отпустить страх того, что моя мать может вернуться и будет во мне нуждаться, а меня здесь не будет. Я не знаю, как решить эту проблему. Какой выбор является правильным? Существует ли правильный выбор, или есть ли выбор вообще?

Хотя, наличие выбора, быстро исчезает, когда, в четверг рано утром, я просыпаюсь от громкого голоса, идущего откуда — то рядом. Возможно даже из квартиры.

Нащупав свой телефон, я звоню первому человеку, который всплывает в моей голове, надеясь, что он так рано не спит.

— Эй, я только что думал о тебе, — звук голоса Бека слегка стабилизирует мой скачущий пульс.

Я выдыхаю, высвобождая дыхание, которое, клянусь, задерживала в груди в течение нескольких дней. Я не разговаривала с ним, с тех пор, как передала ему тот список, и с того удивительно чудесного поцелуя, который может никогда не повториться. Я не понимала до сих пор, как сильно скучала по его голосу.

— Ты кажешься очень даже проснувшимся в столь раннее время, — говорю я, вылезая из постели.

— У меня были кое — какие дела, — отвечает он с тяжелым вздохом.

— Что за дела?

— Просто кое — что для моего отца.

— Правда? С каких это пор ты что — то делаешь для своего отца?

Он снова вздыхает.

— Это длинная история, в которую я действительно не могу вдаваться прямо сейчас.

— Хорошо, но ты расскажешь мне позже, правда? — спрашиваю я, пока на цыпочках иду к своей двери, чтобы выяснить, исходит ли голос из дома или с улицы.

— Конечно, — его уклончивость сбивает меня. — В любом случае, хватит обо мне. Давай поговорим о моем любимой человеке.

— Окей. Ну, я разговаривала с Винтер на днях, и она сказала, Нью — Йорк великолепен, — шучу я, когда на самом деле испугана. Не только потому, что говорю с

Бекком после того, как мы целовались и дурачились, но потому, что я волнуюсь, что кто — то может быть в доме.

— Это не смешно, — игриво ругает он. — Серьезно, как ты, Виллс? Я не разговаривал с тобой с тех пор... ну, ты знаешь. И ты выглядела слегка испуганной, когда покидала мой дом.

Я жую ноготь своего большого пальца.

— Я в порядке. Я хотела позвонить тебе, но... Я просто не была уверена, захочешь ли ты говорить со мной. — Или смогу ли я с этим справиться.

— Я всегда хочу говорить с тобой, — уверяет он меня. — Я тоже хотел позвонить тебе, но был занят, разбираясь с кое — какими вещами.

— Какими вещами?

— Вещами, о которых я расскажу тебе позже, когда все выясню.

— Окей, — я хотела надавить, но голос становится громче. *Дерьмо.* Я запираю дверь и отступаю. — Бек, как бы сильно я не любила с тобой разговаривать, на самом деле, у меня была причина позвонить.

— Что случилось? — обеспокоенно спрашивает он.

— Я думаю, что кто — то может быть в доме, — говорю я, останавливаясь, когда задняя часть моих ног ударяется о кровать. — Я не знаю, кто это. В смысле, это может быть моя мать, но дверь была заперта, и я уверена, что она давным — давно потеряла ключ.

— Повесь трубку и позвони в полицию, — приказывает он, его голос пронизан страхом.

— Может быть, это просто с улицы. Иногда трудно сказать. Стены такие тонкие.

— Мне плевать, даже если ты думаешь, что это с улицы, — рычит он. — Позвони в полицию. Прямо сейчас. Или это сделаю я.

— О — окей, — заикаюсь я, скорее, в качестве реакции на то, каким злым он кажется. Не думаю, что когда — либо слышала, чтобы он разговаривал с таким гневом. — Я перезвоню тебе через секунду.

— Просто переключись на другую линию, — твердо говорит он мне. — Я не хочу отключаться.

— Окей, — я отодвигаю телефон подальше, чтобы сделать то, что он говорит, когда в мою дверь толкаются.

— Виллоу, конфетка, почему дверь заперта? — спрашивает мама, стуча в дверь.

Кажется, что я должна быть более расслабленной из — за того, что слышу ее голос, и это, вероятно, делает меня ужасным человеком. Во всяком случае, больше, чем я себя чувствую.

Я прикладываю телефон обратно к уху.

— Все хорошо. Это просто моя мама.

— Ты уверена? — спрашивает Бек, он также не кажется слишком расслабленным. — Если ты на сто процентов не уверена, тебе все еще стоит позвонить в полицию.

— Я уверена. Она только что говорила со мной через дверь, — я прохожу через комнату, чтобы открыть дверь. — Извини, что побеспокоила тебя. Просто я была такой дерганной из — за того, что находилась здесь одна.

— Тебе не нужно извиняться за то, что побеспокоила меня. Я хочу помогать тебе при каждой возможности, которую получаю, неважно в чем. Мне не нравится, что ты там одна.

— Я знаю. И я действительно подумываю съехать, — я сжимаю дверную ручку, когда моя мама снова стучит. — Я вроде как рада, что моя мама здесь. Теперь я могу поговорить с

ней об этой идее.

— Ты действительно думаешь, что это хорошая идея?

— Я не знаю, но мне надо, по крайней мере, дать ей знать.

— Зачем? Она просто будет пытаться отговорить тебя от этого.

— Сомневаюсь в этом. На самом деле, ее не волнует, рядом ли я или нет. Я околачиваюсь вокруг так долго лишь потому, что беспокоюсь о ней, а не наоборот.

— Это не причина, я думаю, что она будет отговаривать тебя от этого, — тихо говорит он. — Я думаю, что она попытается отговорить тебя от этого, потому что ты заботилась о ней в течение многих лет. Ты платишь по ее счетам, покупаешь ей еду, убираешь дом, убираешь за ней. И если ты уйдешь, она все это потеряет.

Я поджимаю губы, вдыхая и выдыхая носом, когда правда от его слов пронзает мое сердце.

— Я знаю, — шепчу я. — Я уже думала обо всем этом, — то, что я слышу, как он это говорит, заставляет мое сердце болеть, заставляет жестокую правду стать реальной. Очень, очень болезненно, ноюще, едва давая возможность дышать по — настоящему. — Мне все еще нужно ей что —нибудь сказать. И я не могу съехать, пока не найду новую работу, — я осознаю свой промах на секунду позже.

— Что не так с той, что в библиотеке?

— Там просто не очень хорошо платят, — каждая ложь, которую я произношу, заставляет меня ненавидеть себя еще больше.

Моя мама стучит в дверь так сильно, что я отпрыгиваю назад.

— Окей, Виллоу. Пришло время открыть дверь.

— Я должна идти, — говорю Беку. — Я позвоню тебе позже.

— Тебе бы лучше это сделать, — обеспокоенно говорит он. — Или же я приеду и удостоверюсь, что с тобой все в порядке.

Часть меня хочет никогда не перезванивать ему, так чтобы ему пришлось исполнить свою угрозу. Хотя, это не было бы правильно. Вместо этого, я соглашаюсь, а затем мы оба неохотно попрощаемся, прежде чем повесить трубку.

Я плавно выдыхаю. Я была обеспокоена тем, что снова с ним заговорю, но сейчас, после этого, я чувствую себя лучше. Это было не настолько неловко, как я думала.

Это может сработать.

Надеюсь.

Затем мое хорошее настроение разбивается об потрескавшийся линолеум, когда открываю дверь.

— Это было достаточно долго, — ее выпученные глаза налиты кровью, ее одежда испачкана грязью, а сальные волосы стянуты сзади в грязный пучок. — У тебя есть какие —нибудь наличные деньги?

— Э — э, и тебе привет, — говорю я, спотыкаясь, пятясь назад, когда она проталкивается мимо меня.

— Привет, — ворчит она, шагая прямо к моему туалетному столику. — Еще раз, где ты хранишь наличные деньги? Я не могу вспомнить.

Я нервно наблюдаю за ней, когда она распахивает верхний ящик.

— Какие наличные деньги?

— Тайный запас наличных денег, которые ты прячешь, — она вываливает содержимое ящика на пол, везде разбрасывая мою одежду.

— Да, у меня нет тайного запаса наличных денег, — я пересекаю комнату и хватаю ее за руку, когда она практически выдергивает другой ящик. — Я трачу почти каждый пенни, который зарабатываю на счета и оплату твоих глупых долгов.

Она выдергивает свои руки.

— Это херня! Я знаю, что у тебя есть лишние деньги! Как еще ты могла бы себе позволить все эти вещи?

— Какие вещи? — спрашиваю я, в неподдельном изумлении. — У меня не много вещей.

— Твоя машина, те школьные книги, что у тебя есть, — она проводит пальцами вниз по лицу так грубо, что оставляет на коже красные пятна. — А лучше, где все те деньги, которые ты откладывала на обучение? Дай мне взять чуть — чуть из них.

— Эти деньги потрачены, — говорю я, раздраженная тем, что она имеет наглость их просить.

— Потрачены на что? — она в панике сканирует комнату.

— На оплату моего обучения. И учитывая, что я уже хожу в колледж несколько месяцев, тебе бы следовало это знать.

— Ты ходишь в колледж? С каких пор?

Я прикусываю язык и просто смотрю на нее, ненавидя, что она такая, ненавидя, что она моя мать, может быть, даже ненавидя ее, что только заставляет меня ненавидеть себя.

Ее взгляд останавливается на мне, и паника в выражении ее лица гаснет, когда она медленно подходит ко мне.

— Ты знаешь, что мы не делали некоторое время? — ее улыбка выглядит во всех смыслах не правильно.

— Все, — говорю я, не в силах себя остановить.

— Это не правда. Мы все время делаем что — то вместе.

Я хочу высказать все причины, почему она не права, но она, вероятно, психически неустойчива, что в значительной степени делает ее бомбой замедленного действия, которая может уничтожить ту маленькую жизнь, которая мне осталась, в одно мгновение.

— Как в тот раз, когда мы пошли в парк, — ее потрескавшиеся губы скручиваются в натянутой улыбке.

— Последний раз, когда мы ходили в парк, мне было пять лет, — и папа был еще здесь.

— О, это не так, — она обвивает свои руки вокруг меня и начинает качать меня взад и вперед, как она делала, когда я была ребенком. — Я тебя люблю. Ты это знаешь, да?

Когда я была моложе, я любила, когда она это говорила. То чувство умерло, когда мне было около двенадцати, и я поняла, что она кидается этими словами, только когда в беде и нуждается в моей помощи, чтобы я выручила ее, из какой бы то ни было проблемы, в которую она себя загнала.

— Где твой новый муж? — спрашиваю я, обеспокоенная тем, что он может быть где — нибудь в доме.

Она отклоняется назад, чтобы посмотреть мне в глаза, с трудом фокусируясь на одном месте.

— Кто тебе сказал, что я вышла замуж?

Я пожимаю плечами.

— Владелец какого — то бара, который подслушал, как вы об этом говорите.

— Ох, — она хмурится. — Ну, это было ошибкой.

— Так ты не вышла замуж?

— Нет, я это сделала. Но это не сработало.

— Но это было лишь неделю назад.

Для нее это может стать новым рекордом.

Она размахивает передо мной запястьем.

— Большинство браков в Вегасе длятся до тех пор, пока не выветрится алкоголь и наркотики.

Отмечаю ее покрасневшие глаза.

— Итак, почему ты решила не оставаться с ним в браке?

— Потому что он был скучным и раздражающим, и продолжал оценивать других женщин, — она снова и снова скрипит своими зубами, как будто может каким — то образом стереть память о своём недолгом замужестве. — Но это нормально. У меня есть дела поважнее.

— Правда? — сомневаюсь в этом. Обычно, когда ее бросают, у нее случается орущий фестиваль на полу в ванной.

Она кивает, ее челюсть все еще скрипит, ее глаза практически выпирают из головы.

— Мне просто нужна еще одна доза, и я буду в порядке, — она смотрит на меня, умоляя. — Но я не могу этого сделать, пока у меня нет денег.

Я отхожу от нее.

— Я не дам тебе денег на наркотики.

— Почему нет? — она несколько раз чешет свою руку, оставляя царапины. — Ты делала так раньше.

— Неосознанно.

— Но в этом нет разницы.

— Нет, есть. Это делает меня пособником.

— Что, черт возьми, это значит? — огрызается она, ярость в ее глазах заставляет меня отшатнуться. Когда она замечает мою раздражительность, ее гнев стирается, и она являет мне пластиковую улыбку. — Ну же, Виллоу. Просто выручи свою маму. Я обещаю, что это будет последний раз, когда я прошу тебя о помощи.

— Н — нет, не будет, — твердо настаиваю я, скрестив руки на груди, отказываясь отступить.

Ее губы подергиваются, а пальцы сворачиваются в кулаки.

— Ты такая неблагодарная девчонка, которая заботится только о себе.

Я качаю головой, ненавидя слезы, заполняющие мои глаза.

— Ты хотя бы знаешь, что я делала на прошлой неделе, в то время, когда ты пропала? Я не находила себе места в квартире столько, сколько могла, потому что волновалась за тебя.

— С чего бы тебе беспокоиться обо мне? — она изумленно смотрит на меня, словно я идиотка. — У меня было время для своей жизни.

— Я об этом не знала, — огрызаюсь я. — Ты не сказала мне, куда собираешься.

— Как это может быть моя вина? Не то, чтобы у меня был телефон, чтобы я могла тебе позвонить.

— Ты могла бы заскочить, прежде чем сорвешься, и, по крайней мере, дать мне знать, где ты была, — говорю я ей. — Но даже это не важно. Дело в том, что мне вообще не следовало здесь быть, потому что я больше не должна здесь жить. Это хреновое место, соседи хреновые, и ты относишься ко мне хреново, но я остаюсь здесь до сих пор, потому что волнуюсь, что в один прекрасный день ты вернешься домой со слишком большим

количеством наркотиков или алкоголя в твоей системе, и никого не будет здесь, чтобы отвезти тебя в больницу.

Она закатывает глаза.

— Я не умру, если ты здесь из — за этого. Я знаю свои границы.

— Так всегда говорит каждый наркоман, — слова скатываются с моего языка без предупреждения, шокируя меня так же, как и ее.

— Заткни пасть! — кричит она, затем поворачивается и скользит рукой по моему комоду, сбрасывая на пол все мои снежные шары. Стекло бьется. Везде разливается вода.

Разбито. Все разбито.

— Посмотри, что ты заставила меня сделать! — кричит моя мать с дикими глазами. — Если бы ты только мне дала эти чертовы деньги!

— Ты их все разбила, — шепчу я, слезы заполняют мои глаза. — Папа подарил их мне. Это было единственное, что у меня от него осталось.

— Твой папа? — ее резкий смех заставляет еще больше слез наполнять мои глаза. — Экстренное сообщение, Виллоу. Твоему отцу нет до тебя дела, так что я не знаю, почему ты беспокоишься о том, что он тебе подарил. Никому нет до тебя дела! И чем раньше ты это выучишь, тем лучше будет! — с этими словами, она выбегает из комнаты, хлопнув позади себя дверь.

Я не следую за ней. Я все еще стою на месте, глядя на разбитые снежные шары, единственные вещи, которые у меня остались от отца.

Ему нет до тебя дела.

Ему нет до меня дела.

Никому нет до тебя дела.

Может быть, я должна быть рада, что они разбиты. Возможно, начнем с того, что мне никогда не нужно было их хранить. Эта мысль не делает все легче, когда я отклеиваю ноги от пола и направляюсь за мешком для мусора, чтобы убрать беспорядок.

Моя мать ушла к тому времени, как я попадаю на кухню, и одновременно пока боюсь того, где она может быть и что может сделать, я не хочу, чтобы она здесь находилась.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, то начинаю подбирать разбитое стекло. С каждым куском, который я выбрасываю, слеза выскальзывает из моих глаз. К тому времени, как заканчиваю, я уже рыдаю.

Я опускаюсь на пол и обнимаю ноги, прижимая их к груди, позволяя себе поплакать в течение минуты или двух, пока нахожусь на грани потери. Потом я задраиваю шлюзы, заперев внутри боль и беспокойство.

Когда я встаю на ноги, чтобы пойти за своим телефоном, я замечаю, один снежный шар рядом с задней стенкой комода. Я ползу, чтобы посмотреть, какой из них выжил, и не знаю, стоит ли улыбаться или хмуриться на Эйфелеву башню внутри стеклянного шара.

Я не знаю, что это значит, и означает ли это что —нибудь, но я подбираю снежный шар, который подарил мне Бек, и благополучно кладу его ящик комода. Затем подбираю с кровати телефон, чтобы позвонить Винтер, и сделать что — то совершенно необычное для меня: спросить ее, смогу ли я переехать к ней, не имея новой работы, не имея плана. Я не хочу это делать. Я не хочу, ввязываться во что — то, не зная, смогу ли справиться с ситуацией в целом. Но пребывание здесь больше не вариант для меня. Не после этого.

Я набираю ее номер, сидя на своей кровати, затаив дыхание.

— Привет, — бодро отвечает на телефон Винтер. — На самом деле, я как раз

собиралась тебе звонить и узнать, хочешь ли ты пройтись со мной по магазинам. Мне нужно платье для этой глупой вечеринки, которую закатывают родители.

— Я бы с удовольствием, но мне надо на работу, — говорю я, кусая ногти.

— Хорошо, что случилось? Я знаю, что должно быть что — то случилось, когда ты говоришь подобные вещи, что хочешь пойти со мной по магазинам.

— Мне нужна услуга, — всего лишь три слова, но нужна вся моя сила, чтобы заставить их слететь с губ.

— Конечно, — она кажется удивленной. — Что случилось?

— Мне нужно место для жилья, — стыд душит меня. — Я знаю, ты говорила, что Луна может выехать, и я подумала, что, может, я могла бы снять ее комнату на некоторое время.

Она не отвечает сразу же, что заставляет мое беспокойство усилиться.

— Я, правда, хотела бы, чтобы ты позвонила несколько дней назад, — ее интонация выражает раскаяние. — Я только что сдала комнату в аренду другой. Я даже заставила ее подписать контракт.

Моя грудь сжимается, выдавливая из меня каждую унцию кислорода.

— Все хорошо, — я заставляю себя говорить с поддельно ровной интонацией. — Я уверена, что смогу найти другое сдаваемое место.

— Хочешь отправиться на охоту за квартирой со мной? — спрашивает она. — Мы можем начать с проверки мест вокруг университетского городка.

— Все хорошо, — лгу я, зная, что все эти места заняты. — Думаю, я просто поищу завтра после занятий.

— Ты уверена? Я действительно не против пойти с тобой.

— Все в порядке, — я в порядке. В порядке. В порядке. В порядке. Это слово действительно начинает терять всякий смысл.

— Окей, ну, дай мне знать, если ты передумаешь, — она делает паузу. — Хотя, я может и знаю того, кто сдаст в аренду тебе комнату за бесценок.

Отблеск надежды сияет в море отчаяния, в котором я тону.

— Правда? Кто это?

Она колеблется.

— Бек.

Отблеск надежды медленно закипает, превращаясь в тонкий след дыма.

— Я думаю, что сначала проверю квартиры вокруг и посмотрю, как там дела.

Она вздыхает.

— Хорошо, но просто чтоб ты знала, я сомневаюсь, что будет много предложений в середине года. Было бы намного проще, если бы ты просто остановилась у него. Ты всегда можешь съехать в конце года, когда начнут освобождаться места.

Я хочу объяснить ей, почему не могу жить с Беком, но боюсь, что открою ящик Пандоры.

— Я подумаю об этом.

— Хорошо, — она, кажется, расслабляется. — Дай мне знать, что ты решила.

— Дам.

Мы прощаемся, затем вешаем трубку. Я ложусь на кровать и сворачиваюсь клубочком, желая, чтобы жизнь была проще, простой, менее сложной.

Желаю ничего не чувствовать, не чувствовать, что тону, и, что практически вынуждена сделать свой последний вздох.

Глава 18

Бек

Я работаю в офисе отца, сортируя файлы на его компьютере, стараясь не волноваться, что Виллоу не перезвонила мне, когда звонит мой телефон.

Я откидываюсь в кресле, чтобы извлечь его из кармана, надеясь, что звонит Виллоу, поскольку она сказала, что перезвонит. Но на экране мигает имя Винтер, и я мешкаю, не зная, хочу ли ответить. Да, Винтер — моя подруга и все такое, но иногда может быть настоящей занозой в заднице, по крайней мере, для меня. Но игнорирование ее, кажется, своего рода поведением придурка, поэтому я нажимаю на кнопку «ответить» и прикладываю трубку к своему уху.

— Что? — отвечаю я, балансируя телефоном между своим плечом и ухом, чтобы продолжить работу, а не продлевать свое пребывание здесь.

— Вау, отличный способ приветствовать друга, — отвечает она. — Боже, Бек, что же я такого сделала, чтобы взбесить тебя?

Я нажимаю несколько клавиш.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос?

— Наверное, нет, — отвечает она, затем вздыхает. — Эй, ты сегодня разговаривал с Виллоу?

— Да, она звонила мне этим утром, — я делаю паузу, когда натыкаюсь на файл с надписью «Личное дело», тот файл, про который упоминал мой отец, чтобы я его не трогал. Любопытно, я дважды кликаю и открываю содержимое. Затем у меня отваливается челюсть. Святое дерьмо. — Полагаю, она перезвонит мне позже. Если она этого не сделает, я ей сам перезвоню, когда освобожусь после работы.

— Ну, я думаю, что тебе стоит ей позвонить в ближайшее время, — срочность в ее голосе заставляет меня выпрямиться в кресле.

Я отодвигаю свои руки от клавиатуры и откидываюсь в кресле.

— Что случилось?

— Я не совсем уверена. Она совершенно неожиданно позвонила мне около двадцати минут назад, казалась расстроенной и спросила, может ли арендовать мою свободную комнату. Когда я ей сказала, что кое — кому ее уже сдала, она стала еще больше расстроенной, хотя пыталась это скрыть. Я не знаю, почему она всегда пытается сделать вид, что все в порядке, когда это не так. Именно поэтому в итоге у нее будет нервный срыв.

— Да, я знаю, — бормочу я, стуча пальцами по столу. — Все же она не сказала, почему была расстроена?

— Нет, но только могу сказать, что это не связано с тем, что я не смогла сдать комнату ей в аренду. Она была расстроена до этого.

— Тебе следовало ей сказать, что она может переночевать на твоей кушетке. Она ненавидит просить о помощи, и если она направилась к тебе... — я тяжело сглатываю, — должно быть что — то случилось.

— Черт. Я даже не подумала о кушетке. Хотя я говорила, что ей стоит переехать к тебе.

— Сомневаюсь, что это прошло хорошо.

— Да, она не показалась слишком взволнованной из — за этого. Почему?

— Не твое дело.

— Ха, если ты действительно в это веришь, то ты вообще меня не знаешь.

— Нет, я знаю тебя, — говорю я в изнеможении. — Но я должен был попробовать.

— Ну, прекрати пытаться и признавайся, — она делает паузу. — Вы двое опять что — то сделали?

Я жду на секунду дольше, чтобы ответить.

— Вы сделали! — восклицает она. — О, Боже мой, я же говорила Виллоу, что это должно произойти. Что рано или поздно вы двое будете трахаться до потери пульса.

— Мы не трахались. Мы просто... целовались, — и касались. И терлись. И черт снова целовались.

— О, мой Бог, ты прямо сейчас кажешься таким возбужденным, — визжит она. — Это так отвратительно.

— Ну и что? — я даже не утруждаюсь это отрицать. — Это был такой чертовски горячий поцелуй.

— Слишком много информации, Бек.

— Ты подняла эту тему.

Она раздраженно выдыхает.

— Знаешь что? Я думаю, что узнаю подробности от Виллоу. Твои подробности сопровождаются слишком большим количеством шума, который я бы лучше не слышала.

— Зачем тебе вообще нужны подробности? На самом деле, это не твое дело.

— Почему ты это делаешь? — огрызается она. — Почему ты ведешь себя, словно я такой плохой человек?

— Я не веду себя, словно ты плохой человек, — возражаю я. — Я просто не знаю, почему тебе надо все знать. Плюс, если ты спросишь Виллоу о поцелуе, она станет еще более расстроенной.

— Почему? — спрашивает она. — Ей не понравилось?

— Нет... Я думаю, ей понравилось, — я провожу пальцами по своим волосам, резко падая на спинку стула. — Ты же знаешь о ее «никаких — свиданий» правиле, да?

— Да, она упоминала об этом однажды, но я не думаю, что она это всерьез.

— Ну, она серьезна насчет этого, и теперь, из — за того, что мы поцеловались... — я в шаге от того, чтобы прикоснуться к себе, когда образы целующихся нас с Виллоу заполняют мои мысли. — Ну, давай просто скажем, что она пытается изо всех сил быть уверенной, что это не повторится.

— Но ты хочешь, чтобы это снова произошло?

— М — м, да. Я подумал, что было довольно очевидно, из — за шума, который я делал.

— Боже, ты такой отвратительный, — бормочет она. — В любом случае, мы отступаем от темы. Я позвонила, чтобы сказать, что Виллоу расстроена, потому что знаю, ты захочешь о ней позаботиться.

— Я попытался, — я наклоняюсь вперед и опускаю голову в свои руки. — Я снова и снова предлагал ей переехать ко мне, но она такая упрямая. Так что, если у тебя есть хоть какие — то идеи, пожалуйста, поделись. Я бы очень хотел вытащить ее из той задницы, где она сейчас живет. Это место чертовски сомнительное.

— Просто делай то, что всегда делаешь, — отвечает она приторно сладким тоном. — Дубина, твои детские голубые глаза тебя вытянут.

— Я так ни хрена не сделаю.

— Ты так делаешь все чёртово время, и думаю, что знаешь об этом.

— Пофиг, — я поднимаю голову от руки и сажусь прямо. — Я собираюсь повесить трубку, чтобы позвонить Виллоу.

— Дай мне знать, как все пройдет. Я беспокоюсь о ней.

— Как и я, — больше всего на свете.

После того, как вешаю трубку, набираю номер Виллоу. Вызов идет прямо на голосовую почту, а через несколько секунд, я получаю сообщение.

Виллоу: Эй, я на работе, поэтому не могу говорить. Я не выберусь допоздна, поэтому могу я позвонить тебе завтра?

Я: Вообще — то, мы можем завтра пересечься? Мне действительно нужно с тобой поговорить.

Виллоу: Конечно. Все хорошо? Ты казался немного раздражительным по телефону.

Я качаю головой. Не позволю ей беспокоиться обо мне, когда она до подбородка завалена стрессом.

Я: Я в порядке. Клянусь. Я просто очень хочу тебя увидеть.

Затем, в качестве запоздалой отговорки, я добавлю: **Я скучаю по тебе.**

Она не отвечает сразу, и я начинаю беспокоиться, что напугал ее. Затем мой телефон гудит от входящего сообщения.

Виллоу: Я тоже по тебе скучаю. У меня завтра занятие. Я уйду в два, если захочешь прийти. Позже мне надо работать. Может быть, мы что —нибудь перехватим поесть или что — то в этом роде.

Беспокойство в моей груди ослабляется, поскольку она идет на контакт. И потом, она не знает, о чем я хочу поговорить.

Я: Звучит отлично. Если ты захочешь позвонить мне, когда выберешься с работы, тоже можешь это сделать. На самом деле, я хочу, чтобы ты позвонила.

Виллоу: Если это не слишком поздно.

Я вздыхаю, зная, что она не будет благодарна за это но, по крайней мере, пересечется со мной завтра.

Я: Ты всегда можешь мне позвонить. Всякий раз. При любых обстоятельствах. В любое время, когда захочешь.

На этом я заканчиваю переписку, затем на мгновение пытаюсь отпихнуть свои заботы о Виллоу в сторону и подключаю свой телефон к компьютеру. Затем копирую файлы из личной бизнес — папки отца, файлы, которые я достаточно уверен, докажут, что он совершил мошенничество с налогами. Я еще не уверен, но знаю, очень умную девушку, которая в состоянии помочь мне лучше в этом разобраться. И хотя я не знаю, что буду делать, если пойму, что информация верна, но и не повредит иметь под рукой кое — какой материал шантажа, в случае, если он откажется прекратить шантажировать меня работой на него.

Как только я загружаю все файлы, кладу телефон подальше и тянусь за листком бумаги, чтобы поработать над проблемой, которая остро нуждается в решении: убедить Виллоу переехать ко мне.

Хотя, я не думаю, что будет легко получить ее согласие, но у меня есть идея, которая поможет ей увидеть, почему жить со мной лучше, чем жить с матерью. Способ, который поможет ей понять. Способ, который она понимает.

Я нажимаю ручкой на бумагу и начинаю писать список.

Глава 19

Виллоу

Большую часть времени работа — отстой. Вэн продолжает напоминать мне, что скоро я буду на сцене, заходит настолько далеко, что обсуждает, какую униформу я должна буду носить. К тому времени, когда ухожу, я в изнеможении и обеспокоена, еще боюсь и чувствую себя такой грязной. Мой страх лишь удваивается, когда я замечаю на стоянке «Мустанг». Слава Богу, что я не одна, и Роуэн, одна из танцовщиц, идет со мной к машине.

— Когда ты начнёшь выступать на сцене, тебе действительно захочется быть осторожной, выходя сюда, — говорит она мне, пока пыхтит сигаретой. На ней кожаная куртка поверх шорт с блестками и бикини — топа — ее униформы для сцены. — Многие ребята будут пытаться купить время с тобой, но они должны пройти через Вэна, чтобы это сделать.

Я чуть не останавливаюсь, как вкопанная.

— Здесь происходит такое?

Дым клубится на ее губах, когда она одаривает меня *«еще — бы»* взглядом.

— Э — э, да. Для чего, ты думала нужна задняя комната?

— Я не знаю, — я застегиваю свою куртку. — Я думала, может быть это — склад.

Она смеется, стряхивая пепел с сигареты.

— Вэн прав. Ты определенно будешь зажигать на сцене со всем этим своим невинным поведением.

Я предлагаю ей натянутую улыбку, не потрудившись упомянуть, что собираюсь уволиться до того, как это произойдет. Мне хотелось только одного, чтобы на примете уже была чертова работа.

— Ну, спасибо, что проводила меня к машине.

— Да, никаких проблем, — она кладет свою сигарету между губами, прежде чем повернуться и уйти.

Я отваживаюсь взглянуть внутрь «Мустанга», проскальзываю своим ключом в дверцу. Дэйна нет внутри, к счастью, но моя нервозность не уменьшается, когда я открываю дверь и залезаю внутрь.

В ту секунду, как моя попа ударяется о сиденье, я закрываю дверь и замок. Затем вставляю ключ в замок зажигания и...

Грр. Грр. Грр... Проклятый двигатель не заводится.

Я бью своей ладонью по рулю, затем проскальзываю рукой в карман куртки, чтобы достать телефон, неуверенная, кому позвонить, учитывая, что никто не знает, где я работаю. Ну, за исключением моей мамы, но от нее не было бы никакого толка, даже если бы я могла ее перехватить.

— Проблема с машиной?

Звук голоса Дэйна посылает волну страха по моим венам.

Тяжело сглатывая, я фиксирую внимание на своем телефоне.

— Я в порядке, — я открываю текстовые сообщения и прокручиваю свои контакты, делая вид, что спокойна, когда еще от одного стука в окно намочу штаны. Мое сердце лишь сильнее стучит, когда Дэйн пытается открыть дверь.

— Ну же, пусти меня внутрь, — говорит он, дергая за ручку двери. — Я заведу для тебя машину. И даже не буду требовать наличные.

— Уходи, — я сигналию, и он дергается.

Затем быстро принимает исходное положение, прижав лоб к моему окну.

— Сигналь, сколько хочешь, дорогая. Здесь тебя никто не услышит. И даже если услышат, то им будет все равно.

Он прав. Ну, в основном прав, за исключением Эверета. Ему есть дело.

Но его здесь не, не так ли?

А единственный оставшийся парень в твоей жизни, который тебя всегда защищает, находится примерно в тридцати милях отсюда и не знает о твоём грязном маленьком секрете про работу.

Нет, ты справишься с этим самостоятельно.

Я тянусь к баллончику с перцовым спреем, и начинают опускаться вниз окно, готовясь распылить спрей ему в лицо. Но когда «Мерседес» сворачивает около моей машины, я замираю. Меня пробирает страх, когда оттуда выскакивает мужчина сорока лет, одетый в рубашку и джинсы, и шагает в сторону передней части моей машины.

Боже милостивый, я умру сегодня вечером, либо от руки Дэйна, либо от этого человека, который явно преследует меня по причинам, которые, возможно, связаны с моей матерью.

Ты не умрешь. Просто реши эту проблему. Позвони Беку, ведь либо это, либо дать Дэйну или этому богатому чуваку прикончить себя.

Мои пальцы дрожат, когда я начинаю вбивать номер Бека, готовая принять последствия своих действий и молиться, что его не потеряю. Но я делаю паузу, когда парень постарше стремительно несется в сторону Дэйна, бьет его ладонями в грудь и толкает на землю.

— Что за хрень! — кричит Дэйн, двигая ногами.

Мужчина ставит свой ботинок на грудь Дэйна, прижимая его к земле.

— Если ты только приблизишься к ней снова, я, блядь, тебя прикончу. Понял?

Моя челюсть практически шлепается на колени. Какой странный этот отмороженный старикан?

— Пошел ты, старик, — выплевывает Дэйн, сопротивляясь, чтобы встать. — Это не твоё дело, — его лицо кривится от боли, когда мужчина больше наваливается своим весом на грудь Дэйна.

— Я не думаю, что ты в том положении, чтобы решать, не так ли? — спрашивает мужчина, засучивая рукава и обнажая мускулистые, татуированные руки. — Теперь, я собираюсь сдвинуть свою ногу. У тебя есть ровно пять секунд, чтобы встать, сесть в машину, уехать, и никогда, никогда сюда не возвращаться, — с этими словами, он делает шаг назад, снимая ногу с груди Дэйна.

Дэйн встает на ноги, сжав руки в кулаки.

— Ты пожалеешь, что вообще это сделал.

— Один, — мужчина начинает отсчет и звучит так, словно ему скучно.

Дэйн плюет на землю, будто это как — то доказывает, что он — крутой.

— Два, — продолжает мужчина, и глаза Дэйна быстро расширяются. — Три.

Дэйн поворачивается и быстро движется к своей машине. Мужчина продолжает отсчет, когда Дэйн заводит двигатель. Он достигает пяти, когда «Мустанг» вылетает со стоянки, оставляя позади себя облако пыли. Как только задние фонари исчезают с дороги, мужчина поворачивается ко мне.

— Ты в порядке? — осторожно спрашивает он.

— Э — э... Да... — я не знаю, что сказать. Почему он сделал то, что сделал? Если он ожидает оплаты определенного рода...

Должно быть, он читает мою нерешительность, потому что говорит:

— Я просто хотел помочь. Это все.

— Хорошо... Спасибо, — я смотрю в его глаза, которые выглядят поразительно знакомыми под светом фонарного столба. — Я вас знаю?

Вместо ответа, он идет к передней части машины.

— Открой капот, я посмотрю и пойму, почему она не заводится.

Тот факт, что он знает о неприятностях с моей машиной, снова доводит меня до грани.

— Я не смогу вам заплатить, — говорю я. — Деньгами или чем — то еще.

Его глаза увеличиваются, а затем он быстро качает головой.

— Мне вообще ничего не надо.

— Тогда почему вы это делаете?

— Чтобы помочь.

Я не знаю, должна ли ему доверять, но двери заперты и перцовый спрей в моей руке, если он понадобится.

— Хорошо, — тяну за рычаг, который открывает капот.

Он поворачивает защелку вниз и поднимает капот, исчезая из моего поля зрения.

Я задерживаю дыхание, пока он работает, мой палец завис над контактным номером Бека, готовый его набрать, если мне понадобится. Проходит несколько минут, прежде чем мужчина показывается за капотом.

— Поверни ключ и посмотри, заведется ли она, — говорит он.

Я поворачиваю ключ и снова свободно дышу, так как двигатель подает признаки жизни.

Мужчина толкает вниз капот и подходит к окну со стороны водителя теперь с маслянными, скрещенными руками.

— Думаю, тебе, возможно, нужно рассмотреть вопрос о новой машине. Я временно ее подчинил, но двигатель вот — вот развалится.

— Спасибо за совет, — говорю я, перемещая свою ногу к педали газа, желая свалить к чертям отсюда. — И спасибо, что временно починили мою машину.

— В любое время, — он опускает голову, чтобы его взгляд был на одном уровне с моим, и снова, я поражена странным ощущением близкого знакомства. — Я бы очень хотел помочь, чтобы у тебя была новая машина.

Слишком много для его поведения хорошего парня.

— Я уже вам сказала, что — не такая девушка.

— Как ты думаешь, какой девушкой я тебя считаю? — спрашивает он, складка образуется между его бровями.

— Такой девушкой, которая... — мои щеки горят, а слова не покидают рот. Я указываю жестом на клуб. — Такая девушка, которая может быть куплена.

Шок заполняет его глаза, когда он дергается назад.

— Это не то, о чем идет речь.

— Должно же быть что — то, что вы хотите, — огрызаюсь я. — Или просто не предложили бы мне помочь купить машину.

Он медленно подходит ближе, запихивая руки в карманы.

— На самом деле, есть то, чего я хочу.

Я качаю головой, спрашивая, почему же я до сих пор здесь.

— Конечно, есть.

— Твое время, — подчеркивает он. — Вот что.

Моя рука на руле начинает дрожать, когда гнев загорается под моей кожей.

— И я могу только догадываться, что мы будем делать, пока проводим время вместе.

— Ты прекратишь говорить всякое такое дерьмо? Не о том идет речь, — он выглядит потрясенным. Нет, больше, чем это. Он выглядит, словно ему чрезвычайно плохо, и он собирается облевать весь асфальт.

Я не знаю, как все переключилось или почему. Все, что я знаю, — в один момент я смотрю на какого — то незнакомца, который спас мою задницу от Дэйна, а в следующий — смотрю на отца. Только он на пятнадцать лет старше, чем я помню.

— Виллоу, пожалуйста, просто выслушай меня, — говорит он, вероятно, заметив узнавание на моем лице.

Я качаю головой, толкая рычаг, чтобы уехать.

— Держись от меня подальше! — кричу я перед тем, как резко выехать со стоянки.

Я еду, как сумасшедшая женщина обратно в дом, очень часто проверяя зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что он не следует за мной. Он этого не делает, и я не знаю, что это значит. Будет ли он снова пытаться поговорить со мной или уйдет? Я не знаю, какой ответ пугает меня больше всего. К тому времени, как я подъезжаю к квартире, моя кожа влажная от приближающейся панической атаки.

Припарковав машину, я выхожу и, спотыкаясь, бреду в дом. Я направляюсь прямо в комнату матери и начинают рыться в коробках и ящиках, в поисках чего —нибудь — чего —угодно — что докажет, что тот мужчина — не мой отец. Что он не пытается просто так вернуться в мою жизнь после того, как оставил меня с матерью, которая не могла позаботиться о себе, не говоря уже о ребенке.

Когда я была моложе, то проводила ночи, размышляя о том, что, возможно, он умер, и именно поэтому никогда не возвращался. Было больно думать, что он мертв, но так же больно думать о том, что, возможно, он просто больше меня не хотел.

После того, как практически разрываю комнату на части, я нахожу то, что ищу, заправленным под матрац. Моя мама сказала, что выбросила все, принадлежащее отцу, но я знала, что она лжет. И была права.

Я беру в свою руку несколько фотографий, а затем оседают на пол, когда изучаю мужчину, стоящего рядом со мной и моей мамой. Татуированные руки. Знакомые глаза. Мужчина со стоянки.

Моя грудь пульсирует от старой, ноющей раны. Но я отказываюсь плакать из — за своего отца, так что заупориваю печаль и мучительную боль, и запираю ее подальше с остальными проблемами, с которыми не готова иметь дело.

Я знаю, что просто выжидаю время. Рано или поздно, все это догонит меня.

Глава 20

Виллоу

Этой ночью моя мама не приходит домой, и часть меня этому рада. Я пока не хочу видеть ее или отца. Честно говоря, я не уверена, что хочу увидеть кого —нибудь из них, даже если и испытываю чувство вины и тошноту, думая о таких ужасных вещах.

На следующий день я решаю прогулять занятия по химии, чтобы избежать еще одной проблемы, с которой я не готова иметь дело. Но я никогда не была одной из тех, кто прогуливает занятия, поэтому еду в школу, обеспокоенная тем, что моя нынешняя работа будет темой сочной сплетни. Хотя, по — видимому, Эверет — не такой уж и сплетник, это я выясняю после занятий, когда сталкиваюсь с ним в коридоре.

Буквально.

— О, Боже мой, мне так жаль, — бормочу извинения, спотыкаясь, когда отхожу от него, чувствуя себя идиоткой за то, что врезалась в него, пока смотрела в свой телефон. Я отвлеклась, проверяя свою электронную почту, чтобы увидеть, ответили ли мне с какой — нибудь работы, куда я обращалась за трудоустройством.

Пару мест предлагают мне должность, но они платят не очень много. Тем не менее, я, возможно, могла бы уйти, согласившись на две работы, если придется.

Эверет понимающе улыбается.

— Все нормально. Я тоже не очень хорош в том, чтобы набирать сообщения во время ходьбы.

— Тем не менее, мне стоило знать лучше после того, как врезалась в людей множество раз, — улыбаюсь в ответ, нервозность бурлит в моем животе из — за того, что он знает мой секрет.

— Я уверен, что все это делают, — он осматривает коридор, затем наклоняется, сжимая книгу в мягкой обложке, которую держит. — На самом деле, я рад, что столкнулся с тобой. Я хотел убедиться, что ты в порядке.

— Да, я в порядке, — тихо бормочу, тревога несется по моим венам.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя неудобно, и обещаю, что никогда снова не подниму эту тему, — говорит он приглушенным тоном. — Но ты убежала так быстро... От этого я запереживал, что тот парень мог тебе навредить или что — то в этом роде.

— Я не из — за этого сбежала, — подтягиваю ремень своей сумки выше на плечо и всматриваюсь в практически безлюдный коридор. — Просто я была удивлена, увидев там кого — то знакомого.

Он понимающе кивает.

— Я никому ничего не скажу. У всех нас есть такие вещи, и мы не хотим, чтобы о них знали другие люди, не так ли?

Я киваю, удивленная его искренности.

— Спасибо. Я действительно это ценю.

Улыбаясь, он открывает рот, чтобы что — то сказать, но подходит Бек.

— Привет, — он останавливается рядом со мной, становясь так близко, что наши плечи соприкасаются. Его взгляд скачет между Эверетом и мной, прежде чем, наконец, остановиться на Эверете. — Как дела, чувак?

— Не очень, — Эверет засовывает книгу в задний карман своих выцветших джинсов. — Ты снова играешь в футбол в эти выходные?

— Я думал об этом, но сначала мне нужно проверить несколько вещей. — Бек затихает, потирая затылок.

Эверетт поднимает бровь, типа говоря «окей?».

— Тогда, предполагаю, что мы увидимся там, — он смотрит на меня. — Увидимся на занятиях на следующей неделе?

Я киваю, а затем он направляется вдоль по коридору, откапывая в своем кармане

телефон.

Я нервно поворачиваюсь к Беку. Я не видела его с тех пор, как отдала тот список. Честно говоря, я не знала, что бы почувствовала, снова находясь рядом с ним, если бы потеряла контроль. Но, кажется, что его близость успокаивает полный завал дерьма, которым в настоящее время набита моя грудь.

Я осторожно его осматриваю, жуя свою губу. На нем серая рубашка с длинными рукавами, джинсы и круглая шапочка, из — под которой торчит несколько прядей волос. Мои глаза путешествуют к его губам, и я ловлю себя на том, что прикасаюсь к своим губам, вспоминая наши поцелуи, какие мягкие у него губы, как прекрасно ощущение, когда ты их кусаешь, какой прекрасной на мгновение кажется жизнь. Полной, совершенной и чудесной. Улыбаюсь все время, трепет в моем сердце, покалывание на моей коже — все идеально. Но это было лишь иллюзией, кое — какие воспоминания из прошлого.

Я быстро стараюсь подавить ментальные образы того поцелуя, а мои чувства выходят из строя от приятного запаха его одеколона, его всепоглощающего тепла, и от моего желания снова к нему прикоснуться.

Я впиваюсь ногтями в свои ладони. *Не смей. У тебя и так уже есть слишком много всего, о чем стоит беспокоиться.*

Бек переводит свой взгляд на меня, его глаза заполняют знаки вопроса и неопределенности. Интересно, будет ли он поднимать тему списка, или же мы просто будем вести себя, словно ничего не произошло, как мы поступили после последнего поцелуя.

— Ты его знаешь? — спрашивает Бек, кивая в сторону Эверета, который находится где — то вдалеке.

— Э — э, да. Он в моем классе по химии, — *что ж, он спросил не то, что я ожидала.* — Он кажется милым.

Он кивает, изучая меня внимательно.

— Так и есть.

Станный болезненный взгляд на его лице вызывает во мне чувство растерянности.

— Откуда ты его знаешь? С футбола?

— Да, он играет в одной из городских лиг, и мы несколько раз болтали после игры, — он закатывает рукава своей рубашки, глядя в коридор, потом снова на меня. — О чем вы, ребята, говорили до того, как я подошел?

Я пожимаю плечами, ненавидя себя, потому что собираюсь снова ему солгать.

— Ни о чем. Просто о домашнем задании.

У его бровей формируется складка, когда он снова меня изучает, словно пытается разгадать мои мысли.

— Было похоже, что у вас обоих был довольно напряженный разговор.

— Задание было для выпускного экзамена, а ты знаешь, как я отношусь к выпускным экзаменам, — чувство вины пробивает мою грудь, затрудняя поступление воздуха в легкие. Я не могу сказать Беку правду. Не об этом. Что я могу сделать — это поговорить с ним о моем отце. Хотя, не сейчас, пока мы одни, на случай, если я потеряю контроль.

Он снова смотрит в коридор, потом снова фиксирует свой взгляд на меня.

— Ты не... Между вами двумя что — то происходит?

— Что! — вскрикиваю я, привлекая внимание людей, проходящих мимо. Я медленно приближаюсь к нему и понижаю свой голос. — Почему ты так думаешь?

Он пожимает плечами, его челюсть плотно сжимается.

— Потому что это, как бы, именно так и смотрелось, учитывая, как близко вы двое стояли друг к другу. И у тебя было то выражение на лице, словно ты расслаблена.

Скорее я испытала облегчение от того, что Эверет никому не собирался рассказывать мой секрет.

Тем не менее я не хочу, чтобы Бек думал, будто я с кем — то встречаюсь, особенно после того, как я подняла такой большой шум из — за поцелуя и из — за того, что мы больше никогда этого не сделаем.

— Я честно, ни с кем не встречаюсь, в том числе и с Эверетом, — говорю ему, и напряжение в его теле ослабевает. — Ты должен об этом знать, учитывая... ну, все, — снова мой взгляд притягивается к его губам, когда образы наших поцелуев пролетают в моих мыслях. Моя кожа нагревается, как липкий растопленный шоколад, шоколад, который я хочу съесть... попробовать... и... я моргаю.

О, мой Бог, что, черт возьми, со мной не так? Я потеряла весь свой самоконтроль.

Паникуя из — за своих мыслей о самоконтроле, я поспешно меняю тему.

— Итак, чем ты занимался на прошлой неделе? Такое чувство, что я не видела тебя несколько столетий, — *точнее, прошло семь дней, как я вручила тебе список. Но кто считает?*

— Да, знаю. Я хотел потусоваться, но был занят.

— В школе?

Его плечи тяжело опускаются.

— И на работе.

— С каких пор ты занят на работе? Я думала, что это была, своего рода, причина иметь свой собственный бизнес и делать то, что хочешь: ты сам составляешь свой график.

— Не с этой работой, — он кажется раздраженным, хотя, я не думаю, что это из — за меня.

Я запикиваю в сумку учебник, который держу.

— У тебя другая работа? С каких пор? О, из — за нее ты рано не спал, когда я вчера тебе позвонила?

Он кивает, затем указывает жестом следовать за ним.

— Ну же. Я объясню, пока мы будем идти, — он начинает идти по коридору, затем останавливается. — Мы же все еще общаемся, да?

Я киваю.

— Конечно. Я уже собиралась тебе писать, когда столкнулась с Эверетом.

Его губы искривляются от досады при упоминании Эверета, но когда он замечает, что я за ним наблюдаю, то выдавливает из себя фальшивую улыбку.

— Хочешь пойти в кафе на углу? На самом деле, есть кое — что, о чем мне действительно нужно с тобой поговорить, кроме моей текущей работы, а там довольно тихо.

— По мне, звучит хорошо, — я улыбаюсь, беспокойство растет, когда я думаю обо всем том, о чем он хотел поговорить со мной. — Это же не что — то плохое, да?

Он смотрит на меня растерянно.

— Что?

— То, о чем ты хочешь со мной поговорить.

— Нет, не совсем. По крайней мере, я так не думаю.

— Можешь мне только намекнуть, чтобы я не волновалась? — спрашиваю я, когда мы толкаем двери и шагаем в теплый солнечный свет.

— Ну, что в этом веселого? — он хихикает, взглянув на мое лицо, затем скользит своей рукой вокруг моего плеча.

Я микросекунду напрягаюсь и решаю отстраниться. Но потом мной овладевает это чувство безопасности, и я прижимаюсь к нему.

Боже, я нуждалась в этом больше, чем осознавала.

Нуждалась? Слово посылает панику и шок через мое тело.

Нуждалась.

Нуждалась.

Нуждалась.

Начало падения моей мамы.

Я начинаю отклоняться в сторону.

— Расслабься, — его губы растягиваются в прелестную однобокую улыбку, которая убеждает меня остаться. — Кафе находится всего в двух минутах отсюда.

— Целых две минуты, — шучу я. — Я думаю, что ты переоцениваешь мое терпение.

— Обычно, ты довольно терпелива.

— Не тогда, когда ты говоришь мне, что нужно о чем — то поговорить.

— Это просто идея, которая у меня родилась, — объясняет он, когда мы идем по лужайке под тенью деревьев.

— О чем?

— Обо мне и моей помощи тебе с переездом из той квартиры.

Я замедляюсь до полной остановки.

— Бек, я очень ценю твою помощь, но...

Он кладет палец на мои губы.

— Никаких протестов, пока не выслушаешь меня, хорошо? Просто предоставь это мне.

Ну, блин. Как я мог отказать ему, особенно, когда он хлопает этими своими небесно — голубыми глазами?

Я неохотно киваю.

— Окей, я выслушаю тебя, — мои губы шевелятся под его пальцем, а его взгляд скользит к моему рту, его язык выскальзывает, чтобы облизать губы. — Но только потому, что ты — мой лучший друг, — указываю я легким тоном, но звучу придушенно — напуганной.

Желание вспыхивает на его лице, и мое сердце спотыкается от его взгляда. Слава Богу, он отрывает свое внимание от моих губ до того, как я упаду на землю.

— Это единственная причина, а? — дразнит он. — Так что это значит? Что ты никому никогда не давала высказаться?

— Не всегда, — шучу я фальшивым голосом, который заставляет меня съежиться. — Думаю, ты должен считать себя очень везучим.

Мы снова начинаем идти, отступая на тротуар и направляясь к углу.

— О, я такой, — уверяет он, улыбаясь от уха до уха. — Особенно сейчас.

Мои брови хмурятся.

— Почему сейчас?

Он подмигивает мне.

— Я здесь с тобой.

Я закатываю глаза.

— Это куда не годится.

Он пихает меня плечом.

— Не притворяйся, что тебе это не нравится.

Я снова закатываю глаза, но когда он снова мне улыбается, а мое сердце трепещет, меня пронзает страх. Я не знаю, нервничаю ли я из — за поцелуя или же все навалившееся напряжение превратило меня в раздражительного психа. Но мне не нравится нервничать рядом с ним, не тогда, когда он — единственный человек, который меня успокаивает.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он и, похоже, тоже внезапно начал волноваться.

— О домашнем задании, — лгу я. *Боже, я отвратительна.*

Солнечный свет отражается в его глазах, пока он оценивает меня.

— Ты уверена? Ты, кажешься... нервной.

— Сейчас тебе бы следовало уже знать, что я просто нервный человек, — напоминаю ему я, как мы спрыгиваем с тротуара, чтобы перейти улицу.

— Да, но еще я знаю что, если кто и может тебя успокоить, то это — я. — гордо усмехается он. — Так что же мне нужно сделать?

Поцелуй меня снова.

Прикоснись ко мне снова.

Заставь меня вернуться к звездам.

Что, черт возьми, со мной не так?

— Скажи, о чем ты хочешь со мной поговорить, — отвечаю я, когда мы приходим ко входу в необычную кофейню. — А потом мне надо кое о чем с тобой поговорить.

Его бровь приподнимается, когда он смотрит на меня.

— Тебе?

Я киваю.

— Вчера произошло много всякой фигни, — когда его губы приоткрываются, я кладу на них свой палец так, как делал он. — Сначала говоришь ты, потом я.

Он медленно кивает с недоумением, в его глазах озорной блеск. Вскоре я понимаю, что означает этот взгляд, когда он прикусывает мой палец, а затем отступает, а моя челюсть падает до колен.

Когда доходит до двери, он тянет ее и указывает жестом проходить первой, поклонившись как полнейший чудака.

— Моя леди.

Это заставляет меня засмеяться.

Он ухмыляется.

— Я знал, что тебя это покорит.

Я закатываю глаза, не обращая внимания на жаркие эмоции, сосредоточившиеся внутри меня.

— Ты такой чудака, — я вхожу в кофейню, вдыхая вкусные ароматы кофе и выпечки.

Он отпускает дверь, которая захлопывается позади нас.

— А ты нет?

Я становлюсь в очередь, просматривая меню.

— Нет, совсем нет. Я противоположность «чудаку».

Он придвигается ближе, и я напрягаюсь, сомневаюсь, хочу и боюсь. Хочу. Боюсь.

— Тусовка в конце одиннадцатого класса, — шепчет он мне на ухо. — Ты провела всю ночь, притворяясь, что ты волшебница, и бросаясь во всех магических заклинаниями.

Мне потребовалась секунда, чтобы услышать его слова через затуманенность в моей

голове.

— Я была пьяной, — мой голос хриплый, и я быстро прочищаю горло. — Обычно я не делаю ничего подобного.

— В начале десятого класса, — говорит он. — Ты заставила меня нацепить всю эту странную стимпанк фигню, которую собирала. [«стимпáнк» (или паропáнк) (от англ. steampunk) — направление научной фантастики, моделирующее цивилизацию, в совершенстве освоившую механику и технологии паровых машин]

— Эй, не понимаю, почему это делает меня чудачкой, — намек на улыбку появляется на моих губах. — Ты — тот, кто нарядился.

Он слегка сжимает мое бедро, и мое тело потряхивает, моя спина выгибается к нему, а зад трется о его бедра. Напряжение накаляется, и мы оба замираем. Бек громко дышит. Или, может, это я. Очень трудно сказать, когда мы так близко.

Что, черт возьми, происходит? Это, как и те поцелуи, сломало мою способность ясно мыслить.

— Чего желаете? — спрашивает девушка — кассир, прерывая этот момент.

Я прыгаю вперед, переводя дыхание, чтобы успокоить свое сумасшедшее сердце.

Проклятье. Я должна была добавить к списку правило «о касаниях». Но я действительно не думала, что между нами все будет так плохо. Раньше никогда такого не было. Опять же, я никогда не терлась о Бека своими бедрами, не теряла самообладание. Снова и снова, и снова...

— Мисс? — кассир смотрит на меня, как будто я чудачка, в чем меня обвинил Бек. — Вы собираетесь что —нибудь заказывать?

Я смотрю на нее из — за меню.

— Ммм...

— Она будет карамельный латте, — Бек подходит ко мне, призрак улыбки танцует на его губах. — А я буду моккачино. И мы оба будем сандвич с ветчиной и индейкой.

Я благодарно улыбаюсь ему, а он мне подмигивает, прежде чем повернуться к кассиру.

Она улыбается Беку, накручивая на палец прядь своих ярких волос, и все это с глазами лани.

— Хотите к этому какое —нибудь печенье? Оно продается по две штуки за доллар.

Бек смотрит на меня, кажется, сильно развеселившимся.

— Что думаешь, принцесса? Хочешь погрызть что —нибудь сладкое?

Я сражаюсь с непреодолимым желанием снова посмотреть на его рот.

— Конечно.

Его глаза блестят от восторга, когда он оглядывается на кассира.

— Мы возьмем два с шоколадной стружкой.

Ее пристальный взгляд пляшет между нами двумя. Затем она раскручивает с пальца свои волосы и вбивает заказ.

— За все девятнадцать пятьдесят семь, — ее тон больше не такой дружелюбный, и я улыбаюсь про себя, хотя и не имею права.

Я поворачиваю сумку, чтобы откапать свой кошелек, но Бек шлепком убирает мою руку.

— Я угощаю, — говорит он, извлекая из джинсов свой бумажник.

— Я заплачу за себя, — твердо говорю ему я, скользя рукой в сумку.

— Пожалуйста, просто дай мне заплатить за это. В любом случае, именно я предложил выпить кофе, — он открывает свой бумажник и вытягивает двадцатку.

— И что? Я — та, кто будет его пить, — беру свой кошелек, достаю десятку, потому что это все что у меня есть, и передаю ему банкноту. — Я заплачу за свой напиток и еду, или не притронусь к ним.

Он колеблется перед тем, как взять от меня деньги и запихнуть в свой бумажник.

— В следующий раз, покупаю я.

Я игнорирую замечание.

— И не пытайся просунуть их обратно в мой кошелек, когда будешь считать, что я не вижу.

Шок вспыхивает в его глазах, но он быстро отводит взгляд.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Ты так делаешь.

— Нет.

— Бек, ты такой...

— О, смотри, столик освободился, — он спешит к столику возле окна и садится.

Я говорю кассиру свое имя, затем направляюсь вокруг столов и падаю на стул напротив него.

Снимаю с плеча свою сумку, ставлю ее у ног, и прислоняюсь руками к столу.

— Окей, что тебе нужно сказать о моей ситуации с жильем? — тон моего голоса формальный, будничный, несмотря на сумасшедше — помешанное сердце.

Он усмехается, по уголкам его глаз собираются морщинки.

— Серьезно, ты иногда самый нетерпеливый человек.

Я тянусь через стол, чтобы быстро ударить его руке, но он бросает свою другую руку на мою, прижав мою ладонь к столу.

— Теперь ты моя пленница, — он злобно ухмыляется. — И я тебя никогда не отпущу.

Мое сердце ускоряется от контакта, и не обязательно в плохом смысле. Я пытаюсь пошевелить рукой, чтобы высвободить ее, но он отказывается отпустить.

— Ни за что, — говорит он. — Я тебя не отпущу, пока полностью не услышишь мою идею.

— Ты заставляешь меня нервничать...раз тебе приходится меня удерживать, чтобы сказать что бы ты там ни собирался.

— Просто хочу произнести свою речь без каких — либо прерываний. Вот и все.

— Но ты боишься, что я попытаюсь удрать?

— Не совсем удрать, а скорее уйти, когда я начну говорить, ты, возможно, не захочешь это слушать.

— Я так не сделаю, — говорю я, прижимая свою руку к столу.

— Иногда ты так делаешь, — он чертит большим пальцем на моей руке, и я дрожу. — Ты сделала так на поле.

Огромный слон в пачке и пуантах появляется между нами и начинает вертеться вокруг, когда неловкая тишина наполняет воздух. Часть меня хочет, чтобы мои губы слиплись, и никогда больше не говорит о том, что произошло, и пусть слон танцует и кружится между нами до конца жизни. Другая часть меня знает, как это будет отвлекать. А желание отвлечься привело меня к тому, что в прошлую пятницу я напилась, что в свою очередь привело к поцелуям с Беком.

— Итак, как твоя идея поможет моей ситуации с жильем? — я заставила слона убраться прочь.

Его брови вскинулись, как будто он наполовину ожидал, что я вообще ничего не скажу.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне.

Я чувствовала, что он собирался это сказать.

— Не думаю...

Он быстро протягивает свою свободную руку через стол и аккуратно кладет ее на мой рот.

— Пожалуйста, просто выслушай всю мою речь, прежде чем отказывать, ладно? Это не так плохо, как ты думаешь. По крайней мере, я так не думаю.

Я нерешительно киваю, несмотря на то, что не хочу, но у него на лице такой умоляющий взгляд.

Чтобы уменьшить то, что сгустилось между нами, я шучу.

— Боже, да ты, должно быть, в отчаянии... — мой губы двигаются под его ладонью, когда я говорю, а в животе резвятся бабочки. — Если тебе приходится прикреплять мою руку к столу и затыкать мне рот.

Он убирает ладонь, его уголки рта угрожают приподняться вверх.

— Ну, отчаянные времена требуют отчаянных мер, — он кладет вторую руку поверх моей. — Ты делаешь меня отчаявшимся человеком, Виллс.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому вообще ничего не произношу. Внутри, мое сердце реагирует судорожным трепетом. Чертово, маленькое извращенное нечто. Оно должно снова начать работать нормально.

Его губы подрагивают на мое молчание, пока он гладит тыльную часть моей ладони кончиками пальцев.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не оборвать его прямо там.

— И я знаю, ты не хочешь подачек от меня, но это не то, чем кажется. Уверяю. Seriously, думаю, ты могла бы платить небольшую арендную плату. Таким образом, ты будешь себя чувствовать более комфортно, — он вздыхает. — Помимо этого, я знаю, что ты, наверняка, думаешь о списке и том, что его существование — хороший повод, чтобы не переезжать ко мне, но уверяю, что это только сделает ситуацию лучше, потому что она даст нам границы. Она будет держать нас в рамках, так что мы останемся... просто друзьями, — он тяжело сглатывает в последней части.

— Мне нравится это предложение, — и части меня оно действительно нравится. — Просто я не думаю, что это хорошая идея, учитывая все то, что произошло. И к тому же, я никоим образом не могу себе позволить арендовать у тебя комнату.

— Я это знаю, — говорит он. — И именно поэтому я хочу сделать арендную плату такой, какую ты сможешь себе позволить. Не то, чтобы мне были нужны деньги, поэтому это вообще не имеет значения. Я просто позволяю тебе платить арендную плату, потому что знаю, что ты не согласишься на это, если я так не делаю.

— Я знаю, что тебе не нужны деньги, но... — я напрягаю свой мозг в поисках оправдания. Мне страшно. Страшно переезжать. Страшно переезжать к парню, с которым я целовалась. Страшно переезжать к парню, которого я хочу поцеловать. — В таком случае, зачем тебе вообще нужен сосед? Я имею в виду, что люди, как правило, ищут соседей, чтобы разделить стоимость арендной платы.

— Не хочу делать это только потому, что мне нужен сосед, — акцентирует он. — Я хочу это сделать, чтобы убрать немного стресса, которому твоя мать подвергает тебя на

протяжении нескольких лет. И я знаю, что ты хочешь выехать из той квартиры. Ты даже звонила Винтер, чтобы узнать, можешь ли арендовать у нее комнату.

Моя голова наклоняется в сторону, брови сходятся вместе.

— Тебе позвонила Винтер и рассказала об этом?

— Конечно, она это сделала. Она беспокоилась о тебе. Она заботится о тебе, — он обхватывает мою ладонь своими руками. — Она сказала, что ты была расстроенной... Что — то произошло?

Заботится?

Заботится.

Заботится.

Заботится.

По словам моей матери, никому до меня нет дела.

Яжимаю плечами.

— Моя мама пришла домой, требуя денег на наркотики. Вот что. Я даже не знаю, почему так расстроилась. Не то, чтобы она никогда так раньше не делала.

— Принцесса... — он держит мою руку так, словно она самое ценное в мире. — Так было не правильно каждый раз, когда она это делала, и думаю, что в глубине души ты об этом знаешь. Ты заслуживаешь гораздо большего, даже если так не считаешь, — он чертит своим большим пальцем круги на тыльной стороне моей ладони и смотрит на меня, будто ожидает, что я что — то скажу. Я знаю, что если открою рот, то просто развалюсь. — Позволь мне помочь, пожалуйста. Я хочу... Я хочу заботиться о тебе.

— Мне не нужно, чтобы хоть кто — то заботился обо мне. Я в порядке, — я задыхаюсь от лжи. Правда в том, что я хочу принять его предложение, потому что боюсь, что не получу достаточно хорошую работу, что буду не в состоянии платить арендную плату, что буду жить в постоянных переживаниях — не умерла ли моя мама. Того, что буду женщиной, которая стояла передо мной в моей спальне, выпрашивая деньги и уничтожая снежные шары, которые мне подарил папа, только потому, что у меня не было денег. Женщиной, которая сказала своей собственной дочери, что всем на нее плевать.

Я втягиваю в себя воздух, и еще раз пытаюсь собраться. Я постоянно волновалась и беспокоилась на протяжении нескольких недель, и чувствую себя так, словно стою на вершине скалы и вот — вот упаду.

Он проводит по сгибу моих пальцев.

— Ты не в порядке. Я тебя знаю. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понимать твое беспокойство из — за матери. Так же, как знаю, что эти мешки под глазами из — за того, что ты не спала прошлой ночью, вероятно, потому что беспокоилась о своей маме и счетах, и Бог знает, о чем еще. Я могу тебе помочь, если ты только мне позволишь, — его голос смягчается. — Просто скажи «да», переезжай ко мне, и позволь мне забрать из твоей жизни чуточку стресса.

Он предлагает слишком много.

Я так сильно этого хочу.

— Ты уже заботился о моей жалкой заднице слишком много раз, — я тру лоб свободной рукой, чувствуя, что подкрадывается головная боль.

Я бы хотела иметь возможность полностью объяснить ему, почему не могу принять его помощь. Объяснить, что ненавижу полагаться на людей. Мне нужно заботиться о себе. Я ненавижу доверять людям, когда они постоянно нарушают это доверие, как мой глупый

отец, который думает, что он может уйти, а потом просто вернуться, и что все будет в порядке. Как моя мама, которая разрывает меня в клочья, когда я не делаю то, что она хочет. Я хочу объяснить, как все чертово время я боюсь ошибиться, превратиться в свою мать, стать ужасным человеком, достичь совершенства, а потом его потерять, потерять Бека, что мое сердце разобьют. И не просто разобьют, а того, что это сделает он...

Что за черт? Когда это изменилось? Когда я перестала беспокоиться о том, что мое сердце вообще будет разбито, а стала беспокоиться только о том, что Бек разобьет на куски мое сердце?

В моих барабанных перепонках стучит кровь, когда все страхи и тревоги одновременно проходят через меня. Паника сдавливает горло. Я практически падаю со скалы. Падение, которое, я думаю, происходит уже на протяжении нескольких месяцев.

— Успокойся и сделай глубокий вдох, Виллс. Все нормально, — он сжимает мою руку. — Я собираюсь отпустить твою руку. Мне нужно достать кое — что из кармана.

Я подчиняюсь, вдыхая и выдыхая, пока он лезет в свой карман. Я ожидаю, что он вытащит свой телефон, поэтому, когда он кладет на стол сложенный листок бумаги, замешательство пронзает бурю моего беспокойства.

— Что это? — спрашиваю я, когда он толкает бумагу через стол ко мне. — Это тот список, который я тебе дала?

Он качает головой, не отрывая от меня глаз.

— Хотя, это список включает все причины, по которым ты должна ко мне переехать.

Когда я не поднимаю бумагу, он берет мою руку и кладет листок в мою ладонь.

— Я знал, что разговор с тобой, вероятно, не сработает, — говорит он. — Тебе нужно что — то настоящее, на то можно посмотреть, и над чем можно подумать.

Я складываю пальцы вокруг бумаги, когда слезы угрожают пролиться из моих глаз. Как он может так хорошо меня знать? Как он может меня *видеть*?

Что еще он видел?

Я держу бумагу, слишком напуганная тем, чтобы посмотреть на список, боюсь того, что там, и чего там нет. Боюсь того, что захочу того, что там написано.

— Бек, мне, правда, нравится твое желание помочь — серьезно, — говорю я, пытаюсь дышать и ясно мыслить. — И то, что ты заботился обо мне все эти годы, хотя не должен был... Не существует слов, которые могут выразить то, как я благодарна. Ты — мой герой. Серьезно, я не знаю, где бы я была без тебя... если бы я вообще была бы жива. Что может прозвучать драматично, но я не шучу. Как много раз ты меня подвозил, спасал меня от ночевки в машине и от преследования со стороны наркоторговцев. Или тогда, когда моя мать высадила меня на углу улицы рядом с притоном, потому что ей хотелось, чтобы я сходила и купила ей наркотики, а когда я отказалась, она разозлилась и выгнала меня из машины. Ты приехал и забрал меня, а я была так напугана из — за тех людей, которые все время пытались меня убедить зайти в свои дома... И я серьезно думала, что они убьют меня... — затихаю я, когда начинают капать слезы. — Но тебе больше не нужно обо мне заботиться. Поверь мне, если бы ты знал всю историю, ты бы прекратил так усердно пытаться.

— Ты не права, — он хватается меня за руку, когда я качаю головой и начинаю отстраняться. — Может быть, тебе стоит рассказать мне всю историю и позволить мне судить об этом.

Я не могу сказать ему.

Не расскажу.

Я не буду рисковать, и терять его.

Я не смогу справиться с тем, что он будет по — другому на меня смотреть.

Я хочу, чтобы он всегда смотрел на меня так, как он смотрит сейчас.

С состраданием.

И с потребностью.

С желанием.

И еще с чем — то, что пугает меня до смерти, с чем — то, что я уверена, может нарушить правило под номером три из списка.

Но, когда мой губы раскрываются, все, что из них выливается: глупые и уродливые слова, которые подводят итог плохим решениям, которые я приняла за несколько месяцев. Моя работа. Ложь, которую я ему сказала. Как сильно я себя ненавижу. То, что объявился мой папа. Как сильно, я думаю, что ненавижу его и мою маму. И это все — я, и я это ненавижу. И как он может хотеть что — то такое некрасивое и испорченное?

Когда я заканчиваю, стоит тишина. Никто из нас не двигается. Мы только дышим. Даже тогда, когда называют мое имя, чтобы забрать наш заказ, ни один из нас двигается с места и ничего не говорит.

На самом деле, осталось ли что — нибудь, что еще можно сказать?

— Я не могу дышать, — шепчу я, глядя на стол, не в силах смотреть на него.

Я хочу забрать все это обратно, но не могу.

Моя грудь разрывается, когда продолжается молчание.

Внутри меня создается давление.

Держись, Виллоу. Не теряй свое дерьмо.

— Виллс, я даже не осознавал, что было так...

Его перебивают ножки стула, которые скребут пол, когда я вскакиваю на ноги.

Я мчусь от него, как трусиха, вбегаю в туалет и закрываюсь в кабинке. Затем оседаю на пол, сжимая список Бека, в то время как рыдаю навзрыд. Прямо. Как. Моя. Мать.

Не знаю, как долго я плачу, но к тому времени, как останавливаются слезы, мои глаза опухли, а грудь болит. Я думаю о том, чтобы встать, но двигаться — значит столкнуться с Беком, а я не думаю, что уже готова. То есть, если он еще там.

Это имеет значение? В конце концов, ты должна встать с пола в туалете.

Сглатывая стыд и агонию, я хватаюсь за какую — то ткань, но затем замечая список, зажатый в руке. Я раскрываю пальцы. Посмею ли я его прочесть? Смогу ли я справиться с тем, что в нем?

Имеет ли это еще значение?

Зная, что Бек, вероятно, никогда снова со мной не заговорит, я делаю глубокий вдох и начинаю читать.

Все причины, почему ты должна ко мне переехать:

Потому что это сделает твою жизнь немного легче.

Потому что это позволит устранить чуточку стресса.

Потому что тебе не придется беспокоиться о том, как заснуть во время громких, отвратительных вечеринок. На самом деле, последнее слово всегда будет за тобой касательно того, устраивать ли у нас вечеринку.

Мое жилище ближе к школе, а это означает, что тебе не придется так много ездить на том куске дерьма, на твоей машине.

Потому что я люблю, когда ты рядом.

Потому что мы можем драться подушками в два часа ночи.

И не забывай о тех полуночных разговорах, которые у нас постоянно происходят. Только, вместо того, чтобы разговаривать по телефону, мы можем вместе лежать в постели и говорить.

Потому что я буду самым клёвым соседом, который у тебя когда — либо был.

Потому что, пока ты думаешь, что не заслуживаешь помощи от кого — то, это не так.

Потому что, когда мы были моложе, я дал тебе обещание, и, безусловно, самая главное для меня — это быть уверенным, что сдержу это обещание.

Потому что каждую ночь, когда ты в той квартире, я лежу в постели и не сплю, волнуясь из — за тебя.

Потому что твоя мама не заслуживает того, чтобы ты была рядом с ней.

Потому что ты не должна платить арендную плату за свою мать, когда она так плохо к тебе относится.

Потому что я хочу, чтобы ты жила со мной больше, чем, думаю, ты осознаешь.

Потому что ты — мой лучший друг, и я забочусь о тебе больше, чем о ком — либо в мире.

У меня есть больше, но, на данный момент, я остановлюсь на этом. Если ты не согласишься на это, я сделаю достаточно длинный список, который ты будешь читать вечность, и тогда ты просто застрянешь со мной, пока не закончишь.

Забота.

Забота.

Забота.

Он заботится обо мне больше всего в мире?

К тому времени, как я дохожу до конца, то не знаю, то ли плакать, то ли смеяться.

— Я хочу забрать все назад, — шепчу я сквозь слезы. — Не только ложь, но и решения.

В этом все дело. Я не могу забрать все обратно, независимо от того, как сильно этого хочу.

Я не знаю, как долго нахожусь в кабинке, давая слезам скатываться из моих глаз, но, в конце концов, мне удастся поднять свою задницу с грязного кафельного пола.

Повернув защелку двери, я открываю кабинку, выхожу, и сразу же останавливаюсь, моргая и моргая, и снова моргая, интересно, стресс, наконец, стал причиной моих галлюцинаций. Независимо от того, сколько раз я моргаю, Бек стоит, прислонившись к двери туалета, с моей сумкой в руке и на его лице такой взгляд, словно он собирается приблизиться к пугливому коту.

— Что ты здесь делаешь? — я тру глаза, пытаюсь вытереть все слезы. — Это туалет для девочек.

— Серьезно? — издевается он, как будто потрясен. — Хорошо, что ты мне сказала. Я собирался отлить в одну из раковин.

Я улыбаюсь, но движение причиняет боль.

— Ты такой маленький нарушитель правил.

— Я знаю, — его пристальный взгляд заставляет меня сделать шаг назад.

Я делаю еще один шаг назад, пока он приближается ко мне, останавливаясь только, чтобы не врезаться в стену.

— Не волнуйся; я не собираюсь нарушать твои правила, — говорит он, останавливаясь передо мной.

По правде говоря, нарушение правил было последней мыслью в моей голове.

Я тяжело сглатываю, умоляя свой голос стать полу — нормальным.

— Почему ты здесь?

— Чтобы убедиться, что ты в порядке, — его взгляд путешествует по мне, прежде чем остановиться на моих глазах.

Я вообще не могу его читать, поэтому жду, что он скажет. Но все, что он делает, — берет мою руку, подносит ее к своим губам, и мягко целует мою кожу.

— Пожалуйста, позволь мне тебе помочь, — шепчет он. — Я терпеть не могу видеть тебя такой... страдающей от боли.

Задыхаюсь на следующем вздохе, когда слезы застилают мне глаза.

— Как ты вообще можешь хотеть чего — то... после того, что я тебе рассказала?

Он оставляет на моей ладони еще один поцелуй.

— Ничего из сказанного тобой не изменило то, что я чувствую к тебе. Во всяком случае, это просто придает мне еще больше решительности, чтобы заставить тебя переехать ко мне, и увезти тебя из этого дерьма.

— Никто не заставлял меня это делать, Бек, — говорю я, дрожа от следующего поцелуя. — Я решила работать в том месте, потому что там хорошо платили, а я устала работать на трех работах, и все равно едва могла платить по счетам. Я решила лгать об этом, потому что слишком трусила сталкиваться лицом к лицу со своими плохими решениями.

— Мы все принимали плохие решения. Ты знаешь меня достаточно хорошо, и знаешь, сколько раз я облажался.

— Просто потому, что твой папа думает, что ты облажался, это не означает, что это действительно так.

— Это полностью не соответствует действительности. И только ты видишь это так, потому что ты — хороший человек, который хочет видеть во мне только хорошее.

— Я — плохой человек, — выдавливаю я.

— Нет, хороший, — он снова прикасается губами к моей ладони.

— Нет. Я. Не. Хороший. Человек, — проигрываю битву, теряю свою волю, теряю все.

Еще один поцелуй. Потом еще один.

— Тебе нужно перестать так плохо думать о себе и начать видеть себя такой, какая ты есть: добрая, заботливая, красивая, сильная девушка, которая пережила всякое дерьмо, она с этим справилась и выбралась на первое место. Она закончила школу, поступила в колледж, и сама за себя заплатила. Она заботилась о своей маме, когда еще была слишком юной, чтобы это делать. Она заботится о других людях, так чертовски сильно, что не позволяет себе разваливаться, чтобы позаботиться о них. Я просто хочу, чтобы ты позволила другим людям позаботиться о тебе... Позволь мне о тебе заботиться.

Забота.

Забота.

Забота.

Он заботится обо мне.

Моя мама была неправа.

Может быть, она была неправа во всем. Может быть, не все ребята сбегают.

Бек не сбежал, он видел меня в худшие дни. И я не сломалась, когда думала, что он ушел. Я поднялась с этого пола в туалете.

Я так сильно хочу его поцеловать, что едва могу дышать. Единственный способ, который я могу придумать, чтобы воздух попал обратно в мои легкие, — это приникнуть губами к его губам.

Так я и делаю.

Его губы в шоке раскрываются, и я практически отскакиваю, опасаясь, что он больше этого не захочет после моего рассказа. Затем его рука обнимает меня за талию, и он прижимает меня так близко, что не остается места для вдоха. И больше воздух не кажется таким важным. Только его поцелуй. Его прикосновения. Ощущение его защиты.

Он всегда заставляет меня чувствовать себя такой защищенной.

Слезы жгут мне глаза, и я понимаю, из — за чего это может быть.

Потрясенная, я отстраняюсь достаточно, чтобы поступил воздух. Бек прислоняется своим лбом к моему лбу, его беспорядочное дыхание ласкает мои щеки.

— Ты в порядке? — шепчет он, схватив меня за талию.

Я качаю головой, затем киваю, настолько неуверенная во всем.

— Я действительно не знаю...

Он опускает мою голову себе под подбородок и поднимает меня на руки.

— Все будет в порядке. Мы вытащим тебя из этого.

Та часть, где он говорит «мы», ломает что — то внутри меня, потому что после этого я осознаю, что больше не одинока, — и я выбираю не быть такой. Я цепляюсь за него, держусь изо всех сил. И он делает то же самое, может быть, даже еще крепче.

Конец списка...

Глава 21

Бек

Я не ожидал, что сегодня случится то, что произошло. Конечно, я знал, что у Виллоу были секреты, но тот вес, который она тащила на себе, был тяжелее, чем я думал. То, как ей вообще удавалось тащить все это дерьмо на себе, — ошеломляет. Что еще более удивительно, это то, как сильно она себя винит. Вид боли, связанной с ней, едва ли не разрывает мое сердце пополам.

Когда она хватается за меня, обернув вокруг моего тела свои руки и ноги, как будто я — ее спасательный круг, я держусь за нее всем, что у меня есть, боясь снова опустить ее. Хотя, когда женщина входит в туалет и начинает истерить по поводу моего нахождения там, я понимаю, что нам нужно уходить.

Но это не означает, что я позволю Виллоу куда — то уйти.

— Ты поедешь ко мне? — шепчу я ей на ухо.

Она машет головой вверх и вниз.

— Х — хорошо.

Женщина стреляет в меня неприятным взглядом, когда я прохожу мимо нее, направляясь к двери с Виллоу в своих руках.

— Тебе повезло, что я не вызвала менеджера, — огрызается она, положив свои руки на

бедра. — Так неуважительно с твоей стороны быть здесь.

— О, нет, только не менеджер, — я проскальзываю своей рукой под попку Виллоу и держу ее перед собой, пока я совершаю маневр по открытию двери.

— Ты — маленький хулиган, — огрызается женщина. — Как тебя зовут, чтобы я могла сообщить о тебе?

— Мое имя иди — на — хер — и—оставь — меня — в—покое. Я пытаюсь помочь другу, — сообщаю я в ответ, прежде чем выйти и позволить двери закрыться.

Виллоу хихикает, прижавшись своим лицом к моему плечу.

— Это было вроде как грубо.

— Нет, грубым было то, что она подняла такой шум, когда было ясно, что я находился там, чтобы помочь другу, у которого действительно трудный период, — я направляюсь мимо столов, не обращая внимания на изумленные взгляды, которые на нас бросают.

— Да, думаю, ты прав, — она поднимает голову, ее мышцы напрягаются. — Может быть, тебе стоит меня поставить. Люди пялятся.

— Ну, им стоит заняться своими собственными делами, — говорю я достаточно громко, чтобы все услышали, затем улыбаюсь, когда некоторые из них отводят взгляд.

Виллоу кладет свою голову мне на плечо, ее лицо повернуто к моей шее.

— Ты знаешь, я всегда говорю, что ты — мой герой, но прямо сейчас это действительно кажется именно так... уносишь меня отсюда таким образом. Это кажется, очень по — геройски.

— Это потому, что я тайный герой. Вообще — то, супергерой, — когда я достигаю входной двери, то оборачиваюсь и прохожу через нее задним ходом.

Когда я выхожу на улицу, то направляюсь к пешеходному переходу. Ни один из нас не произносит ни слова, мы только держимся друг за друга, когда я перехожу дорогу и бреду по траве к парковке. Когда достигаю своей машины, я открываю пассажирскую дверь одной рукой, затем сажаю ее на сиденье и кладу к ней на колени ее сумку. Не упуская ее из виду, я закрываю дверь, затем спешно иду на другую сторону.

Как только я оказываюсь внутри и завожу двигатель, выезжаю со стоянки задним ходом и направляюсь на дорогу. Чем дальше мы едем в тишине, тем больше я хочу что — то сказать. Но я не уверен в том, что именно говорить, и, честно говоря, хочу, чтобы она заговорила первой, таким образом я бы знал, что она готова к общению.

— Она разбила мои снежные шары, — говорит она так внезапно, что я подпрыгиваю.

Сжимая руль, я позволяю своему сердцу успокоиться, прежде чем заговариваю.

— Кто это сделал?

Она отворачивает свою голову от окна, ее глаза тусклые от слез.

— Моя мама. Вчера, когда она просила у меня денег, она их разбила... все, кроме того, который ты мне подарил, что произошло совершенно случайно, но я все равно была так рада, — она закатывает глаза и вздыхает. — Не знаю, почему я только что это рассказала. Но из всего, что приходило мне на ум, это оказалось первым.

— Я рад, что ты мне рассказала, — я тянусь рукой и переплетаю наши пальцы в надежде, что она не отпрянет. — Что мне не нравится, так это то, что она их разбила. Я знаю, как много они для тебя значили.

Она смотрит на наши переплетенные пальцы.

— Они что — то значили для меня только потому, что мой папа ушел, а я считала, что больше никогда его не увижу. Сейчас то, что у меня есть... Я отчасти рада, что они

разбились, — она вытирает глаза тыльной стороной ладони, всхлипывая, перед тем как поднять свой взгляд на меня. — Насколько плохим человеком я становлюсь, когда хочу забыть о существовании своего отца?

Я качаю головой.

— Это вообще не делает тебя плохим человеком. Я хочу забыть о существовании своего отца, а он даже не уходил от меня.

Она наклоняется своим телом к консоли.

— Да, но он так плохо к тебе относится. Он даже не заслуживает того, чтобы быть в твоей жизни.

— Также, как и твой папа, если ты не хочешь, чтобы он в ней был, — говорю я ей, скользя своим большим пальцем по тыльной стороне ее ладони. — Ты заслужила право ненавидеть его в ту секунду, как он тебя бросил. Ты ничем ему не обязана, так же, как ничем не обязана своей матери. Единственный человек, которому ты чем — то обязана, так это ты сама.

— Я с тобой не согласна, — бормочет она. — Я ничего не сделала, чтобы что — нибудь заслужить.

Я думаю, что она снова ссылается на ту работу. Когда она мне о ней рассказала, я хотел выследить ее мать и наорать на нее за то, что она хреновый родитель, и за то, что вынуждает Виллоу считать, что она должна делать все что угодно, чтобы позаботиться о своей матери — все это является источником самобичевания для Виллоу. И ее отец — не лучше. Начнем с того, что ему вообще никогда не следовало ее оставлять. Хотя, после ее рассказа о том гаде, которого он прогнал той ночью, я рад, что он решил попробовать вернуться в жизнь Виллоу. Но твою мать, от того факта, что она вообще попала в подобную ситуацию, мне хочется запереть ее и держать вечно в безопасности, даже если из — за этого я говорю, как контролирующий козел.

— Могу я кое — что спросить? — осторожно подступаюсь я.

— Да... — она колеблется, затем кивает. — Вперед. Я много тебе должна.

— Ты ничего мне не должна. Я хочу убедиться, что ты не планируешь вернуться в то место.

Унижение затапливает ее глаза.

— Ты имеешь в виду в тот клуб?

Я киваю, снова проводя пальцем вдоль тыльной стороны ее ладони.

— После того, что ты мне рассказала... что случилось с тем парнем... а затем о твоём боссе, который хочет, чтобы ты... — я делаю успокаивающий вдох. — Я просто хочу убедиться, что ты не собираешься туда возвращаться.

Ее пальцы сжимаются вокруг моих.

— Я никогда не планировала заниматься этим... В смысле, всем этим... — ее щеки становятся ярко — красными. — Стриптизом. Я едва могу стоять рядом со сценой, не говоря уже о том, чтобы быть на ней.

— Так ты не собираешься обратно?

— Нет... Но я должна вернуться, чтобы забрать последний чек с зарплатой, — ее плечи опускаются. — Боже, я собираюсь забрать свой последний чек, а у меня даже нет на примете работы.

Мои губы раскрываются.

— Это нормально. Я могу...

— Нет, ты не можешь, — говорит она.

Проклятье, она такая упрямая.

— Я не знаю, почему ты просто не можешь принять мою помощь. В смысле, я понимаю почему, поскольку знаю тебя. Но я, правда, хочу, чтобы ты просто переехала ко мне и позволила мне помочь тебе так, как этого *хочу* я.

Она снова смотрит вниз на наши переплетенные пальцы. Через минуту или две, улыбка натягивает уголки ее губ. Она быстро отводит взгляд в сторону, прежде чем я могу понять, что заставляет ее улыбаться.

— Ты говорил серьезно? — тихо спрашивает она.

Я сбрасываю скорость, чтобы повернуться в свой район.

— Что говорил?

— Все, те вещи в списке, — говорит она, бросая на меня неуверенный взгляд.

Я выдерживаю ее взгляд.

— Конечно же, я говорил серьезно. Каждое чертово слово, — ее губы снова начинают подниматься вверх, поэтому я давлю дальше, хочу полную улыбку. — Особенно про ту часть о боях подушками. На самом деле, это была самая важная часть списка, поэтому удостоверься, чтобы запомнила это, когда я буду стучать в твою дверь в два часа ночи.

Из нее вырывается смех, когда стена напряженности вокруг нас рассыпается в пыль.

— Хорошо, я это запомню, — говорит она. — Но, может быть, нам стоит превратить это в «бой подушками в десять часов». Я бы очень хотела начать ложиться спать в подходящее время.

Я пока еще не хочу улыбаться, но черт, необходимо много силы воли, чтобы сдержаться.

— Ты говоришь, что будешь жить со мной? — спрашиваю я, когда поворачиваю на подъездную дорожку к своему двухэтажному дому.

Ее грудь поднимается и опадает, пока она часто дышит.

— Буду, по крайней мере, пока не смогу найти еще какое — нибудь жилье. Но я буду тебе платить, — когда я открываю рот, чтобы возразить, она добавляет. — Я должна тебе платить, Бек. Я вот такая, и буду хреново себя чувствовать, если не буду платить.

— Тогда я устанавливаю очень низкую цену.

— Сделай ее разумной.

Я паркуюсь перед гаражом и заглушаю двигатель.

— Разумной, но со скидкой.

— Бек...

Я кладу свой палец на ее губы.

— Тсс. Просто позволь мне сделать только это. Так я буду счастлив, и ты будешь меньше беспокоиться из — за своих финансов.

Она остается неподвижной на время, которое кажется вечностью, перед тем как неохотно кивает.

— Хорошо, я дам тебе выиграть на этот раз.

Я чувствую, что, наконец — то, чего — то добился.

А потом беспокойство вспыхивает на ее лице.

— Я думаю, что мы должны поговорить о том, что случилось в туалете.

— Ты имеешь в виду, когда я обнимал тебя? — я притворяюсь идиотом. Но тут либо делать вид, что я не знаю, о чем она говорит, либо смотреть, как она вытащит лист бумаги и добавит еще больше правил.

А я не хочу больше правил. Я не хочу вообще никаких правил. Чтобы ничего не стояло между нами. Никогда.

— Никаких объятий... поцелуев... — ее глаза опускаются к моим губам, а затем на ее колени. — Я не могу больше этого делать, — бормочет она. — Боже, как наша дружба стала такой сложной?

— Она не стала сложной, — говорю я, понимая, что ступаю по тонкому льду. Но я больше не хочу бороться со своими чувствами. И поскольку мы так много целовались в последнее время, я знаю, что она должна испытывать нечто большее, чем просто дружбу. — Если бы ты просто прекратила бороться с тем, чего действительно хочешь и позволила бы себе это.

Она заправляет прядь волос за ухо и всматривается в меня.

— В этом проблема. Моя мать все время чего — то хотела, и она продолжала это искать в барменах или в соседях. Даже однажды в моем учителе.

— В самом деле? В котором из них?

— В мистере Делайбуфи.

Я не знаю, каким у меня становится лицо, но из — за этого она смеется.

Она закрывает рот рукой.

— Серьезно, я не должна из — за этого смеяться.

— Нет, ты определенно должна, — улыбаюсь я, в основном потому, что улыбается она. — Мы должны были посмеяться над этим еще в пятом классе, когда это произошло. Почему ты никогда мне об этом не рассказывала?

Она убирает свою руку ото рта и слегка пожимает плечами.

— Потому что была смущена. Я имею в виду, что он был нашим учителем и носил тот вульгарный парик, похожий на дохлую кошку.

— О, Боже мой, я забыл про парик, — я корчу рожу. — Ладно, я не поклонник твоей матери, но она и правда не высокого мнения о себе, учитывая, что встречалась с ним.

— У меня, своего рода, такая же точка зрения. Она всегда встречалась с этими чуваками, потому что была в отчаянии и не хотела быть одна. Потом они разбивали ее сердце, и она разваливалась на части, пока не встречала кого — то нового, а затем пыталась исправиться. По крайней мере, такой она была. Потом она начала встречаться с наркоманами и все время была под кайфом, — она вздыхает, ее плечи съеживаются. — Я не хочу стать как она. Действительно, не хочу.

Я изумленно смотрю на нее.

— Подожди, ты думаешь, что станешь такой, как твоя мать?

Она поднимает плечо.

— Иногда, мне интересно, буду ли я такой. А потом я начала работать в том месте, где когда — то работала она... а потом все эти вещи с тобой... — она затихает, смотря в окно.

— Что за «все эти вещи» со мной? — тихо спрашиваю я, сердце колотится у меня в груди.

Ее плечи поднимаются и опускаются, делает вдох и выдох. Затем она поворачивает голову в мою сторону. Ее глаза блестят от слез, излучая страх.

— Ты всегда заботился обо мне, а я всегда любила это больше, чем хотела признать. Я помню то время, когда мне было четырнадцать, и ты приехал и забрал меня из моего дома. Когда ты обхватил меня своей рукой: за всю свою жизнь я никогда не чувствовала себя в большей безопасности. И когда ты дал мне обещание... Я так сильно этого хотела. Но

желать чего — то подобного от кого — то другого... становиться настолько поглощенной кем — то... Это раз за разом разрушает мою мать. Она никогда не была в состоянии справиться с одиночеством, пока не была под кайфом или пьяной... Мне бы хотелось сказать, что со мной будет все в порядке, если ты оставишь меня, но даже просто мысль о том, что ты уйдешь, заставляет мое сердце болеть, — в конце она яростно дышит, как будто ее слова потрясли ее до смерти.

Моя реакция отражает ее собственную. Никогда, я не представлял себе, она чувствует ко мне то же самое, что и я к ней. Я не имел дьявольского понятия, как справиться с ее страхом. И все это потому, что она думает, будто я разобью ей сердце, и она, в конечном итоге, станет, как ее мать.

— Хочешь знать, когда я впервые понял, что ты мне нравишься больше, чем друг? — спрашиваю я, а затем задерживаю дыхание, опасаясь, что она скажет «нет».

Она колеблется, кажется, до окончания времен, прежде чем неуверенно кивнуть.

— Когда я вернулся из той поездки в Париж, когда я подарил тебе снежный шар, — у меня ощущение, словно я вырезаю свое сердце, протягиваю ей, и надеюсь, что она его примет, что кажется действительно отвратительно, когда я задумываюсь об этом. — Ты выглядела настолько по — другому, и я заметил это. Я думал, что это просто странность, после разлуки на протяжении трех месяцев, и я, правда, скучал по тебе. Но когда Леви, тот парень, с которым я иногда тусовался, подошел и спросил, — есть ли у тебя парень, — я сильно приревновал и сказал ему, что он у тебя есть.

— Ты так сделал? — удивленно спрашивает она.

Я киваю.

— Абсолютно точно сделал. Затем я почувствовал себя плохо, потому что ты так сильно мне доверяла, а я никогда не хотел рушить это доверие. Поэтому я рассказал тебе об этом во время ланча. Потом Винтер начала тебя дразнить, что ты запала на кого — то еще, и я подумал (ну, надеялся) что это я. Когда я узнал, что это было не так, то мое сердце было немного раздавлено.

Она поднимает брови.

— Твое сердце было раздавлено, когда тебе было четырнадцать лет?

Я киваю, протянув руку, и обхватываю ее в щеку.

— Так и было. И когда мне было пятнадцать лет. И шестнадцать. И семнадцать. И восемнадцать. И неделю назад. День назад. Каждый раз, когда мне напоминали, что я не могу быть с тобой так, как этого хочу. Никогда мое сердце не было так сильно разбито, как тогда, когда я увидел, что ты разваливаешься из — за чувства вины, которое никогда не должна была испытывать. Меня убивает когда я вижу, что тебе очень больно. И я бы никогда, *никогда* не сделал ничего такого, что причинило бы тебе такую же боль, и не важно, думаешь ты так, или нет, — я глажу пальцем ее скулу. — И веришь ты мне, или нет, я знаю, что ты никогда не превратишься в свою маму. Твое сердце было раздавлено ею и твоим отцом, и все равно ты заботилась о матери каждый проклятый раз, когда она разваливалась на части.

— Ты такая дьявольски сильная, Виллс. Все, кто рядом с тобой, это знают. Твоя мама, черт возьми, знает это, хотя никогда не признается в этом. И я знаю, что ты сильнее, чем все остальные, и не важно что ты там думаешь, я знаю тебя лучше, чем кто — либо другой.

— Я знаю, что это так, — слезы наполняют ее глаза. — Ты всегда был рядом для меня. Даже, когда я пыталась оттолкнуть тебя, ты всегда возвращался.

Мы смотрим друг на друга, наши сердца хаотично стучат, а потом мы оба наклоняемся. Я даже не знаю, кто двинулся первым. Это не имеет значения. Имеет значение лишь то, что наши губы встречаются в середине, а она не отодвигается.

Ее пальцы запутываются в моих волосах, когда она притягивает меня ближе. Мы яростно целуемся, цепляемся друг за друга, хватаем ртом воздух, отказываясь разрывать связь, чтобы вдохнуть.

Я не знаю, как долго мы остаемся в машине и целуемся, но когда солнце начинает садиться, мы разъединяемся и направляемся в дом. В ту секунду, как мы ступаем за порог, наши губы снова сталкиваются.

Вцепившись в ее бедра, я подхватываю ее на руки, а она обнимает своими ногами мою талию. Я стону, вспоминая последний раз, когда она это делала: как я терся об нее, как она стонала.

В этот раз я хочу большего.

Столько, сколько она мне даст.

Уношу ее вслепую через дом, спотыкаюсь, пока иду по коридору в свою спальню. Когда она отстраняется, чтобы посмотреть, где мы находимся, мне кажется, что она готова запаниковать. Вместо этого она припечатывает свои губы к моим и прикусывает мою губу. Мое тело содрогается, и я чуть не падаю на пол, но мне удается, спотыкаясь, добраться до кровати.

Уложив ее на матрас, я накрываю ее тело своим и целую медленно, неторопливо, давая понять, что я не спешу.

— Мы не должны ничего делать прямо сейчас, — неровно шепчу я в ее губы.

— Что если я хочу? — ворчит она, а потом ее глаза расширяются.

Я почти смеюсь. Виллоу никогда не была хороша в разговорах о чем — либо сексуальном. Выслушав, что она говорила о своем прошлом, я могу понять, почему. Бог знает, что она видела, пока жила в том доме с мамой и ее бесчисленными ухажерами. Вероятно, она чувствовала себя неловко все чертово время.

Я поднимаюсь на локти, чтобы посмотреть на нее сверху вниз.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя неудобно, когда ты со мной.

Она кладет свою ладонь на мою грудь, и мое сердце стучит под ее рукой.

— Я не думаю, что я вообще себя когда — либо так чувствовала, — потом она обхватывает своими руками мою голову и тянет меня для еще одного поцелуя, одновременно выгибаясь подо мной.

Я стону, опуская свои бедра на нее, вырывая «ох» из ее губ. Снова и снова, мы движемся вместе, так и не разрывая поцелуй. Ее рука блуждает вверх и вниз по моей груди так же, как это было в ту ночь в ее постели. Когда ее пальцы находят подол моей рубашки, я отталкиваюсь назад, чтобы ее стащить и бросить на пол. Потом снова опускаюсь своим ртом на ее рот. Ее вкус сводит меня с ума, и когда она проходит своими пальчиками вверх и вниз по моей груди, я, твою мать, чуть не теряю все свое самообладание. Внезапно, медленный поцелуй становится безрассудным, наши языки переплетаются, наши тела двигаются.

— Так нормально? — спрашиваю я, когда хватаю нижнюю часть ее рубашки.

Она машет головой вверх и вниз, и все мои сомнения разрушаются, когда я сдергиваю ее рубашку. Вскоре следует ее бюстгальтер, и я отталкиваюсь назад и смотрю на нее сверху вниз. Ее каштановые волосы, словно ореол вокруг ее головы, ее большие глаза никогда не выглядели красивее, а ее грудь поднимается и опускается с каждым вздохом. Когда мои

глаза опускаются на блестящий бриллиант выше ее пупка, я сдерживаю стон.

Охренеть.

Я скольжу по нему своими пальцами, и мой член становится чертовски твердым, когда она начинает дрожать.

— Когда ты это сделала? — спрашиваю я, проводя вниз по ее животу.

— Около года назад... Винтер меня на это уговорила, — она прикусывает нижнюю губу, схватив одеяло, когда я достигаю пояса ее джинс. — О, мой Бог, Бек, это ощущается так хорошо.

Я практически теряю контроль прямо там.

— Черт, ты такая красивая, — я скольжу пальцами вниз по передней части ее джинсов и прижимаюсь губами к ее губам.

Идеально.

Этот момент — идеальный.

Может быть, если мы никогда снова не выйдем на воздух, то сможем оставаться здесь вечно.

Глава 22

Виллоу

Не могу поверить, что это происходит. Хорошо, может быть, могу. В глубине души, думаю, я догадывалась, что все эти клочки бумаги не могли остановить то, куда мы с Бекком направлялись. Я просто откладывала неизбежное. Я могла бы бороться с этим дольше... Может быть. Но когда он сказал все эти вещи (эти замечательные вещи, которые заставили мое сердце биться в груди, а трещину в моем сердце немного зажить), я больше не хотела с этим бороться. Я хотела его. Я нуждалась в нем. Меня пугала нужда, потому что желать и нуждаться — это две разные вещи. Без желания можно прожить. А нужда — она, как воздух. Ты не можешь без него жить.

Я не хочу прожить жизнь без Бека.

Я хочу его.

Я хочу чувствовать себя в безопасности.

Безопасность.

Безопасность.

Безопасность.

Эта мысль проносится у меня в голове снова и снова, пока он страстно меня целует, а наши грудные клетки прижаты друг к другу. Его пальцы внутри меня, снова толкают меня к тому звездному месту. Я потеряла весь контроль и не знаю, что с этим делать, кроме как наслаждаться моментом. Когда все закончится, я сфокусируюсь на следующем. И так далее, и так далее. Конечно, неопределенность моей жизни чертовски пугает, но, когда знаю, что я не одинока, мне становится немного легче. У меня не просто есть Бек. У меня есть мои друзья.

Я не одинока.

Люди заботятся обо мне.

А я забочусь о них.

Я забочусь о Беке.

Я так сильно о нем беспокоюсь.

Больше. Чем. О. Ком — то. Еще.

Мой пульс ускоряется при этой мысли, но я снова отбиваюсь от паники и снова сосредотачиваюсь на этих звездах. Этих замечательных, счастливых, проклятых, удивительных звездах.

Его пальцы начинают замедляться, когда я возвращаюсь к реальности, его губы неторопливо двигаются на моих губах, как будто у нас есть все время в мире. Когда его губы, наконец — то, отрываются от меня, он прикасается своим лбом к моему, его глаза закрыты.

— Ты в порядке? — шепчет он.

Я провожу вверх и вниз по его позвоночнику.

— Чудесно.

Его губы дергаются в улыбке.

— Приятно, что ты, наконец — то, это понимаешь.

Качая головой, я слегка щипаю его за бок. Он даже не дрогнул. Я снова делаю движение, немного щекоча, а он остается равнодушным.

— Попробуй все, что ты хочешь, — говорит он с дерзкой ухмылкой. — Но ты меня не возьмешь.

— Хочешь поспорить? — спрашиваю я, изогнув бровь.

Он расслабляется, его руки расставлены по бокам.

— Вперед, попробуй.

— Прекрасно. Попробую, — ухмыляясь, я сажусь, толкая его вниз на матрас, и седлаю его талию. Затем я щекочу его везде. Ну, почти везде.

Он пристально смотрит на меня, его руки расположены под головой, и лениво улыбается мне.

— Ты пропустила одно место.

Он думает, что я этого не сделаю. Я действительно не хочу этого делать... ну, вроде того. Окей, я как бы хочу. Я просто чувствую небольшое стеснение.

Сажусь снова, глядя на него сверху вниз.

— Ты думаешь, что я этого не сделаю?

Он посмеивается, самодовольно ухмыляясь.

— Нет, не думаю, но решительный взгляд в твоих глазах, и правда, чертовски очаровательный.

Я думаю обо всех тех временах, когда он меня щекотал, особенно тот раз, когда я почти намочила свои штаны, и внезапно мне, действительно, хочется доказать, что он неправ. Не знаю, что толкает меня на это, — может, от поцелуев я потеряла рассудок, или, может быть, просто из — за Бека я чувствую себя достаточно комфортно, чтобы сделать это. Хотя, так или иначе, я нахожу достаточно мужества, чтобы проскользнуть своей рукой в его штаны.

— Бляяя, — он выпускает стон, его спина выгибается, когда мои пальцы касаются его.

Определенно, не реакция на щекотку, но я, в любом случае, повторяю движение. Он снова стонет, затем тянется и направляет мои губы к своим губам. Я продолжаю к нему прикасаться, когда его язык проникает между моих губ и исследует мой рот, пока он не стонет мое имя, пока он не теряет полный контроль, закрыв глаза, руки сжимают мои бедра.

— Это не справедливо, — говорю я, убирая свою руку из его джинсов. — Я думаю, что ты наслаждался этим слишком сильно, когда я хотела, чтобы ты ответил за все те разы, когда щекотал меня.

Он посмеивается, кажется измученным, но довольным.

— Ты хочешь, чтобы я показал тебе секретное место?

— Я пыталась везде, — дуюсь я.

— Не везде.

Когда мои брови сходятся в растерянности, он садится, стаскивает меня со своих коленей, потом наклоняется, чтобы расшнуровать свой ботинок. После того, как снимает его, он стаскивает носок, хватая меня за руку и проводит моими пальцами вверх и вниз по его ступне. Затем он выпускает самое забавное хихиканье, которое я когда — либо слышала. Я прохожусь своими пальцами вверх по изгибу его стопы, снова и снова, пока он не молит о пощаде.

После того, как мы заканчиваем дурачиться, он переодевается в свою пижаму, а я одеваю одну из его рубашек. Затем мы вместе лежим в постели, его руки обнимают меня, наши ноги переплелись.

Безопасность.

Безопасность.

Безопасность.

Я постоянно напоминаю себе об этом, когда мои мысли пытаются уплыть к моему будущему. К моему прошлому. К настоящему. Ко всему, о чем знает Бек.

Он знает меня и не сбежал. Он видел уродство и все еще этого хочет.

Я думала, что потеряла его, и одновременно с тем, что мне было больно, я все равно взяла себя в руки.

Все будет хорошо.

Один шаг за один раз. Не паникуй.

— Просто дыши, принцесса, — шепчет он, его губы трутся о мою макушку. — Все будет в порядке.

— Я чувствую, что мне нужно встать и что — то делать, — признаюсь я. — Решить проблемы.

— Мы это сделаем, — говорит он. — Завтра.

И снова он говорит «мы».

Мне нравится этот звук.

Возможно, слишком сильно.

Может быть, это не так уж и плохо, пока все еще есть я и он между «мы».

Я делаю глубокий вдох, а затем еще один.

— Что мы будем сейчас делать?

— Сейчас мы немного поспим, — говорит он, притягивая меня ближе.

Мне немного страшно закрывать глаза, зная, что завтра придется столкнуться со всем: с переездом, с поиском новой работы, с составлением нового плана. Но, пока я лежу в его объятиях, а он проводит своими пальцами вверх вниз по моей спине, спокойствие достаточно преобладает надо мной, чтобы мои глаза закрылись.

Я засыпаю быстрее, чем за все прожитые годы.

Глава 23

Бек

Я просыпаюсь на следующее утро: голова Виллоу покоится на моей груди, мое колено располагается между ее ног, а телефон безумно звонит. Я не делаю никаких движений,

чтобы на него ответить, не желая разрушать этот мирный момент, который удалось перенести с прошлой ночи.

Когда эта хреновина отказывается, к чертям, заткнуться, я сдаюсь и беру ее со своей тумбочки. Когда слово «*Папа*» начинает мигать на экране, я кривлюсь.

— Кто это? — спрашивает Виллоу, глядя вверх на меня.

— Отец, — я отклоняю вызов, бросаю трубку и притягиваю ее ближе, пока ее тело не располагается на одном уровне с моими.

— Как ты думаешь, что он хочет? — спрашивает она, зевая.

Меня, чтобы пришел в офис. Я сомневаюсь, сказать ли ей, понимая, что она будет беспокоиться, а это последнее, что ей нужно прямо сейчас.

Чувствуя мое напряжение, она поднимает голову и начинает моргать, смотря сверху вниз, ее волосы щекочут мое лицо.

— Что он сделал?

Я скольжу руками вокруг ее талии, побуждая лечь обратно.

— Ничего, чего бы он ни делал раньше.

— Бек... — предупреждает она. — Я знаю, когда ты лжешь.

— О, ты знаешь, да? Тогда скажите мне, если я вру прямо сейчас, — говорю я, позволяя мои пальцам проскользнуть под рубашку, которая на ней. — Я снова хочу поместить свои пальцы в тебя и смотреть, как ты стонешь.

Ее щеки краснеют, но внимательный взгляд так и не отвлекается от моего.

— Не пытайся меня отвлечь. Скажи, что он сделал.

Я провожу своими пальцами взад — вперед по ее талии, обращая особое внимание на этот бриллиантик в пупке.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я тебе рассказал о нем вместо того, чтобы сделать это?

Ее губы приоткрываются, но ни одного слова не покидает ее рот, когда я провожу пальцами вниз между ее ногами. В тот момент, когда я практически проскальзываю внутрь, она перехватывает мою руку.

— Мы можем сделать это позже, — говорит она, затаив дыхание. — Прямо сейчас, я хочу знать, что сделал твой отец. Могу сказать, что он что — то натворил.

— О, хорошо, — дуюсь, надеясь, что одержу над ней победу, но, по — видимому, на нее не работает очарование моих небесно — голубых глаз. Все, что она делает, это одаряет меня терпеливым взглядом. — Он шантажировал меня, чтобы я работал в его фирме.

Она отталкивается назад, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

— *Шантажировал?*

Я вздыхаю и повторяю ей то, что произошло. Я также рассказываю ей о файлах, которые нашел на его компьютере. Когда она спрашивает, может ли увидеть файлы, то я передаю ей свой телефон.

Она выскальзывает из — под покрывала, достаивая меня великолепным видом на ее длинные ноги, пока подтягивается и опирается об изголовье кровати. Она начинает просматривать файлы, становясь все более заинтригованной с каждым документом.

— Я абсолютно уверена, что он совершает какое — то налоговое мошенничество, — говорит она, внимательно рассматривая экран. — По крайней мере, он это сделал в этом году.

— Seriously? — спрашиваю я. — Я не знал точно.

— Ну, у меня было несколько занятий по бухгалтерии, так что я помогала владельцу

продуктового магазина, в котором работала в двенадцатом классе, и узнала достаточно, чтобы разбираться, что не все эти числа сходятся с некоторыми из документов. Плюс, я определенно уверена, что некоторых из этих счетов не существует, если только твой отец не владеет танцевальным клубом на Гавайях, которого, я абсолютно уверена, у него нет.

— Не владеет, — говорю я, растягиваясь рядом с ней.

— Так я и думала, — она смотрит на меня и протягивает мне мой телефон. — Что ты собираешься с этим делать?

— Я пока не знаю, — чешу свою грудь.

Прошлой ночью я остался без своей рубашки, но оставил пижамные штаны на шнурке. Обычно я сплю голым. Но я не хотел доставлять ей неудобство, во время ее первой ночи здесь. Я приберегу наготу для более позднего срока, когда она захочет раздеться со мной. Ну, до тех пор, пока она снова не испугается и не положит нам конец, из — за этого я до сих пор немного обеспокоен.

— Как ты думаешь, что я должен делать? Честно говоря, я хочу шантажировать его в ответ, но хотел узнать мнение более объективного умника.

— Ты считаешь, меня объективным умника? — спрашивает она, обхватывает колени и прижимает их к груди.

Я тяну прядь ее волос.

— Ты говорила мне, что я не умник, когда мы жили палатке, помнишь?

— Я практически забыла об этом... Тем не менее, я не уверена, должна ли говорить тебе, что с этим делать, — она кладет подбородок на колени. — Хотя, если ты хочешь знать мое мнение, я тебе его предоставлю.

Я киваю, двигаясь к ней.

— Я хочу твоего мнения больше, чем мнения кого — то другого.

Еще одна улыбка. Я чувствую себя так, словно выиграл еще один приз.

Она вытягивает свои ноги, положив их с обеих сторон от меня, прежде чем метнуться ближе ко мне.

— Ну, думаю, я, наверняка, смогу толкнуть тебе ту же речь, которую ты толкал мне в течение последних нескольких месяцев, только вставив вместо моей мамы твоего папу. Так что поехали, — она откашливается. — Ты должен уйти от своего отца. Он никогда не был добр к тебе и пытается контролировать то, что ты делаешь, но это не правильно.

— Да, но что, если он прав? Что делать, если мне нужно направление в жизни?

— Ты купил свой первый дом, когда тебе было восемнадцать. Я абсолютно уверена в том, что ты на правильном пути.

Я засомневался.

— Или я просто еще один избалованный богатый ребенок.

— Поверь мне; ты ни в коей мере не такой, или не такой, как Титзи. — она скользит ближе, пока ее попа не оказывается у меня между ног, а ее руки — на моих плечах. — Эта девушка глупа. Твой отец глуп. Любой, кто когда — либо сомневался в тебе — просто глупец.

И вот она, причина, по которой я влюбился в нее.

Я поворачиваюсь язык у себя во рту.

— Прекрасно. Я сделаю, как ты говоришь, но у меня есть еще один вопрос.

— Окей. Какой?

— Смогу ли я удержать тебя, ну, скажем, навечно?

Ее глаза расширились.

— Бек...

— Что? — я состряпал свой лучший невинный взгляд. — Это разумный вопрос, особенно когда ты такая чертовски ценная. Почему я вообще когда — то хотел сдаться?

Она закатывает глаза.

— Теперь ты просто нелепый.

— Признай это. Тебе нравится моя нелепость.

— Может быть, только немного.

Мы оба улыбаемся, как идиоты, но я прекращаю глупости, когда приступаю к поцелую, увлекая ее к себе на колени.

К тому времени, как наши губы снова разделяются, мой отец пытается дозвониться до меня в семнадцать раз.

— Предоставить тебе честь? — спрашиваю я Виллоу со своим телефоном в руке. — Или это должен сделать я?

— Я думаю, это должен сделать Ты. Это будет, как лекарство, после всех тех лет, когда он подавлял тебя.

Я чувствую нервозность, когда смотрю на имя своего отца в списке контактов.

— Ты будешь в порядке, — настаивает она, стоя на коленях на кровати передо мной. — Просто позвони ему и скажи, что у тебя есть кое — какие из его файлов, и ты действительно хочешь, чтобы он их увидел. И сделай это своим самым бандитским голосом.

Кивнув, я нажимаю пальцем на его имя, затем прикладываю телефон к своему уху. Он отвечает после двух гудков и сразу же начинает орать, что я должен находиться в офисе. Когда он, наконец, делает вдох, я говорю ему, что мне нужно, и, в первый раз в жизни, он слушает.

В середине разговора, Виллоу встает с кровати и направляется через мою комнату к двери. Беспокойство появляется у меня в груди из — за того, что она уйдет, и никогда не вернется, или, что она вернется со списком. И эти последние пять лет, приводящие нас к этой точке, будут уничтожены. Хотя, когда она достигает дверного проема, то оборачивается и улыбается.

— Я скоро вернусь. Я просто хочу пойти приготовить завтрак, пока ты завершаешь расставание со своим отцом, — она хихикает, довольная собой.

Давление в моей груди трескается, когда я понимаю, что с ней все будет хорошо.

Со мной все будет хорошо.

С нами все будет хорошо.

Глава 24

Виллоу

Я так рада, что Бек решил больше не работать вместе со своим отцом. Конечно, шантажировать его может быть не лучший метод, но если честно, я думаю, что это единственный способ, кроме продажи дома Бека.

Когда Бек разговаривает со своим отцом по телефону и объясняет ему, что он нашел, я бреду на кухню, чтобы приготовить завтрак. Я чувствую себя так хорошо отдохнувшей, и даже не знаю, что делать с собой, только улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь и, по — видимому, делаю всякую чепуху. Честно говоря, я как бы чувствую себя такой счастливой, как

мультикешный персонаж, когда, танцуя, преодолеваю свой путь через просторную кухню.

Но в середине своего лучшего движения робота, я с визгом останавливаюсь, моя челюсть падает до колен.

— Что, черт возьми, это такое? — бормочу я, снимая листок бумаги, который держится на магните на холодильнике.

Задача № 1: Вытащить Виллоу из того дома.

Задача № 2: Доказать ей, что я не собираюсь ее разрушать.

Задача № 3: Сказать ей, что я ее люблю.

Буквы написаны почерком Бека ниже список правил, которые я ему дала; только, мой список зачеркнут.

Сказать ей, что я ее люблю.

Сказать ей, что я ее люблю?

— Бек любит меня? — шепчу я, чуть не выронив список.

Мой сердечный ритм ускоряется. Мои ладони начинают потеть. Мой мозг под кайфом, летит со скоростью миллион миль в минуту. Я бы подумала, что у меня паническая атака, если бы не две вещи: первое, чертовы бабочки восторженно сходят с ума. И второе, я не хочу бежать к входной двери. Я хочу вернуться в спальню. Поэтому именно так я и поступаю, со списком зажатым в моей руке.

Бек больше не разговаривает, когда я вхожу, выглядя одновременно напуганной, и испытывающей облегчение.

— Ну, хорошая новость в том, что он собирается переписать на меня дом, — говорит он, бросая свой телефон на кровать.

Я делаю шаг к нему.

— А плохая новость?

Он кладет локти на колени и массирует свои виски кончиками пальцев.

— Вероятно, больше мне не будет позволено посещать семейные обеды.

— Ох, Бек, мне так жаль, — еще один шаг к нему, и мои пальцы сильнее сжимаются вокруг списка. — Ты будешь в порядке?

— Я буду в порядке. В любом случае, семейные обеды — отстой, — он отмахивается, но я замечаю чуточку боли в его глазах.

— Что я могу сделать, чтобы ты почувствовал себя лучше? — спрашиваю я, останавливаясь перед ним.

Он откидывается назад на свои руки, когда поднимает под углом свою голову.

— Ну, если ты предлагаешь... — его губы кривятся в озорной ухмылке.

Я стучу пальцем по своим губам.

— Ты хочешь, чтобы я снова пощекотала твои ноги?

Он одаривает меня терпеливым взглядом.

— Не совсем то, о чем я подумал, и что ты могла бы пощекотать. Может, поднимешься немного повыше.

— Что? К твоим лодыжкам?

Качая головой, он ловит меня за бедра, поднимает и кидает на кровать.

Я выпускаю смешок, когда подпрыгиваю на кровати, а затем визжу, когда он перекатывается на меня и щекает мой бок.

— Только из — за этого, я заставлю тебя намочить свои штаны, — дразнит он, скользя своими пальцами вверх и вниз по моим бокам.

— Пожалуйста, не делай этого! — визжу я, сопротивляясь, чтобы выбраться из — под него.

Смеясь, он меня накрывает, удерживая в захвате мои запястья, и прижимает мои руки над моей головой.

— Ты терпишь такое поражение... Подожди, что в твоей руке? — его взгляд переходит на меня, а его кадык движется вверх и вниз, когда он сглатывает. — Где ты это нашла?

— На твоём холодильнике, — шепчу я, стараясь изо всех сил, чтобы в мои легкие попадал кислород. *Дыши. Просто дыши.* — Это правда...? Задача номер три?

Мышцы его горла двигаются, когда он сглатывает.

— Это так, но я не хочу, чтобы ты паниковала. Это только то, где я нахожусь, но не буду говорить об этом вслух. Я знаю, что ты ещё не там, поэтому мы можем пока подождать. Я не хочу давить на тебя или заставить тебя испытывать тебя дискомфорт, пока ты живёшь со мной. Ты уже потратила слишком много своей жизни, чувствуя себя неудобно в своём собственном доме. Я не хочу хоть когда —нибудь заставлять тебя чувствовать себя таким образом.

Наступает тишина, наполненная нашим тяжёлым дыханием.

— Принцесса, пожалуйста, скажи что —нибудь, — умоляет он, все ещё держа меня за запястья.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя в безопасности, — бормочу я, не зная, что ещё сказать, кроме правды. — Все время. Ты единственный, кто когда —либо это делал.

— Хорошо, — он расслабляется, скользя пальцем по внутренней стороне моего запястья прямо вдоль моего бьющегося пульса. — Это все, что я когда —либо хотел. Убедиться в том, что ты чувствуешь безопасность. С тех пор, как я в первый раз привел тебя к себе домой, и ты провела здесь ночь.

— Ну, ты полностью и на сто процентов преуспел, — я стремлюсь к легкой интонации, однако звучу бесконтрольно задыхающейся.

— Теперь, когда я вытащил тебя из того дома, я выполнил свое обещание, — затем он наклоняется, чтобы поцеловать меня.

— Бек, — шепчу я прямо перед тем, как его губы прикасаются к моим губам.

Он делает паузу, его веки поднимаются.

— Да?

— М — могу я услышать, как ты это говоришь? — шепчу я. — Я никогда не слышала, чтобы кто —то говорил мне это без манипуляторного смысла, скрытого за словами.

Он кивает, тяжело сглотнув.

— Виллоу, я люблю тебя.

Он так легко это говорит, без каких —либо усилий, не требуя ничего взамен.

Я часто задавалась вопросом, на что будет похоже услышать слово «люблю» и не морщиться. Когда я была моложе, так случалось, но только потому, что я была такой наивной. Возможно, я до сих пор наивная, но в действительности так не думаю. И я не морщусь. Не убегаю. Я не думаю о списках, о работе и о занятиях. Я думаю о Беке и об всем, что он для меня сделал: о том, как он спас меня от ночевки в машине, как он утешал меня в худшие дни, как он не судил меня за сделанный мной плохой выбор, как он заставлял меня смеяться, даже когда от этого я едва ли не мочила свои штаны.

Затем я задерживаю дыхание и позволяю каждому проклятому слогу погружаться в мое сердце.

— Я тоже тебя люблю, — я шепчу. — Думаю, на протяжении уже некоторого времени.

Его глаза расширяются, но этот взгляд длится только мгновение. Потом его губы оказываются на моих. Вскоре его руки находят мое тело, проскальзывая под мою рубашку. Его пальцы трут мои соски, и моя спина выгибается, колени прижимаются к его бедрам. Он снова повторяет движение, шепча, что он может остановиться, если мне нужно. Хотя, я не хочу, чтобы он останавливался.

Никогда.

И именно это я ему говорю.

Он стаскивает мою рубашку, а я тяну вниз его пижамные штаны и боксеры. Потом он кладет меня спиной на кровать и просовывает пальцы внутрь меня, когда его язык раскрывает мои губы. Он работает надо мной до тех пор, пока я уже не могу дышать. Целует меня до тех пор, пока я не могу ясно думать. Любит меня до тех пор, пока все не кажется правильным, и ничего не кажется неправильным.

Хочу, чтобы он меня никогда не отпускал.

Его мысли, кажется, соответствуют моим, когда он отдаляется только, чтобы надеть презерватив. Затем он располагает свое тело надо мной, медленно целует, словно запоминая каждое касание наших губ.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спрашивает он, глядя мне в глаза.

Я киваю с явным намеком на нервозность. Но я отпихиваю это чувство подальше и обнимаю ногами его талию, действительно, хочу это сделать.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — заверяет он.

Потом он целует меня, когда проскальзывает внутрь, а я держусь за него и не хочу отпускать.

Может это и не совершенство, но считаю, что, безусловно, близко к нему.

Глава 25

Виллоу

Следующие несколько дней движутся медленно, но самым лучшим образом. Мы с Бекком проводим много времени бездельничая, смеясь, и сжигая ужин, потому что я, по — видимому, отстойна в приготовление пищи, которая не проходит обработку и не находится в коробке. Бек считает мои отстойные навыки приготовления пищи довольно забавными, даже когда я запускаю все дымовые детекторы в доме, а его смех делает немного легче мои попытки не паниковать.

Чтобы ослабить еще больше своего стресса, я решаю устроиться на работу в библиотеке и занятия по репетиторству в колледже. Бек пытается отговорить меня от двух работ, но я хочу быть в состоянии позволить себе что — то сама, даже разумную скидку в арендной плате. Я также решаю, что Вэн пришлет мне мой последний чек по почте вместо того, чтобы самой его забирать, никогда снова не хочу возвращаться в это место.

Вэн, кажется, не очень обрадован тем, что я бросаю работу, но я рада. И я, действительно, снова начинаю чувствовать себя собой: планировщиком, человеком, который делает правильный выбор, девушкой, которая любит проводить время со своим лучшим другом — ну, я полагаю, что теперь со своим парнем, что для меня является новым и совершенно незапланированным. Это нормально. Я начинаю понимать, что

незапланированные вещи иногда оказываются стоящими.

Кажется, что все идет отлично, пока мне, наконец — то, не приходится признать, что я не могу больше продолжать стирать и снова носить одну и ту же одежду. Я должна вернуться в квартиру, чтобы забрать свои вещи и машину. Так что очень ранним утром пятницы мы с Беком забираемся в его машину и едем обратно к месту, которое, я надеюсь, больше никогда не увижу.

Просто пребывание здесь приводит меня в плохое настроение, и мне интересно, — так ли я себя чувствовала в течение многих лет: ходячим дурным настроением? Я решаю спросить об этом Бека, так как он, кажется, очень хорошо меня знает.

— Ты — не ходячее дурное настроение, — закатывает он глаза, когда хватается одеяла с моей кровати и пихает их в коробку. — Даже сейчас ты не в дурном настроении. Ты просто грустная, потому что это место напоминает тебе о слишком большом количестве плохих времен.

— Да, ты, вероятно, прав, — я открываю верхний ящик комода, чтобы вытащить свою одежду и нахожу снежный шар, который подарил мне Бек. Я улыбаюсь, когда его поднимаю.

— На что ты смотришь? — спрашивает Бек, становясь рядом со мной. На нем джинсы, которые покрыты пылью от перетаскивания мебели, серая рубашка с засученными длинными рукавами, а пряди его волос спутаны. Он выглядит так сексуально. Я не могу понять, как, черт возьми, мне так долго удавалось держать свои руки подальше от него.

Это говорит о слишком большом самообладании.

— На снежный шар, который ты мне подарил, — я поднимаю его и немного трясую.

Он улыбается, глядя на искусственный снег, плавающий в воде.

— Ты знаешь, я очень нервничал, когда его выбирал.

— Серьезно? — спрашиваю, и он кивает. — Почему?

Он пожимает плечами.

— Я думаю, только потому, что это был первый подарок, который я когда — либо тебе дарил.

Мои пальцы обхватывают снежный шар.

— Это был не первый подарок, который ты мне дарил.

Его лоб морщится.

— В самом деле? Что еще я тебе дарил?

— То, чего больше никто никогда не дарил, — я протягиваю руку и переплетаю наши пальцы. — Безопасность.

Его губы дергаются в небольшой, грустной улыбке.

— Однако, это не настоящий подарок, принцесса. Ну, это не должно быть подарком. Это должно быть чем — то, что просто есть.

— Для меня это было подарком. Когда я была моложе, я, правда, много об этом думала, — чтобы у меня был кто — то жизни, кто заставлял бы меня чувствовать себя спокойно вместо того, чтобы постоянно пугать, — я смотрю на снежный шар, наклоняя его назад и вперед. — Я просто никогда не думала, что это произойдет. Затем случился ты, и все изменил. Иногда мне интересно, могло ли так стать, что я жила в этом месте и не превратилась в свою мать, потому что ты всегда был надежным?

Он фиксирует свой палец под моим подбородком и побуждает меня посмотреть на него. Когда наши глаза встречаются, облизывает свои губы.

— Я не думаю, что могу взять на себя полную ответственность за это. Думаю, что ты

выжила в этом месте, потому что чертовски сильная.

Я улыбаюсь, затем придвигаюсь, чтобы его поцеловать. Прямо в тот момент, как наши губы соединяются, внутри дома становятся слышны голоса.

— Где вы, ребята! — сквозь хихиканье кричит Винтер. — И что вы делаете? Потому здесь действительно очень тихо.

Я слышу, как Луна с Греем что — то говорят, а потом смеется Ари.

Качаю головой, мои щеки краснеют. Пока я ей еще не сказала, что мы с Беком переспали, когда она озвучивала свои подозрения по телефону. Очевидно, что мой голос оживился, чего с ним не было неделю назад, что бы, черт возьми, это ни значит.

— Какой бы надоедливой она не была, мне нравится, что она заставляет тебя краснеть, — говорит Бек, ухмыляясь, пока легонько ласкает мою щеку.

Я улыбаюсь, но затем мое счастье быстро ослабевает.

— Подожди. Что мы им скажем?

— О чем? — он притворяется глупым, его бровь дразнящее поднимается.

— Знаешь о чем. Про тебя и меня, — я кладу руку ему на грудь, чтобы игриво пихнуть его, но он хватает мое запястье и рывком притягивает меня к себе, наши грудные клетки сталкиваются.

Он кладет руки на мою талию.

— Я уверен, что они уже знают.

— Откуда?

— Потому что это процесс растянулся на четыре года, а они все это время наблюдали за этим.

— Да, может быть... — сжимаю свои губы, не зная, что делать.

— Почему ты кажешься испуганной из — за того, что они узнают? — спрашивает он, пытаясь скрыть свою боль, но его глаза выдают правду.

— На самом деле, я не очень боюсь, что они узнают, — признаюсь я. — Я просто боюсь, что, когда они это сделают, все станет по — настоящему реальным. И станет гораздо сложнее потерять то, что у нас есть.

— Я никуда не собираюсь, — уверяет меня он, нежно целуя в губы. — Прекращай слишком много думать и просто признай, что мы с тобой принадлежим друг другу. Мы реальные, и ты меня не потеряешь. Ты хочешь меня, а я хочу тебя.

Я киваю, меня охватывает нервное состояние, когда Винтер заходит в мою комнату.

Она одета в темно — пурпурное платье, ее волосы вьются, макияж безупречен, и она щеголяет на каблуках.

— Думаю, что просила тебя одеть что —нибудь удобное, — говорю я ей, понимая слишком поздно, что руки Бека все еще на моей талии. Я решаю отступить, затем принимаю решение остаться и принять то, что хочу, как и сказал мне Бек.

Ее глаза бросаются на руки Бека, и коварная ухмылка распространяется по всему ее лицу.

— Я знала, что по телефону ты казалась взволнованной.

— Что это значит? — спрашивает Ари, когда заходит в мою спальню. В отличие от Винтер, он внял моему совету, касательно одежды, и одел старую футболку и дырявые джинсы. Он один раз смотрит на нас с Беком, и облегчение оmyвает его лицо.

— Слава Богу. Черт, ну наконец — то уже.

Бек с гордостью ухмыляется, в то время как я становлюсь крайне смущенной.

— Секундочку, — говорю я, отступая в сторону Ари. — Ты не кажешься удивленным из — за этого.

Ари дает задний ход с виноватым выражением на лице.

— Послушай, я знаю, что ты имеешь в виду, и я просто хочу сказать, что считал, будто упрощал все.

Я скрещиваю свои руки.

— Как упрощает для меня все рассказ о том, что Бек и Винтер нравятся друг другу?

— Подожди, что? — Винтер поворачивается в сторону Ари. — Ты ей это сказал?

Ари пожимает плечами.

— Она всегда сходила с ума, когда Бек пытался приударить за ней или поцеловать, так что я подумал, что упрощу ей это, позволю ей думать, что Бек любит кого — то еще. Таким образом, она не должна была нервничать каждый раз, когда все мы были вместе.

— Твоя логика немного извращенная, но я ценю это, — чтобы это доказать, я его обнимаю.

— Я просто хочу, чтобы все были счастливы, — говорит Ари, обнимая меня в ответ. — И были в хороших отношениях.

— Ты такой простофиля, — дразнит его Винтер. — Но это нормально. Именно поэтому мы тебя и любим.

Ари закатывает глаза, когда мы делаем шаг назад.

— Я — простофиля? Ты — та, кто всегда ревет при просмотре фильмов. И пока читаешь книги. И когда видишь щенков.

— Эй, щенки очень милые, — спорит Винтер, уперев свои руки в бедра.

Они продолжают спорить, когда в комнату входит Луна с Греем. Тогда мы вшестером заканчиваем упаковывать мои вещи и загружаем коробки в машины. Я не забираю мебель или что —нибудь еще в доме, не в пользу своей мамы, а чтобы начать с нуля.

Хотя я не получаю шанс, что — то исправить, я выбираю — отпустить прошлое и двигаться к новому, менее напряженному будущему.

— Считаешь, что все забрала? — спрашивает Бек, когда я в последний раз обхожу вокруг свою комнату.

Винтер, Ари, Луна и Грей — все они уехали, чтобы доставить кое — какие из моих вещей в дом Бека.

Я киваю, хватая блокнот и листок бумаги.

— Мне просто нужно сделать еще одну вещь.

Он двигается ко мне, когда я наклоняюсь над комодом, чтобы написать записку.

— Что делаешь?

Я прижимаю стержень ручки к листу бумаги.

— Пишу маме записку, чтобы дать ей знать, где я.

— Виллоу, ты думаешь, что это хорошая идея? — в его интонации осторожность. — Что если она попытается разыскать тебя и получить от тебя деньги или что — то в этом роде?

— Я не скажу ей, где буду физически, — объясняю я. — Я скажу ей, где я мысленно.

— Ох, — он больше не спорит, просто становится позади меня и массирует мои плечи, давая мне то утешительное чувство, которое я так сильно люблю. — Тогда, действуй на свое усмотрение.

Я делаю глубокий вдох, а затем пишу.

Мама, я не знаю, как много времени тебе понадобится, чтобы осознать, что я здесь больше не живу, и я об этом очень сожалею. Мне очень жаль, что ты попала в такую ужасную ситуацию, что тебя на самом деле не волнует, увидишь ли ты меня еще раз или нет. Однако, действительно, больно, что тебе все равно, и я больше не могу позволить этой боли меня контролировать. Я потратила так много ночей, беспокоясь о тебе, желая знать, где ты находишься, вернешься ли ты, любишь ли ты меня, и опасаясь всех ответов. Но я устала удивляться, и ждать, и надеяться, и бояться. Я провела так много своей жизни, боясь этого дома, твоих бойфрендов, тебя, того, что стану, похожей на тебя. Знаю, звучит жестоко и, возможно, так и есть, но я говорю тебе все это с надеждой, что, может быть, ты изменишься. Может быть, ты получишь помощь, которую должна была получить давным — давно, так как меня больше не будет рядом, чтобы сделать это для тебя. Я больше не собираюсь быть помощницей. Я собираюсь стать той, кем должна была быть все время: девочкой — подростком, собирающейся в колледж, которая иногда счастлива, иногда грустит, иногда потеряна, иногда испугана, но только из — за своих собственных жизненных решений. И в то время как я боюсь уйти, я знаю, что это к лучшему. Я просто хочу, чтобы ты знала, — если решишь получить какую — то помощь и вылечить себя, ты всегда можешь мне позвонить. Я оставлю свой номер телефона внизу. Только, звони мне, если ты снова станешь моей мамой, а не той женщиной, с которой я жила практически последние тринадцать лет. Я, правда, скучаю по ней.

С любовью, Виллоу

Когда заканчиваю, я кладу ручку и оставляю записку на кухонном столе. Бек остается рядом со мной все время, держит меня за руку, уверяет, что я в этом не одна.

Это для меня совершенно новое чувство, то которое я приму.

Когда мы выходим из дома, я понимаю, у меня есть последняя проблема, о которой нужно позаботиться.

— И «Мерседес» возвращается, — бормочу я, нахмурившись, когда его дверь открывается, и вылезает мой папа.

Бек отслеживает мой взгляд, а потом его рука стискивает мою руку.

— Давай просто сядем в машину. Ты не обязана с ним разговаривать, если не хочешь.

Я, правда, не хочу. В то же время, я знаю, что отсутствие финала меня съест.

— Я просто скажу ему, чтобы он оставил меня в покое.

Я стартую к своему папе, потянув Бека вместе с собой, и он следует без сопротивления.

— Привет, — говорит он, когда я его достигаю. — Я очень рад, что поймал тебя. Я знаю, ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, но я бы очень хотел с тобой поговорить.

На нем рубашка с засученными рукавами, брюки, и офигенно блестящие туфли. Интересно, уехал ли он только что с работы. Интересно, где он работает. Мне интересно узнать много всего, я не знаю о нем ничего, кроме того, что он ушел от своей семьи, не оглядываясь назад.

— Я просто хочу тебе сказать, что никогда не хочу с тобой разговаривать, — говорю я, капельку расслабляясь, когда Бек поглаживает пальцем по внутренней стороне моего запястья.

— Глубоко дыши, — шепчет Бек, предупреждая меня о моем паническом дыхании.

Я делаю то, что он говорит. *Воздух вдохнуть. Воздух выдохнуть.*

— Виллоу, пожалуйста, просто дай мне несколько минут, — умалет отец, подходя ко

мне.

Я делаю шаг назад, натываясь на Бека.

— Ты не заслуживаешь нескольких минут, — говорю я ему. — И если ты хотел эти несколько минут, ты мог бы получить их тринадцать лет назад.

— Я об этом знаю, — говорит он, нервно теребя свои рукава. — Я знаю, что все испортил. Я действительно это делаю. Но парень, которым я был тогда... Я больше не он.

— Тогда кто ты? Потому что все, что я знаю — это мужчину, который оставил меня с ужасной матерью.

Он проводит рукой по лбу, словно в недоумении из — за этих слов.

— Вплоть до нескольких недель назад, я не понимал, насколько плохой была твоя мать. И вплоть до тех нескольких лет назад, я никогда не думал о тебе или твоей маме, был слишком пьян, чтобы беспокоиться. Потом со мной что — то случилось, это стало настоящим откровением, поэтому я протрезвел и понял... — он прерывисто выдохнул. — Я понял, как сильно я облажался со своей жизнью за последние два десятилетия. И не только со своей жизнью, но и с жизнью своей дочери.

— Если это — правда, тогда почему тебе понадобилось два года, чтобы меня найти? — огрызаюсь я, сдерживая слезы.

— Потому что я хотел хорошо подготовиться. Он медленно подходит ко мне, засовывая руки в свои карманы. — Плюс, я знал, что ты сейчас будешь вся такая взрослая и, вероятно, не обрадуешься моему возвращению.

Из моих глаз скатывается несколько слез, но я их быстро смахиваю.

— Тогда зачем вообще пробовать?

— Потому что я хочу тебя видеть, — он вытаскивает руку из кармана и проходится пальцами по волосам. — Независимо от того, делает ли это меня эгоистичным или нет, я решил попробовать.

— Тогда почему же ты просто не попробовал, вместо того, чтобы следить за мной или наблюдать за домом?

— Потому что я испугался, — признается он. — Потому что я знал, что именно такой будет твоя реакция.

— Я имею право так себя вести.

— Я знаю, что имеешь.

— Ты хоть когда — нибудь чувствовал себя плохо за то, что сделал? — мой голос надламывается.

Его глаза увеличиваются, и он начинает тянуться ко мне, но я отдергиваюсь.

— Конечно же, я плохо себя чувствую из — за того, что сделал, — шепчет он, на грани слез. — Это не дает мне покоя каждый час каждого дня. Я хотел бы забрать обратно все, что натворил, но не могу. Что я могу сделать, так это попросить — молить о еще одном шансе. Даже если это всего лишь несколько минут твоего времени. Пожалуйста, Виллоу, просто позволь мне это.

Мои ноги начинают дрожать, когда тревога проноситься по моим венам. Я должна уйти, должна бежать от этого человека, но я не могу заставить двигаться свои ноги.

Бек кладет руки мне на плечи и массирует мышцы, пытаясь заставить меня успокоиться.

— Ты хочешь уйти? — шепчет он мне на ухо.

Я киваю.

— Я, правда, хочу.

Бек убирает руки с моих плеч, берет меня за руку и ведет к машине. Мой папа смотрит в панике, как я ухожу все дальше от него. Не знаю, что движет мной — паника или, может, где — то в глубине души, я просто хочу несколько минут поговорить со своим отцом. Что бы это ни было, я останавливаюсь у пассажирской двери и возвращаюсь назад.

— У тебя есть визитка с номером телефона?

Он быстро кивает головой, потом роется в кармане в поисках бумажника.

— Да, на самом деле, есть, — он достает визитку и протягивает ее мне. — Это мой рабочий телефон, но ты можешь звонить в любое время.

Интересно, что он делает на работе... кто он сейчас... смогли бы мы когда —нибудь преодолеть прошлое. Я не совсем уверена. Хотя, если я и научилась чему —нибудь за последние несколько месяцев, то это, что я не должна убегать от всего, просто потому, что боюсь. И хотя мой папа, действительно, не заслужил шанс со мной разговаривать, я вроде как должна ему.

— Я не знаю точно, позвоню тебе или нет, — говорю я ему, пряча визитку в карман своих джинсов. — Но я подумаю об этом.

— Это все, о чем я прошу, — быстро говорит он. — Могу я задать тебе только один вопрос?

Я не хочу ничем с ним делиться, но все же киваю.

— Ты больше не живешь в этом месте, верно? — спрашивает он с беспокойством. — Похоже, что ты съезжаешь... в какое — то лучшее место, я надеюсь.

Я не могу удержаться от улыбки, когда я бросаю взгляд на Бека, который стоит рядом со мной, держа меня за руку.

— Да, я переезжаю... туда, где гораздо, гораздо лучше.

Начало нового списка...

Эпилог

Виллоу

После переезда из той квартиры и после того, как бросила ту ужасную работу, моя жизнь стала намного проще. Я все еще трачу много времени на выполнение домашних заданий, работаю на двух работах, и, вероятно, переживаю больше, чем нужно. Я начинаю понимать, что всегда могла быть беспокойным человеком, но со мной все будет в порядке до тех пор, пока я справляюсь с беспокойством вместо того, чтобы заупоривать его. Поэтому я так и делаю. Я справляюсь с ним самостоятельно и иногда с помощью Винтер, Ари, Луны, и, конечно же, Бека.

Я бы хотела сказать, что имя моей мамы было в этом списке, но, к сожалению, я не слышала о ней ничего на протяжении двух месяцев, с тех пор, как она разбила все мои снежные шары и свалила. Однажды я проезжала мимо квартиры, когда ехала через город. Хотя я не остановилась, слишком боялась того, что там найду или чего не найду. Место выглядело пустым; свет был выключен, темнота окутывала каждое окно. Честно говоря, оно, вроде как, всегда выглядело таким образом.

Оставаясь на позитивной ноте: мой папа не оказался таким ужасным, каким был, когда мне было шесть лет. Пару недель назад, я встретила с ним на один час, и он мне объяснил, что боролся с алкоголизмом, даже до моего рождения, и что свалил, потому что был глуп,

пьян, заботился больше о алкоголе, чем обо всем остальном. Он также сказал мне, что никогда не ненавидел себя больше, чем тогда, когда узнал, что именно я пережила со своей мамой. Проведя столько времени ненавидя саму себя, я сказала ему, что не хочу, чтобы он чувствовал себя таким образом. Он может чувствовать себя плохо, но не ненавидеть. Мы закончили наш разговор неловким рукопожатием и обещанием снова поужинать, когда бы я ни была готова. Пока еще я не решила, когда это произойдет, и не чувствую, что должна спешить с решением.

Один шаг за раз, так всегда говорит мне Бек.

Я не знаю, что бы я без него делала. И еще, я до сих пор боюсь, что однажды мне придется узнать это, но я стараюсь не думать об этом слишком много, сосредоточиваясь на моментах, которые проживаю с ним.

На замечательных, удивительных, захватывающих дух моментах.

На моментах, которых у меня почти не было, потому что я была слишком напугана.

Но прямо сейчас я не боюсь.

На самом деле, я очень рада.

— Десять часов, — объявляю я, когда вхожу в его спальню, мои руки спрятаны за спиной. — А ты знаешь, что это значит?

Он сидит в постели без рубашки, глядя на свой ноутбук, на нем ничего нет, кроме пары джинсов. У меня есть непреодолимое желание подбежать и прикоснуться к нему. И я так и сделаю. Но сначала, мне нужно ему кое — что отдать.

Он бросает взгляд поверх своего ноутбука, его глаза мерцают удивлением, когда он осматривает мои клетчатые шорты и простую майку.

— Я думал, что объявил, что следующий бой подушками будет голышом.

— Я знаю. И я планирую этим заняться всего через секунду, — я подхожу к кровати. — Сначала я хочу тебе кое — что отдать.

Он убирает ноутбук со своих колен и поспешно направляется к краю кровати.

— Что это?

Я держу свои руки за спиной.

— Подарок.

— В самом деле? На нем есть кружево и чашечки, и оно демонстрирует то твое сексуальное колечко на животе? — он проходит своими костяшками по моей талии, ухмыляясь, когда я начинаю дрожать.

Да, даже после трех месяцев, я все еще дрожу и краснею, и у меня везде покалывает всякий раз, когда он меня касается. Хотя, это нормально. Эти ощущения очень приятные, когда я не сопротивляюсь ему.

— Извини, но на этом нет никакого кружева, — хихикаю я, когда он выпячивает свою губу. — Хотя, могу пообещать, что это хороший подарок. По крайней мере, я так думаю.

— Хорошо, давай посмотрим, что у тебя там, — говорит он, взволнованно потирая руки. Усмехнувшись, я убираю свою руку из — за спины, и передаю ему листок бумаги.

Он моментально хмурится.

— Это хороший список, я обещаю, — стараюсь его успокоить.

Все, что он делает, это сжимает свои губы, отказываясь его принять.

Вздыхнув, я сажусь рядом с ним и раскрываю листок бумаги. Потом громко читаю то, что хотела ему сказать в течение многих лет, но слишком боялась.

— *Все причины, по которым я тебя люблю:*

Потому что ты подарил мне самый клевый снежный шар из существующих.

Потому что ты не думал, что я чокнутая в первый раз, когда пришел в мой дом.

Потому что ты меня все время обнимаешь.

Потому что ты веришь в меня.

Потому что ты самый хороший парень, которого я когда — либо встречала и когда —нибудь встречу.

Потому что ты заставляешь меня чувствовать себя в безопасности, даже в самые страшные времена.

Потому что я могу поговорить с тобой о сексе, и не краснеть... Ну, иногда, пока мы не говорим о чем — то действительно грязном.

Потому что ты заставляешь меня смеяться.

Потому что ты заставляешь меня улыбаться.

Потому что ты знал, что нужно составить для меня список.

Потому что ты отказался меня бросить, даже когда я так сильно сопротивлялась.

Потому что ты — мой лучший друг.

Потому что ты заставляешь меня видеть себя такой, какая я на самом деле.

Потому что ты все еще заботишься обо мне, даже когда я показала тебе самое худшее в себе.

Потому что ты все еще хочешь меня, даже когда я была в своем худшем состоянии.

Потому что ты удивительный, замечательный, добрый, заботливый, милый, смешной, и абсолютно чокнутый. Но давайте посмотрим правде в глаза, я такая же.

Потому что ты показал мне, как любить не только тебя, но и себя.

К концу мой голос дрожит от нервов, и я быстро прочищаю свое горло.

— Я просто хотела, чтобы ты все это знал — знал, как ты для меня важен.

У него пустое выражение на лице, и мне интересно — может, я немного слишком влюблена. Но потом он улыбается, и неожиданно обхватывает мой затылок и притягивает ближе для поцелуя. И внезапно, краткий миг беспокойства улетучивается.

— Я тоже тебя люблю, — шепчет он между поцелуями. — Но ты не упомянула еще кое — что.

Я отталкиваюсь немного назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Правда?

Он кивает.

— Ты забыл сказать, что любишь меня, потому что у нас удивительные «обнаженные» бои подушками.

Я смеюсь, качая головой. Но веселье испаряется, когда он снова становится серьезным.

— Я, правда, тебя люблю, — говорит он. — Больше чем что — либо.

— Я это знаю, — говорю ему прежде, чем впиться в его губы своими.

И это правда. Я знаю, что он меня любит. Я всегда знала. Просто была слишком напугана, чтобы это признать. Слишком боялась, чтобы принять. Слишком боялась вещей, которые я не могла контролировать.

Слишком боялась.

Слишком боялась.

Слишком боялась.

Я едва не позволила страху разрушить свою жизнь, почти позволила ему контролировать себя. И я почти упустила идеальный момент, как этот. Потому что, в то время, как жизнь наполнена несовершенством, само совершенство существует в редких, красивых моментах. Редкие, красивые моменты делают жизнь действительно стоящей того, чтобы жить. И я рада, что не так сильно боюсь плохого, что не упускаю хорошее. Честно говоря, думаю, что сделаю это своим правилом номер два в жизни, сразу после первого: любить Бека.

Больше книг на сайте - Knigolub.net